

Иеромонах Серафим
(Катышев)

ПЕТУШКИ ОБЕТОВАННЫЕ

в трех
книгах

✠
Христосе
воскресе!
Сердце мое преле-
ствою всех
злочинных свет-
лостию правды
моей. Наслажда-
йся да при-
родити всем
вашим сердцем
прииди к себ на во-
схождение
иже
иже

Зеленая серия надежды

иеромонах Серафим (Катышев)

**Петушки обетованные.
В трех книгах**

«Издательство Сретенского Монастыря»

2018

УДК 271.22(470+571)-1
ББК 86.372.24-4

(Катышев) и.

Петушки обетованные. В трех книгах / и. (Катышев) —
«Издательство Сретенского Монастыря», 2018 — (Зеленая серия
надежды)

ISBN 978-5-7533-1492-5

Этот сборник состоит из трех книг — «На рассвете души», «Петушки обетованные», «Мое небо — То и это». Автор вводит читателя в мир размышлений о смысле жизни и обретении внутренней опоры. Он знакомит нас с примерами подвижничества нашего времени, маленьких и больших чудес, помощи Божией тем, кто стремится очистить свою душу и возвысить дух на избранном пути. Книга рассчитана на широкий круг читателей, однако адресована в первую очередь тем, кто ищет дорогу к храму или уже начал спасительное движение по ней.

УДК 271.22(470+571)-1
ББК 86.372.24-4

ISBN 978-5-7533-1492-5

© (Катышев) и., 2018
© Издательство Сретенского
Монастыря, 2018

Содержание

Предисловие к шестому изданию	6
Книга первая. На рассвете души	7
Слово священника	10
Пути-дороги	11
Рассказы старой монахини	11
Владычица	13
Милости Божии	13
Лешка	14
Николай Угодник	16
Помощь Пресвятой	18
Шапка	19
В лесу	20
Сердце доброе	20
Атаман	20
Сон	21
Блики чудес	22
Начальное чудо	23
Отчитка	24
Колдовская порча	24
Дометий	25
Турецкое седло	25
Звонок	25
Алтарь	25
Послушание	26
Хор Ангелов	26
Стук в дверь	26
Вразумление	27
Помощь Пречистой	27
На Святой Земле. Первое чудо	27
Сила благодати	28
Ангел за трапезой	28
Молитва ребенка	29
Чудеса одной семьи	29
Отец Николай	31
Аленький цветочек	37
Инок Иоанн	43
На рассвете души	56
На первой седмице	56
Праздник по вере	65
Сосуд благодати	67
Воздаяние	69
Книга вторая. Петушки обетованные	74
Введение	77
Храм	78
Люди Божии	93
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Серафим (Катышев)

Петушки обетованные: в трех книгах

© Серафим (Катышев), иеромонах, 2018

© Сретенский монастырь, 2018

Предисловие к шестому изданию

Из укромных родников и маленьких ручейков, незаметных и текущих через цветущие луга, тенистые леса и широкие поля родных просторов, слагаются воды большой реки. Часто этот поток становится не только символом того края, который дал ему жизнь, но и образом всей страны. Как в зеркале водной глади, отражаются в этой могучей реке жизни и многовековая история народа, и его нрав, и его духовные сокровища, и то, чем он живет.

И эта книга впоена водами родной истории, сложилась из рассказов о непростой жизни русских людей, от Всероссийского патриарха до безвестных прихожан и инокинь земли Владимирской, в годы исторического ненастья. Это рассказы о незаметном и повседневном подвиге святости, рожденном долготерпением и милосердием, любовью к Богу и к ближним. Именно они, Божии люди, – главные герои этой книги, молитвой и трудом которых всегда стояла Русская земля.

Автор сумел соткать из, казалось бы, разрозненных рассказов о тяжелых судьбах людей большое и светлое полотно о единстве общей судьбы русского народа, о взаимосвязи жизней человеческих, основанной на верности вере отцов и матерей. Эта связь судеб в Промысле Божиим помогала героям рассказов в суровые годы сохранить неугасимую лампаду веры и передать ее нам, чтобы и мы, сохранив ее свет, передали ее в свое время нашим потомкам.

Автор книги – иеромонах Серафим, ныне насельник одного из монастырей Владимирской земли, – в рассказах и о своей судьбе и о людях, с которыми ему посчастливилось встретиться на дороге жизни, смог в простых словах охватить и размышления о молитве и монашеском подвиге, о подвиге мученичества и повседневном тяжелом подвиге христианской верности и долготерпения, о грехе и покаянии, об истории Русской Церкви в XX веке и о высоте человеческого достоинства, возводящего от житейских страхов к высоте смиренного несения жизненного креста.

Многие из биографических рассказов заканчиваются в этой книге молитвенным обращением к герою повествования: «Моли Бога о нас!» В этом обращении исповедание живой веры в то, что все мы едины во Христе, что люди, прожившие свою жизнь с верой, надеждой и любовью, живы у Господа и Его любви просят о нас, еще совершающих житейские странствования, чтобы не сбиться нам с пути во мраке обольщающего неверия и дойти до берегов реки жизни вечной, которая есть Христос Спаситель.

«Пока каждый из нас не осознает, что именно он в ответе за все, пока не встанет в полный рост, пусть даже зная, что уже взят на мушку, дело с места не сдвинется... Надо всем нам очистить себя покаянием, просветленные ручейки помыслов и дел направить в одну сторону, чтобы получилась полноводная река, которая со временем станет могучей».

Все святые земли Русской, молитесь Бога о нас!

Книга первая. На рассвете души

*Главное глазами не увидеть. Зорко только сердце.
Антуан де Сент-Экзюпери*

Икона Божией Матери в храме Рождества Христова в Вифлееме

Слово священника

С глубокой старины для русских людей верным признаком истины была красота. Мы через нее и к Православию приобщились. Поэтому поиск красоты – в природе, людях, их душах – заложенная в нас веками необходимость. Этой внутренней заповеди и следует в своем творчестве автор предлагаемой книги.

Геннадий Иванович Катышев¹ – в прошлом авиационный инженер, летчик, мастер спорта СССР, член сборной страны по высшему пилотажу, обладатель ряда рекордов скорости и дальности полета. Его перу принадлежит несколько книг по истории авиации. Приход в Православную Церковь открыл авиатору духовное небо, особую высоту. Человек предстал перед ним как малый космос: для каждой души есть Солнце правды – Христос, есть лазурь благодатной небесной радости, полет святоотеческого богомыслия, заоблачная тишина молитвы и стояния перед Богом. Автор бережно собирает те частички духовного света, что сохранились в народе нашем, намывает их, словно золотые крупинки, из мути нынешнего безвременья и являет нам.

Цель этой книги – всколыхнуть человека, направить его мысли на самое важное, чтобы он помнил о Боге, России, душе, вере. В этом ее своевременность.

Каждая эпоха задает свою высоту. Когда-то подвижники бежали от духовной гибели в пустыню, сейчас начало нашего спасения – в подвиге общения. Автор обращается к читателям с мужественным доверием, с надеждой на понимание, на то сочувствие, которое, по словам великого русского поэта, дается как благодать, преобразующая читателя и писателя в собеседников, в друзей, в народ, в Церковь Божию. В этом – церковность книги.

И название ее очень точно. Именно рассвету души посвящается. Книга эта нужна не только тем, кто бродит в потемках. Она подскажет и воцерковленному читателю, как оценить свой путь к вершине. Всякому свое во благих делах. Да поможет нам Бог!

*Протоиерей Андрей Тетерин, настоятель Свято-Успенской церкви г.
Петушки Владимирской области, 1999 год
† 28.04.2018*

¹ В 2017 году Геннадий Иванович принял монашеский постриг с именем Серафим.

Пути-дороги

Все мы странники в этом мире, и у каждого из нас свой особый, присущий только ему одному путь, своя заветная тропинка, которую в пыльных бурях и водоворотах жизни так легко потерять. Надо иногда останавливаться, оглядываться вокруг, сверять направление с компасом, который изначально дается каждому из нас: с величайшей драгоценностью – совестью. Во время таких остановок будет возможность подумать, оценить пройденный участок пути, а при достижении определенных высот – увидеть дальние горизонты. Это обязательно придаст силы для нового перехода, поможет найти верных попутчиков, наметить точки необходимой опоры для подъема наверх. Но самое главное, человек ощутит великую помощь, поймет: надо идти и дорогу осилит идущий. Мои земные дороги на путях духовных проходили в московских монастырях, Троице-Сергиевой лавре, но наибольшее число тропинок я исходил по Владимирской губернии, и особенно в Петушках. Эта чудесная земля, пропитанная русским духом, а значит и Православием, дала мне радость душевного обновления, особой надежды от множества дорогих моему сердцу встреч.

Рассказы старой монахини

Сегодня Благовещение, светлый праздник души. После литургии и водосвятного молебна мы выходим из храма. Как будто не было многочасового стояния, в теле необыкновенная легкость, в душе чистота. На паперти всех ждет особый подарок – солнце прямо обливает нас своими редкими этой весной щедротами с вершины безбрежного купола безоблачной синевы. Медленно спускаюсь с холма. Я иду не к себе в избушку, а совсем в другую сторону. Старая знакомая, монахиня, давно звала на чашку чая, но все по недосугу, мелким заботам, хворям наша встреча откладывалась. Наверное, я тогда еще не был к ней готов, хотя чувствовал какую-то таинственную тягу. Наконец мы сговорились на Благовещение разговеться рыбой и отвести душу в беседе. Я очень надеялся, что смогу стать благодарным слушателем.

У дверей домика нас поджидал огромный старый кот, который, судя по свежим отметинам, еще активно участвует в раздирающих душу концертах, но уже не всегда ведущим солистом. Про сердечные раны, естественно, он нам поведать не мог, но свои телесные не скрывал.

На голове вырван клоч, прокушено ухо, прищуренный глаз слезился. Кот имел вполне приличное имя, но мне показалось, что ему больше подходит кличка Обормот. Как только дверь приоткрылась, разбойник прорвался в дом и стал хрипло требовать рыбы. Получив приличный кусок, зверь заурчал, намекая на нежелательность моего присутствия в любезном его сердцу месте.

Монахиня Людмила (Золотова) 1998 год

В чистой горнице – иконы, большие и малые, новые и старые. Лик Спасителя, Иверская, Распятие, великие святые. Много бумажных, но все они находятся в удивительном ансамбле, который воспринимается как нечто целое, поскольку каждая, излучая свою особую частоту, слагает гармонию цветомузыки. На стенах фотографии подвижников XX века, которых матушка Людмила² знала лично. Простые строгие лица с очень добрыми глазами жалеючи смотрят на наш мир, который давно уже без остановки скользит в ужасающую бездну.

После скромной трапезы мы как-то незаметно уходим в беседу, нас волнует выбор пути, каким образом человек получает подсказки от провидения, видит ли он расставленные вехи, указывающие на опасные омуты, водовороты, подводные камни, как принимает решения. В избе уютно и покойно. Тикают ходики. Кот, удовлетворив свои потребности на кухне, лениво минует, как бы не замечая, свою лежанку на старых валенках и уверенно подходит к гостю. Тут он, вытягиваясь в свой громадный рост, кладет на меня передние лапы. Зрячий глаз вопрошающе заглядывает в лицо. Я не ожидал от ночного бродяги таких великосветских манер и, уступая навязанным приличиям, вежливо кивнул. Хитрюга тут же устроился на коленях. А матушка тем временем продолжала: «Скажу вам, да, пожалуй, тут многие согласятся, что самая действенная молитва – это материнская молитва Богородице. Только бы она дошла, а уж Владычица не медлит, всегда приходит детям на помощь, если видит, что нужна. Вот послушайте, что со мной приключилось...»

² 10 мая 2004 года приняла схиму с именем Лидия, † 13.09.2007 г.

Владычица

Дело было в войну. Училась я тогда в техникуме, в Орехово-Зуеве. Время было тяжелое, нынешнему поколению трудно объяснить. Голод, холод, другие лишения. Сама жизнь заставляла, казалось, думать лишь о брэнном теле. Старшая сестра работала на фабрике в Усаде, младшая, дошкольница, жила с матерью в Новоселове. Получали мы, студенты, по 500 граммов хлеба в день. Молоденькой девчонке только на один раз, остальной приварок ведь скудный. Но и от этого пайка я отрывала. Как засобираешься домой на побывку, так и экономишь. Хотелось порадовать маму и сестренку.

Попадать в деревню было тяжело. От Покрова лесной дорогой 20 км или от станции Санино – 12. Тоже лесом. Путь короче, но здесь нужно было около километра идти болотом по полусгнившему настилу. Днем страшно, а в сумерках или ночью и подавно. Вот пришли мы однажды поздней осенью в деревню втроем и сговорились через день рано утром обратно. Дом наш стоял с краю, и девчонки должны были за мной зайти. Нельзя сказать, что тогда я была верующей. Просто шла за мамой. Знала основные молитвы, старалась соблюдать заповеди, а поститься заставляла сама жизнь. Хотя в храм и не ходили, ведь церкви были закрыты, а благодаря маме все мы остались в Боге. Наверное, я отличалась от сверстниц, если звали меня «чудная». Иногда и подшучивали. Вот и на этот раз решили девчонки подшутить, заставить идти ночью одной такой дорогой и дрожать от страха. Мама меня толкает, вставай, Верка с Зойкой уже прошли, может, еще догонишь. Я пока одевалась, их и след простыл. Мама видит мое состояние и говорит: «Не бойся. Давай помолимся, положим по три земных поклона Пресвятой Богородице, и в путь. А я за тебя буду молиться».

Вышла я из дома – ничего не видно. Кое-как добралась до дороги, теперь гагаринской. Это уже после гибели Юрия Гагарина от Покрова положили асфальт, а тогда вокруг были только грунтовки. Вот иду я тихонько как раз в направлении места, куда потом упал самолет, сердце колотится. Думаю, как доберусь я одна по такому пути? Вдруг слышу необыкновенной красоты женский голос: «Девочка, ты на станцию?» Я несколько не испугалась незнакомки. Наоборот, было какое-то необыкновенное счастье. «Да», – говорю. «Пойдем вместе, мне туда же». В темноте я не могла хорошенько разглядеть попутчицу. Знаю только, что была она высока ростом и в темном одеянии. Мы не шли, а как бы летели, так было мне хорошо. Женщина все время со мной ласково разговаривала, расспрашивала, подбадривала и прямо изливала доброту. Я не могу вспомнить всего разговора, осталось только ощущение радости.

Идем уже порядочно. У меня мелькнула мысль: «Как бы не опоздать на поезд». А женщина мне тут и говорит: «Не бойся, мы не опоздаем». И точно. Показалась станция. Утром она пустынная. Я стала искать своих сверстниц, нигде никого нет. Где же они, ведь мы не могли разминуться, дорога одна? Посмотрела назад и вижу – выходят, сердешные, из леса, языки на плече. Я к ним. Увидели меня и остолбенели: «Как ты тут оказалась?» Отвечаю, мол, шла той же дорогой, с попутчицей. Они не верят. Говорю, тут она, на станции. Пошли мы туда, а никого нет, и вокруг ни единой души. Как вы думаете, кто это меня сопровождал? Конечно, Она, Владычица. Видно, горяча была материнская молитва.

Милости Божии

Или вот случай. Послали нас от техникума на один день на лесозаготовки. Какие из нас работники? Слабые, голодные. Но время суровое, надо. Было это в начале зимы. Уже холодно. Одежка на мне худая. На ногах опорки. Мама нашла как-то на дороге старую шинель, видно, кто-то уж за ненадобностью бросил, и сшила что-то вроде галош. Натолкаешь туда соломы, и ничего, бежишь. Знала она об этой поездке и, конечно, здорово переживала. Привезли нас в лес, разбили на пары, выдали тупые пилы с зубьями через один и выделили участки. Со

мною оказалась такая же «чудная», как и я, с такими же физическими возможностями. Норма жесткая. Надо было свалить несколько деревьев, обрубить у них сучья, напилить по указанному размеру чурбаки, натаскать в отведенное место и сложить. Сколько это выходило кубометров, я уж сейчас не помню, но точно знаю, что за день нам бы никак не управиться. Здоровым мужикам было не под силу.

Десятница показала рукой: «Вон к березам таскайте, там и складывайте». Посмотрела на нас, видно дрогнуло у нее сердце, и ушла. Надо начинать, а никак не решимся. Подружка говорит: «Давай сначала поедим. Мне тут мама блинцов напекла, а потом, Бог даст, начнем». Ну, поели мы, встали, усердно помолились и пошли, как на казнь. Подходим к этим березам и глазам не верим. Лежат две огромные ели, от комля вершины не видно, уже без сучьев, распиленные, как велено нам, и, главное, самые неподъемные для нас комлевые части находятся как раз на том месте, где надо складывать. Сделали мы из молодых сосенок слег и стали подкатывать к месту остальные чурбаки. Кое-как, надрываясь, уложили все в ряд и тут прямо упали от усталости. Потом маленько пришли в себя, поглядели друг на дружку и, ни слова не говоря, перекрестились. Сидим, отдыхаем, слышим, как позванивают пилы, стучат топоры. Люди работают. Вдруг кто-то крикнул: «Что-то чудных не слышать, может, сбежали?» Идет к нам десятница. «Ну, как дела?» Да, вот, говорим, вроде норму выполнили. У нее широко раскрылись глаза: «Как?» Осмотрела она нашу кладку: срезы свежие, чужих отметок на них нет, все чин по чину. Замерила – действительно точно норма, тютелька в тютельку. Записала нас начальница в свою тетрадь и выдала положенные талоны на паек. «Идите туда, сейчас машина пойдет в Орехово». Мы ног не чуем от радости, бежим, куда она показала.

У машины шофер, мужик в годах, оглядел нас и говорит: «Мешки с собой?» – «Какие мешки?» – «А под картошку. Ну да ладно, поехали». Залезли мы в кузов, переглядываемся, ничего не понимаем. У меня – так, на всякий случай, – была с собой котомка, сделанная из обычного мешка. Вот и вся емкость. Привез он нас к бурту, занесенному снегом. «Набирайте, – крикнул, – да не мешкайте», и сам полез за картошкой. Мы разгребли бурт, там картошка была еще не мерзлой, и набили ею все, что могло вмещать. Последнюю картошину, помню, везла в руке.

Приехали в Орехово, сошли у станции. Ну, думаю, поеду к сестре в Усад, накормлю ее. Попрощалась я с подружкой. Как во сне, шатаюсь от тяжести полученного подарка, она побрела домой, а я на поезд. Анята будто ждала меня. Сварили мы с ней два чугуна картошки и впервые за многие месяцы наелись до отвала. А на полученный в лесу талон я маме потом хлеба привезла.

Ну а здесь что было, а? Тоже Божия милость. Мама, видно, за меня сильно молилась. Царствие ей Небесное.

...Матушка перекрестилась и замолчала. Она была где-то далеко, и я не решался потревожить небесный полет ее мысли. Наконец, будто сбросив с плеч какую-то тяжесть, монахиня продолжала: «Вот мы привыкли мимоходом говорить: “Бог милостив”, “Господь поможет”, а сами того не ведаем, что Он действительно всегда рядом, всегда готов помочь, лишь бы сам человек был способен принять эту помощь. Вот послушайте-ка. Служил в селе Ильинском замечательный священник отец Николай, великой и светлой души человек. Да вы о нем, конечно, слыхали. Так вот, его Господь сподобил участвовать в спасении одной заблудшей души. Вы уж меня простите, что говорю несвязно, уж сами потом слова соберите».

Лешка

Рассказывала мне знакомая монахиня, духовная дочь отца Николая, в миру Евдокия. Был у них в послевоенные годы в деревне, что под Киржачом, бедовый парень. Звали его Лешка. Прямо атаман, хулиган из хулиганов, спасу нет. Бедных, однако, и кротких, вроде Евдокии, не

обижал и в обиду не давал. Вскоре угодил он в тюрьму, а потом уж без остановки пошел по лагерям. На воле совсем мало пребывал. Слава тянулась за ним темная, худая. Но, видно, не совсем конченный был человек. Как-то Евдокия, еще не будучи на монашеской стезе, разговорила с одной монахиней, много претерпевшей за веру. Как оказалось, слыхала та про Лешку в местах не столь отдаленных. Изрядно пришлось ей там пострадать. В лагере монахини старались держаться вместе, помогали друг другу, прятали свои сокровища – молитвослов и Псалтирь. И вот как-то в пересыльном при одной проверке все-таки нашли их книги. Отобрали, конечно. Ну куда монахиням без Псалтири? Беда. Тут кто-то посоветовал: «А вы обратитесь к Лешке владимирскому, он поможет». Лешка был в большом авторитете, и даже лагерное начальство считалось с ним. В общем, книги вернули. Сколько земных поклонов положили монахини Спасителю, и сосчитать нельзя, а за Лешку молились особо.

Много лет прошло. Евдокия тайно стала монахиней и жила еще в деревне. Вот пронесся слух – Лешку привезли. Видно, сочтены были его дни. Худой, изможденный, туберкулез совсем измотал. Здесь у матери он ожидал вызова в стационар.

Шла Евдокия на почту, и вдруг потянуло ее в дом к Лешке. Заходит, видит – сидит он, бедолага, на кровати, скелет один, руки на коленях, глаза закрыты.

– Здравствуй, Леша!

– А, тетя Дуня, проходи.

– Как ты?

– Да, как видишь, подышать скоро.

– Что ты, еще поправишься. Вон мать как тебя обихаживает: и молоко, и сливки.

– Ничего не хочу, душа у меня горит, свет не мил.

– Вот у меня просфора, съешь?

– Просфору? – Лешка весь изогнулся как знак вопроса. – Просфору съем.

Съел все до крошечки.

– Какая вкусная!

– Леша, а ты крестик носишь?

– Да спрашивал у матери, не нашла.

– Леша, а исповедать свои грехи не хочешь? Причастишься потом.

– Хочу-то хочу, да только до церкви мне не дойти, сама видишь, какой я, а проехать в Ильинское сейчас нельзя.

– Леша, а давай, ты напиши свои грехи на бумаге, мать отнесет ее отцу Николаю. Может, он заочно отпустит. Легче тебе будет, поверь.

Лешка задумался. Тяжело ему было, будто ворочал внутри себя огромные глыбы, из последних сил напрягался, лицо стало совсем каменным.

– Ну-ко, подай мне вон из шкафчика тетрадку да карандаш.

Евдокия подала, чувствуя, что настала главная минута в жизни человека, боялась нарушить тугую сосредоточенность Лешки. Он весь ушел в себя. Медленно начал писать. Попишет, закроет ладонями лицо, будто пылающее от стыда, и снова пишет. Закончил.

– А ты подожди, может, еще чего вспомнишь.

Лешка посидел, подумал и снова начал писать. И так несколько раз принимался. Наконец подал бумажку Евдокии и откинулся на кровать в изнеможении.

Монахиня пошла в горницу к Лешкиной матери Надежде и велела ей немедленно идти в Ильинское. Та – ни в какую. Мол, должны приехать за Лешкой, увезти в больницу. Евдокия все-таки убедила, обещала присмотреть за больным. Напоследок наказала ни в коем случае не разворачивать бумажку.

Дорога была тяжелая, едва дошла старая. Отец Николай как будто ждал. Взял бумажку, кивнул Надежде, и в церковь. Подвел старушку к иконе Спасителя, велел молиться, а сам ушел в алтарь.

Долго не было батюшки. Вышел он весь в слезах и говорит: «Ты вот что, Надежда, отправляйся немедленно в Киржач. Он уже там, в больнице. Иди, не мешкай». А идти больше пятнадцати километров. Откуда силы взялись, пошла. Добралась мать до больницы уже затемно, от усталости ног не чувствует. Подает бумажку сыночку, что в ней – не знает, сама слезы концом платка утирает, душа-то не на месте.

Лешка взял листок, развернул, да как рванется с постели вверх, да как закричит: «Господи, Господи...» Слезы брызнули, бумажку целует и слова не может вымолвить. Больные бросились к Лешке: «Что с тобой?» А он упал на подушку, лежит такой немощный, счастливая улыбка на устах, едва шевелит губами: «Отхожу я, братцы...» Так и умер на руках у матери, умер, как тот разбойник на кресте, с глубокой верой во свое спасение.

– А что на бумажке-то было? – вырвалось у меня.

– А никто не знает, так уж получилось. Главное, что был прощен и отошел ко Господу с легкой душой.

Мы замолчали. Монахиня снова ушла в себя, а я размышлял над великим значением ее простых, понятных и таких нужных людям слов.

Апрель 1997 года

Николай Угодник

Следующая наша встреча с матушкой Людмилой состоялась почти через год, в дни Великого поста, на Крестопоклонной неделе. В течение этого времени мы виделись часто, беседовали, но ни разу подолгу не сидели, не хватало настоящего настроения, раскрепощенности, было как-то недосуг. Теперь же все вдруг обрелось, ну не иначе как с Божией помощью. После всеобщей и выноса Животворящего Креста мы и сговорились. Оказывается, монахиня уже давно имеет послушание, можно сказать, на мужскую работу – делает время от времени швабры для Троице-Сергиевой лавры. Съездит туда с помощью благодетелей, сдаст свою работу и, если у лавры нужда, снова получит заготовки. Место послушания облюбовала в баньке. Здесь она никому не мешает ни стуком молотка, ни пыльной подборкой веревок. Подтопит печку, и полный комфорт. С утра пораньше она уже здесь. Как только совершит молитвенное правило, сразу сюда.

Я пришел в назначенное время. На выскобленной лавке среди вороха веревок белело место для меня. Матушка кивнула и не стала прерывать работу. Она довольно ловко прибавала обечайку, прижимая к колодке пучки приготовленных ершей, но все-таки, мне показалось, не женское это дело. Дерзнул предложить помощь и, конечно, получил отповедь. Послушание есть послушание, и перепоручать его кому бы то ни было не дозволено. Я терпеливо ждал. Огляделся. На стене висели карманные часы с треснутым стеклом. Форма корпуса и особенности циферблата говорили об их многолетнем труде. Людмила перехватила взгляд: «Дедулины, а ему достались от отца Доримедонта. Тому же подарил дядя, так что часам не менее ста лет. За все время не имели ни одного ремонта. Ходят до сих пор».

Монахиня отложила работу и распрямилась. Взгляд стал задумчивым. Поглядела в окошечко, вздохнула: «Ну что же вам рассказать? Я тут думала, и, пожалуй, стоит поведать об Александре, о Шурке, как он себя называл. В наши последние времена очень важны примеры, как люди приходят к Богу.

– Было это давно, лет тридцать назад. Добиралась я однажды попутными до лавры. Доехала до Ожерелок и стою на повороте, жду машину в сторону Ярославки, а попутных все нет. Тогда ведь движение было не такое ярое. Вечереет. Что делать, стою. Вдруг показалась большая машина. Я подняла руку, грузовик остановился. За рулем огромный детина, уже в годах. Дверку открыл: «Давай быстрее». А я стою, двинуться не могу, страх какой-то напал, и выбора нет, другой попутной может не быть. Помолилась я в душе и полезла в кабину. Тронулись. Едем, молчим. Шофер своими лапищами легко крутит баранку, поглядывает вокруг. На холме неподалеку показался храм. Детина как-то посветлел и истово перекрестился. Для меня это было так неожиданно, что я не сдержалась и сказала, хорошо, мол, ехать с верующим. А шофер повернулся ко мне: «Как же не верить, если Господь по молитвам матери и святителя Николая Угодника в короткое время трижды меня от смерти спасал!» Видя мою искреннюю заинтересованность, водитель продолжал:

«Было нас три брата. Я – младший. Отец умер рано, поднимала всех мать. Когда мы выросли и встали на ноги, она как-то отошла от нас. Я-то теперь понимаю, в то безбожное время ей больно было смотреть на нас. Мать, можно сказать, стала монахиней в миру. С людьми мало общалась, много молилась, старалась всем незаметно делать добро. Вот началась война. Призвали меня в армию, ведь был я классным шофером, и вскоре уже оказался на передовой. Туда снаряды, харч, оттуда раненых. Работы хватало. Часто немец бомбил, обстреливал. Самолеты охотились даже за одиночной машиной. Однажды попали мы в передрагу и загремели под трибунал. Не буду всего рассказывать, скажу только, что малая вина тут моя была, но никак она не тянула на расстрел. А трибунал суров, всех определили под вышку. Сидим мы в камере смертников, ждем, бумаги где-то ходят, а душа томится, противится несправедливости. Какое же это сильное чувство – томление духа! Вспомнил свою жизнь, грехи. Каюсь. Молюсь: “Святитель Николай! Помоги мне быстро упокоиться! Мамка! Помолись за сына своего непутевого, Шурку!” Конвоиры, видимо, знали суть дела и ко мне относились по-особому. Ведет один меня в туалет и вдруг шепчет: “Вот тебе карандаш и бумага, напиши домой, я отправлю”. На колене я кое-как нацарапал письмо и отдал конвоиру. Прошло несколько дней. Приговоренных начали вызывать, и они уже не возвращались. Настал и мой черед. Попрощался я с ребятами и пошел. Внутри все натянуто, как струна. Ведут по коридору, налево, направо. Останавливают меня у двери. Старший зашел в кабинет и через минуту появился. Иди, говорит. Я переступил порог и глазам не верю: за столом генерал, а рядом мать. “Вот что, служивый. Скажи спасибо матери, благодаря ей мы во всем и разобрались. Даю тебе с дорогами десять суток отпуска. Потом сразу в часть”. Как во сне я вышел оттуда, как до дому добрались, не помню. Отошел только к концу моего пребывания дома. Напоследок мать посмотрела мне в глаза и напутствовала: “Молись усердно, Шурка, Господу нашему, не забывай Николая Угодника”.

Вернулся я в часть, получил новенький “Студебеккер”. Машина – зверь, могла и по целине переть. Вскорости дали мне задание пробиться к нашим в окружении, доставить боеприпасы. Куда точно, не было известно, указали на карте только район. Конечно, я боялся, но страх постепенно сменился какой-то уверенностью, что все будет хорошо. Помолился горячо Николаю Угоднику и рванул на бешеной скорости. В общем, при огневой поддержке проскочил я линию фронта, только пули шелкали по бортам и кабине. Оторвался от немцев и потом сутки кружил, не мог найти наших. Остановиться поспать нельзя, и ехать куда, не знаю. Думаю, прочешу-ка я еще вот этот квадрат и тогда уж остановлюсь. А сам от усталости валяюсь на баранку, мотает меня по сторонам. Помню, надо было мне спуститься в балку, а потом подняться наверх. Вот тут я и уснул. Сплю и слышу голос матери: “Шурка, вставай! Шурка, вставай!” А я проснуться не могу. Вдруг кто-то меня как ударит по щеке, я аж вывалился из кабины. Ну конечно, сразу вскочил на ноги. И, самое интересное, машина с дороги под горку не ушла, остановилась. Я – в кабину, и как обрел второе дыхание, сил прибавилось. Минут через пятнадцать был у своих. Боеприпасы оказались кстати, и группа ночью пробились к нашим.

Все время, пока я был на фронте, чувствовал – кто-то меня защищает. Последний случай просто сразил. В одном из рейсов, дело было зимой, я заблудился в степи. Метель, перед фарами снежная стена. Мороз поджигает хорошо. А куда деваться? Наступила ночь. Я остановился, выключил мотор, потом, чтобы не остыл, время от времени запуская. Утром стало яснее, но все равно до самого горизонта снег, никого и ничего не видно. Я поехал, как мне показалось, в нужном направлении. Опять никого. Ехал недолго, кончился бензин. Что делать? Идти? Куда? Да и по снегу далеко не уйдешь. Стал я молиться. Горячо прошу Николая Угодника о помощи, прямо кричу во вселенную и мамку призываю. Вдруг на горизонте я увидел точку – человек идет. Ой, как обрадовался. По привычке нажал на стартер, и машина завелась. Где-то далеко мысль – ведь бензина-то нет. А машина идет. Вот и человек. Он оказался седеньким старичком, глаза голубые и очень добрые. Я остановил машину метрах в трех от него, думаю, приглашу в тепло. Пока выходил, глядь, а старичка нигде нет. И следов нет. Смотрю, а как же он шел по снегу? И тут я увидел дорогу. Старичок стоял на ней. Ну, чудеса! Вдруг слышу, вроде где-то машина идет. И точно. Показался бензовоз. Шофер его заправил меня под завязку и указал направление. Пока ехал, все думал о старичке, и тут мне как молния мысль – да ведь это же Николай Угодник, никак по молитвам матери спас! Написал я домой – запомни, мамка, такие-то дни, потом, мол, все расскажу о чудесах, а она мне в ответ: а я и часы знаю».

Шофер замолчал. Так мы и безмолвствовали до самого Сергиева Посада, тогдашнего Загорска. Я попросила остановиться у лавры. Денег предлагать не решилась, боялась обидеть, только поблагодарила от души. Шофер кивнул и напоследок тихо сказал: «Помолись за меня Николаю Угоднику».

Монахиня посмотрела в оконце. Синеватый отлив сугробов уже намекал на близкую весну, сосульки на поленнице искрились солнечной сваркой – природа собиралась освободиться от зимних оков и глубоко вздохнуть. «Вот так и у людей, – задумчиво протянула себе-седница. – Счастливый человек, если он сможет сбросить оковы с души и обратить свой взор к Богу. Великое это счастье. Каждодневно ведь являются чудеса, но видит их не каждый. А если и видит, да не всякий разумеет».

Матушка взяла заготовки и принялась колотить. Я не мешал ей расспросами и сам потихоньку уплыл в море удивительных размышлений.

Март 1998 года

Помощь Пресвятой

После тех памятных встреч с матушкой Людмилой мы виделись довольно часто, но не касались темы ее повествований, хотя отдельные эпизоды в разговорах всплывали. И вот, по прошествии нескольких лет, уже после выхода упомянутых в предисловиях книг, матушка как-то остановила меня, виновато посмотрела в глаза и сказала: «Вы знаете (несмотря на нашу дружбу, мы так и не перешли на «ты»), я ведь тогда много недосказала, забыла по своей памяти дырявой, а ведь людям нужны примеры помощи Божией, заступничества Пресвятой Богородицы. Это великая поддержка среди наших скорбей. Вот теперь и каюсь». Тут в утешение пришлось выдать свой секрет и сообщить, что, поскольку последняя книга разошлась быстро, уже думаю о следующем издании. Недосказанное предложил я включить в новую книгу. Матушка приободрилась, и последующие наши встречи были весьма насыщенными. Сказано мне было очень много, но по ряду причин не все можно здесь привести. Предлагаю читателю только вот эти зарисовки.

Шапка

Мама сильно проколола правую ладонь. Хоть и больно, а ведь надо что-то и по дому делать, и корову обрядить. День, другой – рука покраснела, вздулась, боль невыносимая. Ну какая в деревне медпомощь?! Я была на практике в хирургическом кабинете амбулатории Орехова и обратилась за помощью к хирургу. Она мне давала всяких лекарств, растворов, настоек, рассказала, как все употребить, и велела немедленно ехать в деревню. Иди, говорит, к завучу, отпросись и срочно к маме. Меня отпустили на один день. Я сразу на вокзал, а поезд отменили, засветло никак не успеваю. Тут я встретила мужчину с нашей деревни, обрадовалась. Страшно ведь идти одной по лесу, да еще ночью, а тут попутчик. Наконец дождались поезда. Он дотащился до Покрова, и мы двинулись пешком. Идти-то ведь 20 километров. Отошли немного, нагоняет грузовик. Мы подняли руки, а он не остановился. Мужчина ухватился за борт и перевалился в кузов. Тут я испугалась. Темно. Лес. Одна не дойду. Закричала: «Матерь Божия! Помоги, не оставь». Смотрю, машина вильнула в сторону, к обочине, и ветка дерева с мужика шапку-то и сбросила, да не в кузов, а на землю. Пришлось бедолаге выпрыгнуть из машины. Ему горе, а я от радости ног не чую, бегу вперед. Попутчик широко шагает, а я, истощенная, голодная, трусцой за ним. Доплелась кое-как до деревни. Мама все мучается, стонет. Я сделала все, как велела хирург, и больной сразу полегчало. После стольких бессон-

ных ночей она сразу и уснула. Утром и будить ее не стала, побежала назад. Царствие Небесное хирургу. Звали ее Нина. Добрая она душа.

В лесу

А еще было так. Послали меня на месяц в медпункт в деревню Дровново заменить тамошнюю фельдшерицу. Работы почти никакой. Вдруг из соседней деревни Нераж пришла женщина с вызовом на послеоперационную перевязку. Пока я была у них, появились гонцы из Господинова. Пришлось и туда нанести визит. Обратного пути далеко, провожатых не нашлось. Пошла одна. Дороги расходятся, по какой идти, не знаю. Пошла наугад и сразу углубилась в лес. А уже смеркалось. Вскоре и свой след потеряла. Короче, заблудилась совсем. Прошу Матерь Божию о помощи, кричу во все горло, коровой реву. Вдруг что-то хряснуло. Я вся замерла. Зверь какой? Глядь, выходит незнакомый мужчина, уже в годах. Я не испугалась, разрыдалась. Встречный показал направление и все подробно рассказал, как идти. Радости моей не было границ. А в моей деревне забили тревогу. Санитарка с мужем подняла людей мне навстречу. Знали ведь, леса тут серьезные, края нет. Уже глубокой ночью вышли на меня. Матерь Божия не оставила, уберегла. Слава Тебе, Господи!

Сердце доброе

Дело было в войну. Зима лютая. Шли мы, четыре девчонки-голодранки, от Покрова до своей деревни. Едва ноги передвигали. В семь утра получишь в магазине свою пайку сырого хлеба в 500 грамм и тут же ее за три укуса и проглотить. Вот и все. Идем, одежка на всех худая, а на моей заплат больше всех. На ногах опорки, варежки дырявые. Озноб по всему телу. А метель в лицо, снег стеклянный режет, ветер пронизывает насквозь. Мама, конечно, меня ждала и молилась. А материнская молитва, сами знаете, великая. Идем по насту, застругам, но по санному следу. Все-таки легче. Но вот след кончился. Осталось до дома всего пять километров, а сил идти нет. Не дойти нам. Упали бы и замерзли. Тут нас нагоняет женщина. Незнакомка сразу все оценила и пригласила к себе в дом. Она жила в этой деревне. Вот зашли мы, изба нетоплена, но охалка дров у печки. Чистота кругом идеальная. Женщина затеплила лампаду перед иконой и занялась печкой. Потом принесла из чулана огромную перину. Бросила ее на пол. Подала простыни, большие подушки, мягкие одеяла, поставила самовар. Хотела угостить чаем. Но мы улеглись и моментально уснули. Утром встали, за окном тишина, солнце светит. Погода совсем другая. Хозяйка подает нам нашу одежку, уже всю сухую. Даже обувь высушила и нагрела. Какой прием оказал нам совсем незнакомый человек! Видно, у этой женщины было великое сердце. А я, к своему стыду, по молодости своей не запомнила, как ее звать – то ли Марфа, то ли Матрона. Господь, конечно, знает, ведает ее дела и, несомненно, воздал должное этому доброму человеку. Царствие ей Небесное! Много ли сейчас найдется таких великих сердец?

Атаман

Было это на праздник Успения Пресвятой Богородицы. Обычно на престол в Петушках народ весь на дороге. Песни, пляски, никаких конфликтов. Но год-то был 1953-й. После смерти Сталина выпустили из тюрем много уголовников. На работу их не брали, вытеснили за сто первый километр от Москвы; и в Петушках, и в округе житья не стало, на улицу страшно было выходить. Я подрабатывала в хирургическом отделении, и тот день как раз пришелся на мое дежурство. Недалеко от Успенского храма, во втором доме от угла была чайная. Вот эти выпущенные из тюрьмы тут устроили драку и одного крепко порезали. Глубоких ран не нанесли, но места живого на нем не было, весь в крови. Друзки тащат его в больницу, она ведь

рядом. Хирург, дежурный в тот день, жил около больницы, ближе к речке. К нему приехали на праздник гости, и Прохор Гаврилович был навеселе. Я уложила больного на операционный стол – и за врачом. Хирург пришел недовольный. Напустился на лежащего: «Вот, сукин ты сын! И чего тебя только совсем-то не зарезали». Сделал анестезию, да, видно, малую. Шил быстрехонько. Больной не кричал, только скрипел зубами да крепко держал меня за большой палец. Я бегала вокруг его головы за своим пальцем, не могла вырваться. Санитарке пришлось подавать инструменты. Закончил свое дело хирург – и домой, к столу. А нам досталось клеить больного да бинтовать. Кое-как дотащили его до койки, и он уснул. Тут ворвались дружки резаного. Разбежались по палатам, отбирали у больных еду, рылись в тумбочках. Я растолкала больного, говорю: «Помогай». Он только зыкнул на них, и все тут же пропали. Лежал уголовный у нас довольно долго. Начал оттаивать душой. Всегда ждал мою смену, старался, чем мог, помогать. Вскоре его выписали, и он исчез.

Вот наша тетя Фрося, староста церковная, посылает меня в Москву к знакомому свечнику. Тогда все для церкви было трудно доставать. А тут ждали приезда к нам правящего архиерея, и нужно было привезти хорошие свечи. В Москве с грузом посадили меня на поезд, а в Петушках должна была встречать Анна. В вагоне народу было битком, а после Орехова осталась я одна. Страшно, а перейти в другой вагон не могу, везла восемь сумок. Вдруг открывается дверь, и врываются пять человек. Я – ни жива, ни мертва. Садятся вокруг, склабятся, на мои сумки поглядывают. Я только молюсь Пресвятой, взываю о помощи. Тут из другой двери влетели еще человек пятнадцать, все рослые, крепкие. Среди них и мой знакомый. Увидел меня, согнал сидящих, сел рядом.

– Что, – говорит, – испугалась?

– Да, – отвечаю, – сердце не работает, в пятки ушло.

– Теперь, – говорит, – не трясись. А без меня худо было бы. Нас ведь на работу не берут, а есть-то надо.

Вскоре все мазурики ушли из вагона, а главный остался. Доехали мы до Петушков. Атаман помог вынести сумки. Тут, несмотря на протесты, сам нагрузился донельзя и пошagal к нашему дому. Мы с Анной только трусили за ним. У дома провожатый быстренько распрощался и ушел. Больше я его не видела. Опять Матерь Божия спасла меня, грешную. Да и для атамана было хорошо. Как он щедро отплатил добром за добро! Душа-то была его не пропащая. Потом я молилась за того резаного. Может, и ему помогла Матерь Божия. Слава Богу за всё!

Сон

Помните, мы говорили с вами, как это важно – уходить в мир иной с легкой душой. А как ее, душу-то, сохранить не тяжелой, как ее не обременить? Все это есть в Писании, надо только носить заповеди Божии в сердце своем, доброе сеять вокруг, не трубя об этом, да не вешать на себя гири соблазнов. Что легко здесь, тяжело там, и наоборот. Вот послушайте одну историю. Вроде и незатейлива она, а заставляет подумать.

Когда я ездила из Петушков в Сергиев Посад, то останавливалась всегда у тети Поли Комаровой на теперешней Вифанской. Вокруг нее всегда были люди, они тянулись к ней. Сильно пострадала старица в лихие времена за веру. Ничего про свою жизнь не рассказывала, но мы-то знали: находилась она в тайном постриге. Под платком носила апостольник. Были у тети Поли две сестры о Господе, в местах не столь отдаленных за веру вместе страдали. Одну звали Матреша, другую – Марфа. Проживали они недалеко от Сергиева Посада, уж сейчас и не помню где. Имели по домику. Избушки примыкали друг к другу задами и смотрели окнами одна на юг, другая на север. В общем, такой тяни-толкай.

Вот снится тете Поле сон. Смотрит в окно. Идет мимо толпа, и в ней Матреша. Тетя Поля выскочила из дома и закричала: «Матреша, Матреша!» Та отделилась от толпы и подо-

шла к зовущей. «Куда идешь, Матреша?» – спрашивает старица. А та отвечает: «Да ты разве не знаешь, я ведь умерла». Тетя Поля всплеснула руками и стала расспрашивать: «А что, Матреша, умирать-то трудно?» – «Не то слово, и трудно, и страшно». – «Матреша, скажи, правда ли, что огненную реку переходить надо?» Она отвечает: «Правда, и это невыносимо страшно, просто ужас». – «А как же ты ее перешла?» – «А меня Дуняша перевела». Тетя Поля никакой Дуняши не знала, но переспрашивать не стала. «Матреша, а мытарства проходила?» – «Да, все я мытарства прошла, страсть невообразимая». – «А как же ты их прошла?» – «Да я бы не прошла, меня Дуняша провела». – «Ну а как ты сейчас?» – «Да, – говорит, – очень хорошо, только немного меня держит одно. Я тебя попрошу, съезди к сестре. Там у меня остался золотой платок. Попроси его продать, а деньги раздать бедным. Тогда я совсем освобожусь, у меня там больше ничего не осталось». Проснулась тетя Поля, схватила свою палку, сумку – и к Марфе. Едет, а ее всю трясет. Может, сон-то не в руку. Приезжает, действительно Матреша умерла, и сестра ее сильно горюет. Тетя Поля выложила как на духу свой сон, все рассказала в подробностях. Тут же приступила с вопросом, а кто же такая Дуняша. Марфа и поведала.

Было это поздней осенью, дождь межевался со снегом. Холодно, сыро, промозгло. Шла Матреша со всенощной, и нужно было проходить через уже неработающий базар. Вдруг слышит, кто-то рыдает. Пошла на голос и видит: лежит грязная нищая, преклонных лет, в рваной телогрейке, вся дрожит, помощи просит ради Бога, умоляет не бросать ее. Матреша и говорит, мол, пойдем ко мне. А как? Та и встать не может, а сестра поднять ее не в силах. Тут взмолилась Матреша Матери Божией. Кое-как с Божией помощью подняла она старушку, и обе грязные побрели в обнимку. Дома перво-наперво хозяйка нагрела воды и вымыла нищую. Передела ее во все свое чистое. Та плачет от счастья, благодарит. Спрашивает Матреша: «Как звать-то тебя?» «Дуняша», – говорит. – «Ну, пойдем, Дуняша, потрапезничаем». Подвела ее к столу. Дуняша хватает хлеб и не жуя глотает. «Да что ты, – Матреша говорит, – кишки порвешь». Не дала ей сразу много есть. Потом по чуть-чуть вывела ее в нормальное состояние. Ожила Дуняша. Повеселела. Но жила она у Матрешы недолго. Вскоре занемогла. Соборовали ее, причастили, и Дуняша тихо отошла ко Господу.

Спрашивает тетя Поля у Марфы о золотом платке. Та о нем ничего не знает. Перерыли весь дом, ничего не нашли. Тут тетю Полю осенило. «Да ведь, – говорит, – это же ее дом. Посмотри на крышу, ну как платочек». На том и сошлись. Вот только как дело решилось с этим домом и наказом Матрешы, я уж не помню. Нам-то важно другое – чем человек живет, чем спасается. Каждому ведь свое на путях Божиих. Каждому Господь дает испытания по силам, и каждый в ответе за себя, принимая Его милости. Слава Тебе, Господи; слава Тебе, Господи; слава Тебе, Господи!

Апрель 2006 года

Блики чудес

Каждый читатель наверняка встречал в своей жизни чудеса, по крайней мере слышал о них. Однако большинство людей чудеса в своем сознании не отмечают, хотя они вокруг нас.

Есть у меня хорошая знакомая, инокиня Татиана. Видимся мы не часто, зато при встречах никак не можем наговориться, уходим в долгие беседы, которые всегда жалко прекращать. После каждой из таких встреч я пытался делать заметки. Да простит меня читатель, по разным причинам не все я могу излагать на страницах этой книги. Из бесед я выделил только разговоры о чудесах, о том, как Господь людей приводит к вере и верующих неизменно укрепляет.

Что я предлагаю читателю, чистая правда. Сами внемлите инокине.

«Живут люди среди чудес, а их не видят. В советское время часто говорили, особенно в области воспитания детей, что в жизни есть место подвигу. А я бы добавила: и чуду. Вот послушайте о чудесах, которые коснулись меня в этой жизни...»

Начальное чудо

Было мне года четыре. Сестра чуть старше меня. Мама в послевоенные годы поднимала нас одна, жили бедно, тяжело было маме. Правда, с нами проживала еще бабушка. Она хоть по дому помогала. И вот случилось несчастье, у мамы отнялись ноги. Что делать? У бабушки была подруга баба Катя, очень верующая, необычайно добрая и отзывчивая. Узнала она о несчастье и говорит: «Надо ехать к источнику». Это было сказано с такой решимостью, что ей сразу поверили. Надо было ехать к источнику возле Сергиева Посада, тогдашнего Загорска. Она уже там бывала не раз. Конечно, дома все согласились, врачи ведь только разводили руками, помочь не могли. Но как везти такую больную? Страшно подумать. Транспорт нанять нельзя, да и денег не было. Тащить на себе больную желающих не нашлось. Но баба Катя не отступила. Трамваем, поездом, автобусом, пешком она все-таки довезла, дотащила нашу маму до источника. Сейчас, с высоты прожитых лет, это чистый героизм, но тогда об этом не думали. Помочь людям в то трудное послевоенное время было в порядке вещей.

У источника мама все сделала, как велела баба Катя. Опустила ноги в ледяную воду и стала горячо молиться Богу и преподобному Сергию. Потом больную оттаскивали от воды. Полежит она маленько и опять просится к источнику. Так было несколько раз. И вот, наверное, после четвертого омовения мама, к изумлению находившихся там паломников, тяжело поднялась и осталась на ногах. Для нее это стало таким потрясением, что она всем сердцем

повернулась к Богу и уже никогда не отворачивалась. И мы с сестрой через маму с малых лет воцерковились, можно сказать, выросли в лавре. И теперь, на склоне лет, не перестаем благодарить Бога за то начальное чудо, которое определило всю нашу жизнь.

Отчитка

Вообще-то священники не любят это слово. Не отчитка, мол, а молебен о здравии. Однажды пришлось мне сопровождать одну мою знакомую к отцу Герману. Она захотела пройти эту отчитку, но одна поехать в лавру боялась. Было это где-то в конце 1970-х годов. Тогда отчитка проводилась в Свято-Духовом храме. Приехали мы туда рано утром, а народу уже собралось много. Как только храм открыли, прибывшие хлынули в церковь. Я знакомую провела к солее, а сама стала пробираться к выходу, но не тут-то было. Как только все приехавшие вошли, двери закрыли, пришлось мне простоять всю службу в храме. Впечатление, скажу вам, запоминающееся. Сначала отец Герман произнес проповедь, объяснил страждущим, откуда идут корни беснования, что нужно делать и как. Потом начал служить молебен. И вот в это время вдруг стал нарастать гул. Люди все что-то выкрикивали, даже те, кто сопровождал бесноватых. Находившиеся рядом с храмом потом говорили, что жутко было слышать все вопли и стоны. В какой-то момент слышу голос мамы: «Таня, я здесь. Танюша, я здесь». В ответ я громко закричала: «Мама, я здесь». Мой голос влился в общую какофонию. Тут вижу, идет по рядам батюшка и всех кропит святою водой. Поравнялся со мной и говорит: «Ты-то чего кричишь?» Я – рот на замок и сразу вспомнила, как мама рассказывала, что ей советовал один батюшка в подобной ситуации свой нательный крестик в рот положить. Я так и сделала. Стою, смотрю по сторонам и думаю: «Ведь у каждого свое искушение и каждому надо победить его».

Мое впечатление от этой отчитки было настолько сильным, что оно сразу передавалось людям, которым потом я рассказывала, и они невольно проникались верою в немедленную ее действенность. Эта история имела продолжение.

Колдовская порча

У моих друзей из одного курортного города, супружеской пары, есть знакомая. Назовем ее Мария. У нее случилось большое несчастье. Вдруг заболела старшая дочка, студентка медучилища. Диагноз страшный, – рак крови. Девушка медленно угасала, ничем помочь ей не могли. Вот ее мама с моими друзьями ринулись по святым местам помолиться за болящую. Поехали они в Троице-Сергиеву лавру и в Печоры. В Москве остановились у меня. Тут я и рассказала свою историю с отчиткой. Прошел месяц. Вдруг междугородный звонок. Мария плачет: дочери совсем плохо, врачи предупредили о близком конце. Мать в отчаянии. Говорит мне: «Жди завтра, приеду. Пойду к отцу Герману. Это последняя надежда». Отец Герман выслушал Марию, близко к сердцу принял ее боль и поддержал в решении. Отчитывал, как и положено, три дня. Вот возвращается Мария домой и на лестнице встречает соседку. Зло посмотрела она на приехавшую: «Что, довольна? Сына моего погубила». Мария ничего понять не может. Потом ей объяснили. У соседки неожиданно умер взрослый сын, вполне здоровый. Момент смерти совпал с последней отчиткой. Мария бегом в больницу. А там встречают ее радостной вестью. Дочке стало лучше. С тех пор она стала быстро поправляться. Теперь уже у нее самой растет дочь. А соседка та, оказывается, занималась колдовством, наводила на людей порчу. Позарилась на чужого ребенка, а потеряла своего. Господь отвел от девочки происки бесов, а те ведь за так ничего не делают. Взяли они с колдуньи долг другим путем.

Дометий

Вот другой случай. Есть у меня крестник. Было ему тогда семь лет. Время идти в школу, а он не разговаривает. В обычную школу не принимают, велят родителям определять ребенка в специальную, для дефективных. Родителям-то каково? А к тому же у ребенка так называемая «утиная болезнь». Что бы он ни съел, ему тут же надо на горшок. Вот мама ребенка и говорит: «Все. Едем к отцу Герману». Что ж, едем так едем. Дело было зимой. В электричке проблемы, горшок с собой не возьмешь. В общем, доехали, поприсутствовали на службе и назад. И так три воскресенья, то есть выходных. И вот после последней поездки звоню я своей знакомой. Слышу вроде ее голос и не ее. Спрашиваю: «Ты?» А на другом конце провода: «Нет, это Дометий». Сейчас «дефективный» мальчик учится в академии, вполне здоров, и у него даже открылись большие способности. Пишет, например, великолепные стихи. Мы потом рассказали отцу Герману об этом случае. Он порадовался вместе с нами и попросил всегда ему рассказывать о результатах молебнов о здравии, то есть отчетов.

Турецкое седло

Одна моя знакомая, молодая женщина, совершила большой грех. Вернулась она с курорта домой такая счастливая, загоровшая. Через некоторое время вдруг начинает полнеть и превращается прямо в телепузика. Пошла к врачам, одному, второму, третьему. Потом томография. Профессор заключил – опухоль мозга, нужна операция. Стоит она огромных денег, а на бесплатную времени нет. Когда подойдет очередь, операция будет уже не нужна. Эта женщина понимала, откуда у нее такие скорби. Была в храме, покаялась, но улучшения не видно. Тут ей подруга и посоветовала поехать в лавру к отцу Герману – мол, терять-то тебе нечего.

Ездила она на отчетку несколько раз, и вот как-то вскоре я увидела ее и глазам не поверила. Идет стройная молодая женщина, глаза опять струятся радостью. При очередной томографии профессор ничего не нашел. Говорит, есть, мол, такая странная болезнь – «турецкое седло». Она то появляется, то пропадает. Причину этого вот только профессор не назвал. Да и что ему объяснять. Все равно бы не поверил.

Звонок

Получила знакомая, назовем ее Анна, так сказать, черную метку. На работе объявили, что ее увольняют. Как жить? На руках малый ребенок, мать-инвалид. Прибежала она ко мне, рыдает: что делать? А я говорю: надо у Бога просить помощи. И направила ее к Плащанице в Сретенский. Вы знаете, тогда слева в храме висела вертикальная и горизонтальная фотографии Плащаницы Спасителя. Их ведь во всем христианском мире всего пять. Между киотами маленькое расстояние, но туда можно было втиснуться. Я сама там не раз горевала, и всегда меня обнимали потом спокойствие и тепло. Вот Анна и побывала там. Говорит, вывернула Господу наизнанку всю свою душу, под ней лужа слез была. Возвращается домой, и вдруг затрещал телефон. Звонит школьный товарищ, с которым они давно не виделись, и говорит: «Хочу сманить тебя к себе на фирму, мне нужен надежный помощник. Как, пойдешь?» Анна чуть в обморок не упала. Конечно, она тут же согласилась. Какие же вразумления дает Господь! Только молись и благодари Его.

Алтарь

С сыном моим было просто мученье. С осени до весны болел – аллергия, ангина, простуды. Большую часть времени был не в школе, а дома. Пошли мы на его день Ангела в храм

Феодора Стратилата. Стоим, внимаем службе. Выходит диакон отец Георгий с кадилом. Обошел весь храм, подходит к сыну и говорит: «Иди за мной». Ну, парнишка и пошел за ним в алтарь. Там и пономарил всю службу. После службы диакон напутствовал: «Завтра приходи обязательно, помогать некому, все болеют».

Так сын каждый день и ездил в церковь. Через неделю замечаю: так он же здоров! Понадобилась всего неделя участия в службе, чтобы освободиться от той хвори навсегда.

Послушание

Было это в конце 80-х годов. Поехали мы, несколько паломниц, в Оптину. Со мной был сын. Восстановление обители шло полным ходом, и нам предложили поучаствовать. Вот вручают сыну лом. Парень хоть и подросток, но крепкий. На совесть работал целый день. В конце его обнаружилось, что все ладони в кровавых мозолях. Рукавиц-то не выдали. Стонет мой парень, поскуливает, места себе не находит. Приглашают нас к источнику батюшки Амвросия. Болящий долго держал ладони в родниковой воде. Прохлада снимала боль. Утром снова на послушание. На этот раз выдали ему кайло. Я ужаснулась. Думаю, дали бы хоть рукавицы. А сын, увидев растерянность мою, показывает мне ладони. А на них нет и следов вчерашних ран. Вот вам и монастырское послушание.

Хор Ангелов

Возвращались мы, несколько паломниц, из лавры. После молебна, литургии душа поет. Подъезжаем мы к Хотьково. А там только-только открылся женский монастырь. Еще у него ничего не было, только передали обители приходской храм. Вот одна из нас и предложила осмотреть церковь. Ну, подошли мы к храму, а там идет спевка, да такие чудные голоса. Хор прекрасный. Мы стоим не шелохнувшись. Радость прямо неземная. Стоим, а войти не можем, двери закрыты. Тут подходит женщина, служащая, стоит она за ящиком. Говорим ей, что, мол, понимаем, что мы не ко времени, можем помешать спевке, но уж очень хочется осмотреть храм. Женщина в недоумении, какая, мол, спевка. Тут певчие опять вознесли нас вверх. Женщина замерла. Потом достает ключи, открывает храм. Вошли мы, а там никого нет. Служительница и говорит, что ей многие об этом говорили, а вот убедилась сама в первый раз. Так мы сподобились услышать хор Ангелов. А мне этим был дан знак, что путь-то мой будет монашеский и начнется он с послушания здесь. Когда у меня дети уже выросли, стали самостоятельными, душа позвала в монастырь. Духовник поначалу направил меня в Хотьково на послушание. Поработала я там в свой отпуск, так сказать, вкусила монастырской жизни. Честно сказать, она показалась мне неподъемной по своей тяжести. Однако все потихоньку улеглось, собралась я в путь, и владыка Ювеналий вскоре постриг меня в инокини в Успенском храме Новодевичьего монастыря. Восприемницей была известная всем игуменья Серафима.

Стук в дверь

В моей жизни это чудо было дважды. После войны жили мы в коммунальной квартире в старом деревянном доме. В кухне была дверь, которая вела на лестницу черного хода и на чердак. Вот стоит мама вечером на кухне, готовит еду и что-то вкусненькое для бабушки. Она тогда лежала в больнице. Вдруг раздается стук в дверь. Мама открывает, а там никого. Утром она приходит в больницу, а ей объявляют: бабушка скончалась в восемь вечера. Именно в это время и был стук.

В другой раз это было уже в Новодевичьем. После пасхальной ночной службы мы еще с одной матушкой убрали Успенский храм. Вдруг я слышу, кто-то стучит в дверь. Думаю, может, кто-то что-то забыл и вернулся в храм. Открываю, никого нет. Через некоторое время

стук опять повторился, и опять за дверями никого. В третий раз я ринулась вниз чуть не бегом. На средней площадке лестницы подвернула ногу, упала, ударилась головой обо что-то острое. Поднимаюсь, морщусь от боли, а передо мною плащаница. Как она тут оказалась? Ведь еще в субботу стояла она в храме в море цветов, обносили ее вокруг церкви, потом под пение канона занесли ее в алтарь. Сколько перед ней было пролито слез, сколько было воздыханий, молитв, явного почитания, а теперь вот она где-то сбоку пролежала всю пасхальную службу. Так мне стало горько и обидно, дыхание перехватило. Я побежала к священнику, он еще не ушел. Рассказала все как есть. Иерей вызывает ризничего, и тот покаялся, мол вынес на время и забыл. Плащаницу немедленно вернули на свое место. Видите, как Господь всегда рядом, и все мы под десницей Его.

Вразумление

Благословили меня в Новодевичьем стоять за ящиком. Были у нас в продаже великолепно исполненные фотоспособом иконы. Фирма, которая поставляла их нам, предложила сделать фотокопии с икон нашего храма. Матушка игуменья благословила. Фотограф почти закончил работу, осталась только чудотворная Смоленская икона Божией Матери. Дело было накануне Богородичного праздника. Смотрю, фотограф и так и эдак елозит со штативом, ближе, дальше, а резкость никак не наводится. Наконец щелкнул. Через несколько дней звонит, можно ли приехать. Ну, я, конечно, пригласила. Приехал он и рассказывает. Проявили пленку, а снимка нет. И тут он понял, почему долго не мог снять, почему снимок не получился. Владычица не благословила. Перед съемкой, выбирая ракурс, фотограф, глядя на икону, подумал: «Какая же она некрасивая». Именно эта хула на Божию Матерь и Богомладенца и стала причиной неудачи в работе. Фотограф исповедался, покаялся, причастился и, приехав к нам, попросил сделать снимок вновь. Эта возможность, конечно, была ему предоставлена. Снимок получился, и фото вышло на славу.

Помощь Пречистой

После службы двенадцати Евангелий нужно было убирать храм. Все сестры на послушании, я одна. Одних заплывших подсвечников более двадцати. Никак, думаю, не справлюсь, а надо. Начала я с правой половины, где Николай Угодник. Закончила в три часа ночи. На уборку этой половины ушло пять часов, а еще такая же левая половина, где Смоленская икона Божией Матери. Нет, думаю, не успею. Люди утром начнут приходить, а храм не убран. Сжалось у меня сердце. Подхожу я к иконе Пресвятой, смотрю, а подсвечник чистый. Подхожу к другому, там такая же картина. Прошла до конца. Все чистые. Мне осталось только протереть начисто иконы, подсвечники, пол. Кто же мне помог? А что тут объяснять. По милости Пресвятой случилось это чудо.

На Святой Земле. Первое чудо

Очень мне хотелось увидеть чудо на Святой Земле. Вот стоим мы в храме Гроба Господня. Ночная служба, литургия. Над входом в кувуклию, часовенку, которая стоит над Гробом, висят в несколько рядов лампадки, подарки от христианских Церквей. Какой-то ряд от католиков, какой-то от православных, и так далее. Каждая лампадка представляет собой чашечку, в ней обычное подсолнечное или оливковое масло. В масле плавает пробка со вставленной в нее металлической трубочкой, а в трубочке вата. Лампадки заранее зажигает специальный служака, двигая громоздкую стремянку невероятной высоты. И вот, вижу, одна лампадка не горит. Я же знаю, здесь сходит в Великую Субботу Благодатный огонь, и потом он растекается, разносится, развозится по всей земле, зажигая сотни тысяч, а может, и миллионы

лампадок и свечей. И так мне захотелось, чтобы в подтверждение того чуда зажглась эта негорящая лампадка.

Запели Херувимскую. Великий вход. Там священник в сопровождении сослужащих ему выходит с чашей из кувуклии, обходит ее кругом и возвращается. Во время обхода все присутствующие следуют за ними и читают синодики о здравии и за упокой. Мы, русские паломники, тоже достали свои, читаем. Когда вернулись на прежние места, я поднимаю глаза и вижу – лампадка горит. Служка за время обхода зажечь ее никак не мог. Зажег ее Господь, Который всегда с нами, всегда рядом.

Сила благодати

Поехали мы в монастырь святой Екатерины на Синае. Поднялись на гору, встретили рассвет, потом вернулись в монастырь. Отстояли службу. Стали собираться в обратный путь. У меня была одна задача – привезти внучке воду из источника. Она ведь тоже Екатерина. А источник этот не простой, тот самый, из которого Моисей жезлом воду источил. Мы знаем, что в те времена избранному народу на пути к земле обетованной Господь давал воду и манну с неба. На следующий день в манне заводились черви, а вода протухала. Люди опять получали все свежее. Наши паломники об этом, конечно, знали, но не обратили внимания. Раз святая вода, значит, она не тухнет и надо набрать ее под завяз. Вот и набрали в двухлитровые бутылки, кто сколько мог унести. Перед отъездом закупили иконок, колечек, приложились к мощам и тронулись в обратный путь. Мы успели к ночной службе в храме Гроба Господня. У службы там есть одна отличительная особенность. После причастия дают только кусочек антидора. Поскольку все мы привыкли запивать, русские паломники всегда приходили с бутылочкой святой воды. Вот и я взяла из гостиницы с собой бутылочку от святой Екатерины. После службы – обход святынь в храме. Свой пакетик я поставила на Гроб Господень. Стоял он там всего несколько секунд, пока я, встав на колени, прикладывалась к святыне. Перед отъездом на родину я стала проводить ревизию своего багажа. Ведь везти можно было только 20 килограммов. А так хочется забрать всю воду из Назарета, Гефсимании, от Иоанна Предтечи, св. Екатерины... Вот приступила к переливу воды в меньшие бутылочки. Как только открыла первую с Синае, пошел такой резкий запах, хоть из окна выпрыгивай. Осталась только моя бутылочка, которую я машинально взяла с собой в храм Гроба Господня. Открывать боюсь, а надо. Открываю, никакого запаха. Попробовала, вода прекрасная. Вот вам пример, какая в том храме благодать, какая в нем огромная сила.

Ангел за трапезой

Очень многие благочестивые выражения люди затрепали, превратили в ничто. Выражение «Спаси Господи», «Спаси Бог» превратили в банальное «спасибо». Даже воцерковленные люди, здороваясь со священником, берут у него благословение, приравнивая его к простому «здравствуйте». Считается, что просто поклониться священнику, то есть поприветствовать, вроде бы недостаточно, надо обязательно взять благословение. А ведь это разные вещи – поздороваться и благословиться.

Есть такой обычай в церковной среде. Вот заходит кто-нибудь во время трапезы и от двери приветствует: «Ангела вам за трапезой». Что-то вроде «приятного аппетита». В бытность мою в Новодевичьем монастыре этот обычай существовал, и все принимали его как должное. В ответ говорили: «Спаси Господи». И вот однажды наш протоиерей, услышав сие, возмутился. Ведь Ангела призывать не нужно. Он тут, рядом с нами. В назидание рассказал нам, что в древности в монастырях существовало такое правило. Входящий во время трапезы человек у двери творил поклон и произносил: «Ангел за трапезой». Все вставали, крестились и отвечали: «Невидимо предстоит». То есть произносилась полная фраза: «Ангел за трапезой невидимо

предстоит». Этим обедающие подтверждали, что они принимают пищу с благодарением Господу, и сознавали, что рядом стоит Его посланник.

Слова протодиакона меня поразили, и к ним я стала относиться очень серьезно. Услышав приветствие, я честно вставала и отвечала, как положено. И вот в конце концов я увидела Божий знак. Во время нашей паломнической поездки мы останавливались в Горнем монастыре. Сидим мы за трапезой, перед каждой тарелка, стоит благоговейная тишина. Вдруг входит одна паломница, бодро приветствует: «Ангела вам за трапезой» – и быстренько села за стол, рядом со мной. Я не стала вставать, как-то показалось неудобным, но про себя произнесла: «Невидимо предстоит». Соседка начинает щебетать со своей подругой, сидящей через стол напротив. Атмосфера как-то сразу изменилась. Вдруг из-за спины через мое плечо протягивается чья-то рука. Вижу рукав холщового подрясника, и руку, больше мужскую, чем женскую. Я бы не обратила внимания на это, но там, куда протягивалась рука, ничего не было, пустой стол. Я обернулась, а никого нет. И тут я поняла, это был Ангел. Действительно он рядом всегда. Наверно, услышал эту болтовню и сделал видимый знак в назидание. Что-то взял со стола, а что, неведомо. Может быть, мы лишились чего-то. А знак означает, что надо очень серьезно относиться к любой трапезе. Наш святитель Афанасий (Сахаров) придавал особое значение трапезе, даже чаепитию, создавал особые молитвы для каждой. Зная о его 30-летнем крестном пути по тюрьмам, ссылкам, лагерям, как тут не вспомнить его молитву «при зело скудной пасхальной трапезе», где отмечается, что «скудость трапезы да не омрачит праздничной радости людей Твоих».

Молитва ребенка

Когда внучке было года три, тяжело заболела ее мама, дочка моя. Диагноз был страшный, перспективы самые мрачные. Вот стоим мы с ребенком в церкви. Я и говорю: «Ты хочешь, чтобы мама поправилась и вернулась домой». «Конечно», – отвечает. «Так вот, пойдешь вон к той любимой маминной иконе, она называется “Нечаянная радость”, и попроси Пресвятую Богородицу, чтобы Она помогла маме выздороветь». Подошла внучка с пучком свечей к иконе, все горящие свечи снимает и ставит на подсвечник свои. Потом стала молиться на своем детском языке. Так она делала каждый раз, когда мы с ней приходили в церковь. Вскоре дочка моя, к изумлению врачей, встала на ноги, а потом и вовсе выздоровела. От недуга не осталось и следа.

Или вот случай. У моей знакомой трое детей и страшно пьющий муж. Ничего не помогало. А сколько за него молились! Недуг не проходит. Говорю их старшей дочери: помолись за папу. А та: я, мол, не верю, молиться не буду. А малые, мальчик и девочка, были рядом. Как водится, подслушивали. Им, двойняшкам этим, тогда было годиков пять. А я их крестная. Вот повела их к причастию. Крестница меня и спрашивает: «А можно за папу свечку поставить?» Говорю: «Конечно, можно». – «А можно еще?» – «Конечно, конечно». Так она весь пучок свечей и поставила к разным иконам, и перед каждой по-своему молилась. И представляете, утром следующего дня звонит мне моя знакомая: «Мой на работу устроился. На грузовике ночью почту развозит». Думаю, как же его на работу взяли, ведь он облик человеческий потерял, для него уж ничего святого не оставалось, долго ли продержится. И что вы думаете, человек бросил пить намертво, вернулся к нормальной жизни. Вот она, детская молитва, чистая, от сердца. Такая всегда доходит до Бога и всегда имеет результат.

Чудеса одной семьи

Есть у меня давняя знакомая. Сейчас она монахиня Рахиль. Знаем мы друг друга много лет, и связали нас чудеса. Это было давно, лет двадцать назад. Встречаю ее однажды, а она в слезах. У мужа третий инфаркт, лежит в госпитале Бурденко в реанимации. Ему как полковнику большое внимание. Однако все тщетно. Врачи предупредили: шансов практически

нет. Я говорю: «Ты хоть свечки в церкви ставила?» «Да как я поставлю, – отвечает, – ведь он некрещеный». – «Ну, на литургию подавать нельзя, а свечку-то поставить можно. Ты Бога попроси, а Он уж Сам решит и все управит как надо». Повела я ее в храм. Она была хоть и крещеная, но не воцерковленная. Поставила Рахиль (будем звать ее и дальше так) свечку и помолилась. Потом она уже сама ходила в храм, ставила свечи и молилась. Встречаю ее через некоторое время, в глазах радость. «Чудеса, – говорит. – Как ни помолюсь, муж колокольный звон слышит. Говорит, наверное, скоро умру. Даже напугал однажды персонал. Сорвал с себя все трубки, присоски и голышом направился к окну. Хотел храм посмотреть. Храм не увидел, но у окна, упав на колени, пообещал Богу, что если останется жив, покрестится». Может, он вспомнил свои детские причащения. Сам он был из еврейской семьи. Родителей в 30-е годы репрессировали, родственники взять мальчика к себе побоялись, и он оказался в детском доме. В годы войны голодные мальчишки бегали в близлежащий храм причащаться, да не по вере, а только с одной целью – съесть кусочек просфоры, который давали после причастия. В первый раз священник, увидев лицо мальчика с явными семитскими чертами, спросил, крещен ли он. Дмитрий (назовем его так) простодушно ответил: «А я не знаю». Священник вздохнул и, как запомнилось Диме, сказал: «Ладно, Господь разберется».

Дело в госпитале быстро пошло на поправку. Выписали отставника, и он вскоре выполнил свое обещание. Крестился в Елоховском соборе. Священник долго выбирал имя по святцам и наконец объявил: «Давид». Дмитрий пытался протестовать: «Батюшка, да ведь все меня знают как Дмитрия». – «Нет, будешь Давидом». Тут новообращенный и признался священнику, что он по паспорту Давид. – «Ну, вот видишь, у Господа ошибок не бывает».

Прошло достаточно времени, опять встречаю Рахиль. Слово за слово. Муж недавно умер. Может быть, на нервной почве, высохла левая рука, превратилась в тонюсенькое подобие. Начала сохнуть другая. Врачи не могут помочь. Она в отчаянии. На склоне лет остаться без рук! Трагедия. Живет одна, дети далеко, у них семьи. Я успокоила ее как могла, пообещала натереть маслом, привезенным со Святой Земли. Так и сделала. Протерла ей спину и руки. Что осталось в пузырьке, отдала Рахили. Потом мы не виделись опять долго, несколько месяцев. Встретились. За разговором спустились в метро. Она улыбается: «Ты ничего не замечаешь?» «Нет», – говорю. «А ты погляди» – и указывает глазами вверх. «Ну и что, ничего не вижу». – «Да ты на руку погляди». Я ахнула. Она держится за верхний поручень левой рукой, совсем здоровой. Рассказала, что чудо свершилось не только с ней. Сын попал в автоаварию и сломал копчик. Была сложная операция. Потом рана не заживала, образовался свищ, который надо было регулярно чистить. Сидеть было нельзя, только стоять, ходить и лежать. Мучение одно. Передала Рахиль сыну остатки масла. Через две недели он уже вышел на работу. Вот что делает Господь по горячей вере. Но это еще не все. После выздоровления сына слегла сноха. За все годы замужества она не могла донашивать плод, постоянно шли выкидыши. В очередной раз лечили ее иглоукалыванием. В местах, куда вставлялись иголки, появились гнойнички. Все тело было ими покрыто. Последние остатки масла достались болящей. И что же? Тело стало чистым. И более того, она благополучно доносила плод. Родился здоровый мальчик. Вот какая сила благодати Гроба Господня! Но самое главное здесь – горячая вера. И просить надо Господа криком души и всего сердца. Господь все видит, все слышит и управляет всем во благо.

С детства мечтала Рахиль наесться досыта просфорами, но осуществилась мечта эта только на монашеской стезе, которая определилась необычно. У нас в монастыре понадобился опыт Рахили по ее специальности. Вот я и звоню ей домой. А она в это время лежит с тяжелейшим гипертоническим кризом. Рядом телефон звонит, а больная не то чтобы руку поднять, головой пошевелить не может. И вот в этот момент звоню я. К своему удивлению, Рахиль нашла в себе силы поднять трубку и в ответ на мое приглашение подъехать завтра произнесла только: «Ага». Утром через силу встала на четвереньки, вскарабкалась по стене и отправилась к нам. В дороге ей становилось все лучше и лучше. В монастыре ее опыт пригодился. Вскоре Рахиль

стала послушницей, а потом ее постригли. Вот тут и исполнилась ее мечта. Надо сказать, у нас пекли великолепные просфоры. На этом послушании стоял замечательный человек – матушка Елисавета. Она следила не только за вкусовыми качествами, но и за формой просфоры. И всю некондицию, еще горячую, относила Рахили. Так исполнилась мечта ее детства. Видно, Господь не оставляет вниманием даже такую мелочь, если видит, что человек всем сердцем с Ним.

И сына ее Бог прибрал в особое время, на Пасху. Это мечта всех православных. Тут ведь и отпевание по пасхальному чину, и при вознесении отсутствие мытарств. В начале Светлой седмицы ехал он с братом по шоссе, и колесо попало в выбоину. Их резко развернуло, он вылетел в дверь, машина перевернулась, упала на водителя и снова встала на колеса. Старший сын Рахили погиб, младший отделался только ушибами.

Привезли его на Маросейку в храм, где служил праведный Алексей Мечев, вечером в пятницу на ночь. Возле гроба мы пели Пасху. Постепенно родственники и близкие разошлись, было уже поздно. Вижу, дверь закрывает подросток-привратник, а мы вдвоем с еще одной подругой поем. Вдруг я заметила, что она подвинулась, и в наши голоса включился мужской голос. Поет неумело, но старательно. Предположила, что к нам подошел этот подросток. Я еще подумала: «Ведь человек-то церковный, мог бы выучить Пасху». Обернулась, а мы только вдвоем. И здесь Господь сотворил особую милость. Ведь сын Рахили не был по-настоящему воцерковлен, далек от священных книг, но Господь шел ему навстречу. Дай Бог каждому иметь частицу того внимания, благодати, которую имела от Бога эта семья.

Август 2006 года

Отец Николай

Дело было летом 1995 года. Мой хороший знакомый иеромонах Афанасий ждал назначения, так сказать, был в «резерве главного командования», и пока мог распоряжаться своим временем. Используя такую редкую возможность, мы вознамерились объехать, посмотреть российские церкви и церквушечки в окрестной глубинке. Они во множестве появились на Владимирской земле в первой и второй четверти XIX столетия в благодарность Господу за спасение земли Русской от нашествия иноземцев. Эти храмы примерно одного стиля, однако, при всем внешнем сходстве между собой, церкви заметно отличаются друг от друга внутренним убранством. В них и поныне сохранились дивные иконы с окладами необыкновенной красоты.

Они-то и привлекают до сих пор самых гнусных из племени воров – воров, посягающих на святости. Убегая от времени нашей поездки вперед, можно заметить, что настоятель храма в селе Ильинском отец Палладий даже пугал своим дробовиком ночных визитеров с пистолетами. Одного удалось скрутить с помощью прихожан, прибежавших на звук перестрелки у храма, другого, проковылявшего 20 километров по снегу лесом, задержала милиция, ну а остальных оперативники смогли вычислить.

Первым в списке было село Ильинское. Узнав о нашем намерении, к нам присоединилась монахиня Варвара. И не только потому, что стоит там чудный храм и отправлялись мы на престольный праздник. Была еще причина. Давно уже ныло у нее сердце, звало посетить могилу первого своего духовника отца Николая, незаметного подвижника нашего времени, одного из тех, кто в ужасающих условиях гонений на Церковь проливал чистый свет истинной веры бродившим в потемках безбожия людям. Всегда он был готов сказать словами Спасителя: *Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28).

С берега Киржача, который крутит возле села, колокольня храма кажется наклоненной свечкой и, как будто пытаясь оторваться от земли, зримо тянется к небу. Мы успели к началу службы и даже смогли осмотреть храм. Церковь Георгия Победоносца изнутри – как светлое облако, если ухитриться не замечать испорченной после реставрации росписи, но если встать недалеко от двери, так, чтобы не видеть этих художеств и оставить в поле зрения только приделы – Казанской иконы Божией Матери и Илии Пророка, – то опять погружаешься в мир красоты и удивительной гармонии. Впереди видишь резные с позолотой царские врата, а по стенам – излучающие тепло старинные, в окладах иконы.

Я огляделся. Прихожан немного, хотя и престольный праздник. Оживление вносит многочисленная родня иеромонаха Палладия, которая как-то по-хозяйски шевелится в храме. За свечным ящиком инокия Илиодора не обременена работой. Торговли совсем нет. На клиросе монотонно читают часы. Отец Палладий в золоченой ризе на фоне резного алтаря и арки, как в окладе иконы, исповедует приезжих. Трое из Москвы. Они предпочитают местного батюшку столичным иереям.

«Благословенно Царство...» Отец Палладий продолжает службу. Ведет ее истово и неспешно. Потом – молебен с водосвятием.

После службы отца Афанасия и его спутников позвали на трапезу. Мы вынуждены были отклонить любезное приглашение милых старушек, проживающих в доме, где последние годы жизни провел отец Николай. Нам очень хотелось попасть туда побыстрее, но все мы рабы условностей, которые цепляются как репей. Пришлось соблюдать приличия.

Идем в церковную сторожку. Она рядом с храмом. Вперед пропустили иереев, потом гурьбой пролетели батюшкины племянники. С матушкой Варварой мы вошли в горницу последними. Молитва. По окончании молодежь шумно расселась за столом. Нам с матушкой места не нашлось. Стало как-то неловко, ведь мы не навязывались в гости. Трапеза тем временем началась. Лишенцам оставалось только потихоньку двинуться к двери. Тут из кухни высунулась голова и бросила вслед: «Да, да. Вы там подождите, покормим потом». Но ждать мы не стали. Существует удивительная закономерность – на каждой праздничной трапезе найдется «человек без места», званный, но почему-то не удостоенный... Побывавшим в такой ситуации потом приходит понимание, почему так случилось. А пока мы, смиренно приняв руководство Промысла Божия, отправились в соседний дом к старушкам, и те без расспросов радостно усадили нас за стол. Еда была самая распростая, обстановка – искренняя и сердечная. Разговор шел незатейливый. Старушки жаловались, что колодец некому починить, с хлебом бывают перебои – оказии не всегда случаются. Инокия Илиодора, бывшая ткачиха, с виду женщина еще крепкая, сетовала, что силы уже не те. Ей доводится в полной мере тянуть церковный быт и домашний. Дрова и те заготавливает сама. Зимой бензопилу за спину – и на делянку. Пока доберешься до нее, ноги отвалятся. А там сколько надо деревьев свалить, сучья обрубить, рас-

пилить! Спасибо, хоть племянники отца Палладия приедут на машине, покидают чурбаки в кузов да привезут.

Потом разговор незаметно перешел к отцу Николаю. Сколько тепла засветилось в глазах моих собеседниц, сколько радости излилось через них! Нашло на нас какое-то озарение, будто рядом находился этот светлый человек.

Нашу беседу прервал гонец. Иеромонах Афанасий приглашает на панихиду. Могила отца Николая в церковной ограде у стен алтаря. Здесь и встали поминающие. Рокот мощного баса повис над нами. «Покой, Господи, душу усопшего раба Твоего...» Все про себя повторяли. Искренность молитвы была такова, что вьявь почудилось благословение отца Николая. Видно, давно не служили у могилы.

Последним аккордом пребывания в этом светлом месте был обзор с колокольни. До чего же красива наша Россия! Каждый ее уголок несет нечто свое, а Владимирская земля – особо. Смотришь на нее – все вроде привычно: и поля, и леса, и луга, но вот их сочетание по размерам, форме, освещению и подчеркивает ее неповторимую скромность и чистоту. Земля эта при всей неброскости отличается от соседних приделов присущим ей тихим внутренним светом. Постоите перед Боголюбивой иконой Божией Матери в Княгинином монастыре, и вы поймете, откуда струится он, узрите невидимый источник.

На следующий день со мной произошло чудо. Оно невольно связывалось с отцом Николаем. К середине лета у меня закончился затяжной, по причине скудости средств, многолетний ремонт деревенского дома, который я предполагал использовать не только в качестве дачи, но и для зимнего уединения. Понадобилась мебель. По упомянутым причинам новая исключалась. Кто-то посоветовал заглянуть в ликвидированный дом отдыха в Сушнево, который не функционировал с момента заезда в него беженцев из Абхазии. Новые постояльцы с лихвой оплатили гостеприимство. Все, что можно – сломали, разбили, изувечили. Вольные дети горцев летали в столовой по тарелкам отдыхающих, приводя в шок даже выдавший виды персонал. Трудящиеся по путевкам ездить перестали, потом исчезли и сами дети гор, отбыли в южные края, не забыв прихватить на память все, что можно унести. В общем, дом отдыха закрыли и стали продавать по бросовой цене то, что еще можно было продать. За два года много успели сделать. Шансов что-то приобрести у меня почти не оставалось, тем не менее я решил попробовать, поскольку других вариантов просто не видел.

С соседом, у которого был собственный грузовик, мы в принципе договорились, но поехать нам все что-то мешало. То у Николая по работе запарка с ремонтом автобуса, то недосуг из-за сенокоса, то хвори подступают. Я со своей стороны тоже не мог дозвониться в Сушнево. Знающие люди отговаривали от бесполезной, по их мнению, затеи, кто-то ссылался на печальный опыт других, бестолку сгонявших машины в опустевший дом отдыха. В общем, одолевали сомнения.

И вот, на следующий после Ильина день, подхожу я к калитке. Идет навстречу Николай и без всякой подготовки, объяснений, говорит: «Ну что, поехали?» От неожиданности секундная пауза у меня все-таки была. Что ж, поехали так поехали.

Прибыли мы туда, и, конечно, все закрыто. Оставшийся персонал в отпуске. Что делать? Ну, думаю, отступать не будем. Разыскал я бухгалтера, женщину, по слухам, резкую и крутую. Вижу, развешивает она белье. Момент самый неподходящий, но делать нечего. Максимально вежливо изложил я вкратце свою просьбу. У женщины сперва рот раскрылся от нахальства приезжего, затем появилось какое-то движение на лице, перемена, борьба, что ли. И, на мое удивление, она мирно и доброжелательно сказала: «Обождите меня у конторы, сейчас приду». Эти слова сказали о многом, но выводы пока делать было рано.

Мы выбирали часа два, переезжая от одного «строения» к другому. На «лом» страшно было смотреть, но кое-что с учетом возможного ремонта выбрали. Я даже взял на память о визите на Владимирскую землю горных орлов стул, на мягком сиденье которого красовался

четкий угольный след горячего утюга. Приглянулся нам и зеркальный шкаф. Видно, его пощадили или притулился тот в недоступном для охальников месте. Но бухгалтер остудила пыл: «Его невозможно вынести, в дверь не пройдет». Так вот почему этот приличный шкаф дожидался меня! На дверях стояли решетки из арматурных прутьев, сработанных вопреки требованиям эстетики, но прочно, с учетом суровых условий необитаемости. Пройти можно было только через одну створку. Пригорюнились мы, жалко расставаться с мечтой, но ничего не поделаешь. Тут неожиданно сопровождавший начальницу слесарь предложил: «А давайте я сдерну решетку. Закрепить ее потом не так уж и долго». Опять подарок судьбы. Человеколюбивый поступок слесаря меня сильно озадачил.

И так, мало-помалу, собрал я скромный гарнитур. Нашлись приличные стол и стулья, тумбочки, журнальный столик, кровати. И главное, все это мы удачно разместили в кузове впритык.

Когда мы добрались до дома, я понял, что сумма этих маленьких чудес и составляет чудо, о котором можно говорить. Загадка отца Николая прочно осела у меня в голове, время от времени давая о себе знать жизненными аналогиями.

Потихоньку и полегоньку выбирал я сусеки памяти у тех немногих, кто мог рассказать об этом необыкновенном священнике, осветить хотя бы маленький кусочек его жизни, его дел, его мыслей.

Николай Сергеевич Сушко, таково полное имя священника, родился 15 февраля 1898 года в многодетной крестьянской семье переселенцев с Украины. Семья обитала под Спасском, что на Дальнем Востоке. Из восьмерых детей Николай был старшим. Подробностей жизни того периода выяснить не удалось. Известно только, что Николай в 20-е годы ушел в Шмаковский монастырь. Видно, насмотрелся всякого в Гражданскую войну. Она ведь на Дальнем Востоке продолжалась дольше.

От мира уйти не удалось, богоборцы утвердились и пошли в наступление. Монастырь закрыли, а насельники разбрелись кто куда. Николай уже хорошо знал службу, и его пригласил псаломщиком один батюшка к себе в храм. Но и тут не пришлось долго обретаться. В 1930 году церковь закрыли, а священника и псаломщика арестовали. Эта тюремная, лагерная и ссыльная Голгофа растянулась для Николая на три пятилетки. Только в 1946 году Николай Сергеевич был освобожден. Куда ехать, к кому? Домой? Дома нет. Родители – «кулачье отребье» – в ссылке, родных разметала жизнь. Остался один вариант. Большая надежда возлагалась на иеромонаха Павла. С ним свела судьба в одном из лагерей, там они стали как братья и переписывались по освобождении священника.

В годы войны бывший семинарист, верховный главнокомандующий И. В. Сталин, сделал большое послабление для Церкви. Так он поступил во исполнение условий по спасению России, поставленных Богородицей богоборческой власти, которые передал митрополит Илия (Карам) через консульство в Ливане в 1941 году. Факт довольно известный, хотя и преданный потом намеренному забвению. По всей стране стали открываться храмы, востребованы были и священники, находившиеся в тюрьмах и лагерях. Отца Павла освободили и определили на приход в Андреевский храм, что под Киржачом. Туда теперь дорогу провели. Гагарин ведь упал в трехстах метрах. А тогда была бездорожная глухомань. Ближайшие деревни – Овчино и Новоселово. В первой батюшка и снимал комнатеночку.

Как узнал священник об освобождении друга, прислал приглашение. Приехал Николай в Овчино. Только обогрелся, обсушился, не успел как следует выговориться – опять беда. Через три дня появился «черный ворон», и отца Павла увезли.

Устроился освобожденный работать на железную дорогу. Ходить туда пешком далеко, а деваться некуда, надо. Так потихоньку и жил. За храмом присматривал. Не давал разговаривать, растаскивать церковное имущество. Вскоре приехали к нему из ссылки родители, уже

немошные старики. Не имел ведь ни кола ни двора, а приехали к нему, знали – надежная он опора. Купили домик в Ветчи. Стали обживать.

Без очищения души человеку тяжело. Люди писали в епархию, чтобы прислали священника. По их просьбе и открылся храм в Ильинском. Пошел туда Николай Сергеевич псаломщиком. Хоть и сводили они со священником едва концы с концами, кругом ведь деревенская беднота, а сомнений не было. Душа позвала. Ходил на службу лесной тропинкой. В один конец восемь километров и обратно столько же. Десять лет так выходил. В пятидесятые рукоположили во священника. То владыка Онисим увидел в псаломщике свет.

Отец Николай Сушко Село Ильинское. 1975 год

Перебрался отец Николай в Ильинское, перевез родителей. Жили в домике рядом с церковной сторожкой. Служил иереем здесь более тридцати лет, и 10 декабря 1989 года, на 92-м году жизни, тихо отошел ко Господу.

Все эти годы добрая слава летела о нем. Исключительного тепла был человек. Всего себя отдавал на служение Богу. Формально он не был монахом, но жил строго по уставу. В таких же строгих правилах обреталась рядом схимонахиня Илиодора. Совсем как в маленьком монастыре. Вокруг них постоянно окормлялось несколько человек, а к отцу Николаю, кроме того, регулярно приезжали чада. Тянулись к нему люди. Все они были в одном походи друг на друга. Как только я начинал расспрашивать о священнике, лица у них светлели. Инокания Илиодора (киржачская ткачиха, принявшая с этим именем постриг после смерти схимонахини) и Анна Ивановна Золотова говорили, что не успевали на исповеди выкладывать свои грехи, как отец Николай с мягкой улыбкой их опережал, и рассказывать не надо, все наперед знал. Прозорливец был, великой духовной силы человек, доброта изливалась из самого его сердца. Она приподнимала всех, кто был рядом с благодатным старцем. Никого, однако, он не выделял, со всеми был ровен, никому не отказывал в общении, даже тем, кто упирался в своем неверии. Как-то две атеистки из Акулова решили посмеяться над иереем, обличить его. Пошли они в Ильинское обычной дорогой, десятки раз ходили по ней, а тут заблудились. Двое суток мыкались там, где и потеряться-то, казалось, было негде. Вывел их потом один грибник. Божиим вразумлением стал этот случай девицам. Одумались, потянуло их потом к батюшке.

Рассказывает монахиня Варвара. После убийства отца Владимира, священника храма в Леонове, и похорон его поехала она в Ильинское к отцу Николаю оттаять немного душой. Подходит со стороны леса к домику, а он, невысокий, худенький, у изгороди ее уже поджидает: «Ну, – говорит, – рассказывай по порядку, как там все было».

Известный всему православному миру архимандрит Кирилл (Павлов) не раз приезжал в Ильинское. Подолгу беседовали два старца, зревшие далеко. И отец Николай ездил в лавру, исповедовался у отца Кирилла. Кстати, это были единственные отлучки. Остальное время всегда был при церкви. Постоянно заботился о ней, держал в исправности. Ведь надо то крышу починить, то сток, то покрасить. Пенсию свою полагал на храм и что жертвовали. Себе оставлял только минимум. Старался своим трудом обеспечить себя и близких. Огород кормил.

Много людей приезжало к отцу Николаю со всей страны – с Украины, Урала, Сибири. Он знал, с кем и как говорить, находил ключик к сердцу каждого. Бывало, что и шутил, но в каждой шутке было зерно истины.

Распорядок в доме был железный. В семь утра поднимал близких на молитву, потом весь день в трудах, а вечером обязательное чтение священных книг. Заставлял иногда пересказывать прочитанное, как в школе. После вечерней молитвы никаких разговоров, всем спать.

Все дела свои житейские вершил отец Николай с молитвой на устах, а когда молчал, как схимонах пребывал в постоянной сердечной молитве.

Отца Николая нельзя причислить к иереям старой школы. Он стал священником в наше время, когда ему было под шестьдесят. Отец Николай был призван на служение Богу по великой чистоте своего сердца и души, и, конечно, знал и видел то, что нам неведомо. Мы можем только повторить: *Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8).

Да, он умер, но одновременно он рядом с нами. Ниточки-связи наши не рвутся. Помяни, читатель, в молитве своей отца Николая. Да будет ему вечная память!

Август 1995 – июль 1998 года

Аленький цветочек

На третьей седмице Великого поста хоронили старого служителя храма дядю Мишу. Его знали все Петушки, но попрощаться пришли немногие, только те, кто ведал, что это за человек. Жил он для окружающих мирян незаметно, скромно вершил свои житейские дела и на 91-м году жизни тихо отошел ко Господу. Успел попрощаться с детьми, внуками, незадолго до смерти исповедаться, причаститься и собороваться. Все, как и положено православному.

Гроб стоял напротив царских врат. Стройно пел хор, украшенный кряжистым басом иеромонаха Афанасия, бывшего клирика нашей церкви, а затем наместника Свято-Успенского Космин-Яхромского монастыря. Он чудесным образом в день похорон оказался в Петушках. Стоявший вокруг гроба народ со свечками в руках скорбно внимал. Настоятель храма протоиерей Андрей неспешно и торжественно служил, особо выделяя ключевые моменты. Его сильный баритон уверенно спрашивал: «Покой, Господи, душу усопшаго раба Твоего...», а хор подхватывал и держал натянутую струну торжества этого отпевания.

На старинных полотенцах под печальный звон колоколов несли гроб на кладбище. Печальны были и светлые березы, хранившие стылый воздух последнего пристанища людей от прогретой суеты мартовского дня, и эти ежедневные свидетели людского горя временами всплескивали у могилы ветвями. Здесь иереи отслужили заупокойную литию, и люди стояли не шелохнувшись. Те же березы, перестав мотаться под напористым ветром, склонили в почтении свои головушки и слушали возносимое навверх сильными, красивыми голосами пение. «Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, усопшему рабу Твоему Михаилу и сотвори ему вечную память. Вечная память...» – трижды тянул хор, будто ставил последнюю точку в оконченной книге жизни.

Вот уже и вырос могильный холмик. Родные, близкие, друзья попрощались с покойным и медленно побрели к выходу. Большинство отбыло на поминки, куда приглашали всех. Мы с монахинями Варварой и Людмилой помянули Михаила Павловича особо. Я знал дядю Мишу, как любя называли его все, очень мало. Ну здоровались, ну подвозил его на машине, а вот матушки были знакомы с ним более полувека. Этот человек являл собой живую историю храма и всех, кто был связан с ним. Михаил Павлович прошел все ступени помощников в служении. Особое место занимает алтарь. Здесь он пономарил большую часть жизни. Лично знал всех

до единого священников, которые служили в храме с момента его постройки, и, разумеется, еще по довоенным страстным тридцатым – ныне прославляемого владыку Афанасия, невольно стал свидетелем его ареста, помогал собирать посылки, отправляемые монахиней Маргаритой в лагерь, а потом, по возвращении владыки в Петушки, поддерживал теплые отношения с благодатным старцем.

С именем дяди Миши связывают многие чудеса. Ведь он прошел всю войну от звонка до звонка, был в невероятных передрягах и всегда оставался цел в пеленах благодати. Рассказ же монахинь об аленьком цветочке сразил меня наповал. Настолько все было необычно. Я упротисил матушку Людмилу сопроводить меня к старшей дочери Михаила Павловича Антонине, которая прожила под одной крышей с ним до последнего дня. Она согласилась, но по разным причинам наш поход откладывался, и только в мае удалось ее навестить.

Антонина не удивилась нашему приходу, как будто была к нему готова, проводила в горицу. Там все выглядело просто, ничего лишнего, только старинные часы да икона украшали ее. Окна смотрели на железную дорогу, которая не оставляла надолго дом в покое. Он постоянно подрагивал от проходящих поездов.

У нас, как мне показалось, даже вступления не было, разговор пошел сразу. Если суммировать все сказанное и добавленное другими людьми, получается интересная картина.

Родился Михаил Павлович 3 июня 1907 года, «аккурат на Елену». Жил без родителей, воспитывался у деда, служившего на железной дороге. Дед был человеком благочестивым, жил по заповедям Божиим. В храм ходил в Костерево. А до него от Молодилова шесть километров. Хоть и дальше, чем до петушинского, построенного И. П. Кузнецовым в 1910 году, просто туда по железке было прямо и как-то способнее. Брал в храм дед и внука. Все поражались живейшему интересу мальчика к церковной службе. Он прямо впитывал ее. В остальном Миша был обыкновенным деревенским мальчишкой. Правда, больше любил уединение. Деревню окружали бескрайние леса, и ребятишки часто бегали по ягоды и грибы. Однажды Мишаня заблудился. День к вечеру, а дороги домой найти не может. Стало страшно. Тут он впервые всей своей чистой душой с жаром обратился к Господу с просьбой о помощи. Вдруг видит – идут к нему два мальчика, пожалуй, постарше его. Оба чистенькие, красивые, белокурые, очень похожие друг на друга, как близнецы, улыбочивые, кафтанчики на них пурпурные, прямо загляденье. Один спрашивает: ты что, мол, плачешь? Миша объяснил свою беду. Незнакомцы успокоили мальчика, взяли его за руки и повели. Вроде вели-то недолго, всего с десятков шагов, и на просеке открылась деревня. Только хотел поблагодарить спасителей, тех и след простыл. И вокруг никого. Как подошел к деревне, понял – Ангелы это были. И так ему стало на душе хорошо, будто у самого выросли крылья.

Уже будучи подростком, увидел в тонком сне Пресвятую с апостолами. Мать Божия ничего не сказала, только внимательно посмотрела на Михаила. Дедушка сон истолковал по своему. Это тебе, мол, для укрепления веры, времена настают страшные.

Вскоре дед умер. Михаил какое-то время поскитался, а потом, по совету одной знакомой, в будущем схимонахини Софии, стал обретаться в петушинском храме. Прислуживал на всенощной и литургии. Тут Михаил по-настоящему углубился в церковную жизнь, близко узнал служителей. Был решен и квартирный вопрос. Сначала жил в подвале, потом в каморочке на колокольне.

После одной из служб познакомился со своей будущей женой Татианой, внучкой церковного старосты, но был робок и несмел в ухаживаниях. «Так что, – вспоминает Антонина, – мама совсем было замонашилась, черный платок надела, красивые платья все раздала». Однако вскоре наладилось. Обвенчались, пошли дети. А тут и война. Михаила Павловича сразу призывали. Почти все время находился на передовой, но, где бы он ни был, знал свое правило – постоянно творил молитву. Бывало, замполит нательный крестик отнимет, но так уж полу-

чалось, что без него солдат мало пребывал. Или свой ему возвращали, или церковь случалась на пути, или каким другим путем, но нательный крестик обязательно появлялся.

М.П. Гришин 1933 год

Самая страшная мясорубка была под Сталинградом. Там из всей роты живым остался только рядовой Гришин. Приклад винтовки был разбит в щепки, шинель превратилась в лохмотья, пули и осколки исполосовали ее, а на теле ни царапины.

Затем другие фронты. Однажды пришлось простоять несколько часов в ледяной воде. Подступила смертельная тоска, вот он, конец от неминуемой простуды, а душа утешает: Бог милостив, только молись. Потом даже не чихнул, и ноги не болели. Где-то в 1944 году, зимой, наступили холода, в сапогах ноги мерзли, а валенки не выдавали. Написал домой, пришлите, мол, «катанцы». Он и получил их – правда, через полгода, уже летом.

А тогда произошло очередное чудо. В расположение части пришла женщина и спрашивает Гришина. Ну, вышел. Незнакомая. «Что тебе, милая?»

– Да вот, – говорит, – валенки тебе.

– От кого?

– Тетя Мария велела передать.

Повернулась и пошла. «Какая тетя Мария?» – подумал Михаил Павлович, а потом обожгла мысль: «Так ведь это посылка от Пресвятой!»

И так всю войну под омофором Богородицы. И не только рядовой Гришин на фронте, вся семья его в тылу находилась под Ее покровом. Снится Татиане сон. Смотрит она на Иверскую икону Божией Матери, что висела в ее спальне-каморочке, а над ней светлое облако. Является из него Богородица и говорит: «Упадет ведь икона, едва держится». Татiana проснулась в смущении, не знает, что делать. Побежала к сестре, та рядом жила. Вернулась с ней. Сестра только снизу прикоснулась к иконе, а она и упала в руки. Висела на волоске, веревка вся истлела.

Вернулся Михаил Павлович в Петушки после войны не сразу. Пришлось еще маленько послужить. Зато сколько радости было, когда вошел в родную церковь! Она все эти трудные годы была у него перед глазами.

За искренность в вере и преданность Богу был Михаилу Павловичу дар видеть благодатный огонь. Никто об этом долгое время не знал. Антонина рассказывает: «Служил как-то у нас в храме владыка Онисим. Я стояла на своем месте у правого столба. Запели “Тебе поем...”, и вдруг я увидела – как будто сверху молния сверкнула. Отец прислуживал в алтаре. Я его потом спрашиваю, что это за молния была. А он: “Видела, значит”. – “Да”, – говорю. “Это благодатный огонь сходил в чашу”». Оказывается, Михаил Павлович видел в алтаре этот огонь у всех священников, которые служили. Когда хор пел: «Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и молим Ти ся, Боже наш» и иерей в тайной молитве произносил: «Еще приносим Ти словесную сию и бескровную службу, и просим, и молим, и мили ся деем, низпосли Духа Твоего Святого на ны и на подлежащие дары сия...» – в чашу сходил сверху огонь и струился по краю. Это длилось мгновение, но Михаил Павлович успевал заметить величину его, и силу, и яркость как отражение благодати.

Когда Антонина замолчала, видимо, собираясь с мыслями, я спросил про аленький цветочек. Она задумалась, а потом продолжала:

«Было это четыре года назад. Я сильно заболела тогда, вся пожелтела, уж думала, конец пришел. Стала собираться, а папа мне и говорит, мол, не удумай умереть. Как без тебя? Давай-ка уж после меня. Буду за тебя молиться, все ведь в руках Божиих. А мне все хуже и хуже. Увезли в хирургию, и сразу на стол. Разрезали меня от бока до бока, и врачи руками развели. Обратно зашили кое-как, сказали: жить осталось три дня, ну от силы неделю. Положили меня в отдельную палату, видно, чтобы не смущала своим отходом соседей. Кровать стояла напротив дверей. Я как пришла в себя, смотрю через открытую дверь, а в коридоре на тумбочке около поста дежурных стоит в вазочке цветок необыкновенной красоты. Вроде роза не роза и тюльпан не тюльпан. Весь прозрачный, светится. Этот аленький цветочек такую мне радость дал, столько сил в меня влил, что внутри я как-то сразу окрепла. Три дня прошло, мне бы уж лежать в мертвецкой, а я затаилась потуже полотенцем, чтобы швы не расползлись, и потихоньку заковыляла в конец коридора по своим надобностям. Возвращаюсь, а цветочка нет. Спрашиваю у сестер, где же он, куда подевали. Все переглядываются, молчат. Одна санитарка и брякнула, да, мол, никакого цветка и не было, привиделось тебе. Я спорить не стала, и к себе

в палату. А врачи зашевелились. Уж больно все для них чудно, никак я не умираю. Вскоре повторно сделали операцию и убедились: болезнь отошла. Я-то знаю, по папиным молитвам снизошло это чудо исцеления. Матерь Божия послала мне для укрепления аленький цветочек, а с ним и жизнь».

Все услышанное было так неожиданно для меня, что как-то не сразу укладывалось в голове. Сердце принимало, а разум твердил: погоди, поспрошай у других людей, может, они что иное по твоим вопросам скажут. Человеческая натура ведь очень субъективна в своих воспоминаниях, тем более о родственниках.

Постепенно в расспросах о дяде Мише наряду с отрывочной информацией о нем самом я узнал имя человека, которому Михаил Павлович доверял и однажды много ему рассказал, когда они вместе ехали из Петушков в лавру, ведь известно, в дороге люди становятся ближе. Однако возможность встретиться с этим человеком существовала только теоретически – в один из его приездов в Петушки к родственникам. Очень хотелось закончить рассказ по свежим впечатлениям, но ускорить ход событий было не в моих силах.

15 мая, в день тезоименитства владыки Афанасия, жизнь которого была тесно связана с Петушками, я в числе десяти паломников поехал на панихиду в лавру. В этот день ее служил в криптовым трехпрестольном храме, что находится под Успенским собором, специально приехавший из Переделкина дорогой отец наш архимандрит Кирилл. Ведь владыка Афанасий имеет прямое отношение к составлению службы Всем святым, в земле Российской просиявшим, – престольному празднику этого храма. После панихиды, проводив отца Кирилла до проходной в братский корпус, мы еще несколько минут оставались там, перед тем как двинуться в обратную дорогу. И вдруг появляется тот человек, которого я так жаждал увидеть, и за несколько минут разрешает все мои вопросы. Это было настоящее чудо, его осознал я не сразу. Видно, оно было из ряда чудес, которые нас постоянно окружают и которые мы сразу не осознаем.

Архимандрит Кирилл служит панихиду по святителю Афанасию в храме Всех святых, в земле Российской просиявших 15 мая 1998 года

Когда все встало на свои места, возник вопрос: а чем же Михаил Павлович, скромно и незаметно живший среди нас, заслужил такую благодать, почему соседи называли его святым, почему все это открылось по смерти? Ответить сразу непросто. Даже соблюдая все заповеди Божии, включая заповеди блаженства, такую благодать не получить. Тут нужно нечто большее. Я думаю, Михаил Павлович явил собой пример внутреннего подвига особого рода, был мирянином со строгим монашеским правилом. Находился рядом с людьми и одновременно далеко от них. Он был в постоянной молитве. До преклонных лет спал урывками – в 12 часов

ночи читал акафист Сладчайшему Господу нашему Иисусу Христу, в три часа – акафист Пресвятой Богородице, в пять – канон Ангелу Хранителю. А по вечерам Евангелие, Псалтирь и духовные книги. Мирские дела всегда на втором плане, только как база для работы своего духа. Как-то уже после войны стали вызывать его в военкомат для вручения награды, которая после долгих лет нашла героя. Он поблагодарил за внимание, но от награды отказался: «Зачем она, если на мне есть крест». Когда пошли хрущевские гонения на Церковь, немногие подставляли свою грудь под стрелы врага. А дядя Миша был среди тех, кто ездил хлопотать в Москву, чтобы петушинскую церковь не закрыли, чем навлек на себя многие немилости. Таких примеров его отречения от внешнего мира в пользу внутреннего, как созидательной базы пути, можно привести много. Он достиг праведности по милости Божией непрерывным трудом души, постоянным ограничением себя, воздержанием, готовностью взойти на свою Голгофу. Дай нам, Господи, способность видеть вокруг себя спасительные примеры исполненных Святого Духа людей, таких, как светлой памяти Михаил Павлович Гришин.

Май 1998 года

Инок Иоанн

В конце 1995 года по благословению моего знакомого священника я принял за совершенно новую для меня и очень своеобразную тему. Нашлась необходимая литература, пригодились заготовки, которые исподволь копились по жизни, но работа не шла. При всех надутых парусах мой корабль не мог разогнаться. Якорь волочился по илистому дну, и у меня не хватало сил поднять его. Я понимал, что для начала, в силу специфичности темы, надо было максимально очиститься и только потом приступить к работе. Исповедь, соборование, причастие дали результат, но ненадолго. Опять что-то не пускало меня вперед. И тут я дерзнул обратиться за помощью к духовнику лавры старцу Кириллу. Это великой внутренней красоты человек с удивительной судьбой. Нынешнее поколение, воспитанное на новых учебниках, изданных на деньги Сороса (Шварца), уже плохо знает подробности Сталинградской битвы, изменившей весь ход Второй мировой войны. Может быть, только экскурсанты по городу-герою имеют сейчас возможность услышать о беспримерном подвиге его защитников да увидеть оставленные для истории руины. Взгляните на здание мельницы. Своим страшным изуродованным остовом оно сегодня напоминает потомкам о великом подвиге их отцов и дедов. Среди героев-

сталинградцев был и командир отделения Павлов, о котором уже тогда знали многие. После победного завершения битвы часть, где он служил, оставили в Сталинграде. Однажды в развалинах среди мусора боец увидел растрепанную книгу. Что-то заставило обратить на нее внимание. Нашедший собрал все листки, посмотрел на обложку – Евангелие – и начал читать. Содержание было удивительным. Оно всецело захватывало душу своей истиной, согревало, поддерживало, направляло. С тех пор счастливый обладатель не расставался со своим сокровищем. Он, можно сказать, выучил Евангелие наизусть. Книга дала ему силу и крылья, жизнь обрела смысл. После Сталинграда много еще пришлось повоевать. До конца войны солдат принимал участие в активных боевых действиях и ни разу не был ранен. После демобилизации в 1946 году вопроса, как жить дальше, не было. Блестяще сдав вступительные экзамены, бывший командир отделения поступил в Московскую духовную семинарию, а по ее окончании принял монашеский постриг и остался в лавре. Позже, став духовником лавры, архимандрит Кирилл исповедовал не только грешных мирян, но и высших иерархов Церкви.

Попасть к отцу Кириллу – дело очень непростое. Много людей стремится за советом в мирских делах к благодатному старцу. Бывает, сотни людей стоят в очереди за благословением. Поехал я в Переделкино, где, по слухам, находился отец Кирилл. Но там его уже не было. Говорили, что опять принимает в лавре.

Наступили Рождественские праздники. Людской напор не ослабевал. Отец Кирилл принимал по двести человек в день. Это стоит уже за пределами возможности человека, и сердце не выдержало. Старец слег. Как мы все нудимся по своим скорбям, не жалею тех, кто полностью отдает себя нам, и осознаем сие, только когда лишаемся возможности общаться с носителем благодати!

Я по-прежнему оставался перед бурной рекой и не знал, как перебраться на другой берег. Скорби разделила моя добрая знакомая монахиня Варвара. Она как-то странно посмотрела на меня и участливо сказала: «Бог милостив, может, скоро и увидите батюшку». Через несколько дней от нее получаю сообщение: «На Крещение в пять вечера будьте у кануна Трапезной». Сердце забило в радостном предчувствии. Из Москвы в лавру я просто летел.

Посад встретил легким морозцем. Плотный тихий вечер уже наливался темнотой, и снег с невидимых небес узорным пухом тянулся к земле. На смотровой площадке, что на пути от вокзала, невольно остановился. Дух перехватило. В вечернем покое, отринув суету ушедшего дня, под мириадами снежинок в свете прожекторов струилась наверх белокаменная красота. Она увлекала с собой, захватывала, возносила. Какая же это великая мощь! Лавра действительно устремляет человека вверх. Особое чувство приподнятости испытывает большинство из тех, кто переступает ее порог и оказывается на святой земле.

Первая тропка, конечно, к преподобному Сергию Радонежскому – скорому помощнику в скорбях и печалях. В храме немногочисленно и очень покойно. Можно было невозбранно уйти в себя и усердно помолиться. Здесь не нарушалась золотая ниточка, что зыбким лучиком связывает нас в этом состоянии с горним миром. У раки совсем небольшая очередь. Я приложился к мощам, и скорее в Трапезную.

В назначенное время незаметно, как тихое сияние, появилась матушка Людмила. Она улыбалась: «Сейчас Варвара сходит и узнает, сможет ли батюшка встать с постели и будет ли служить панихиду по инок Иоанну. А пока постоим на всенощной». Народу в этом изумительном по красоте храме было немного. Великий праздник Богоявления закончился, завтра поминался Иоанн Креститель, отмечали Собор Предтечи, так что в церкви были только свои.

Мы стояли у самых дверей. Многие из прихожан приветливо кивали моей соседке. Здесь ее знали. На чтении кафизмы появилась матушка Варвара. Тихонько шепнула нам: «Батюшка только сегодня поднялся с постели. Завтра попытается отслужить панихиду. Нам велено быть к двум часам».

Утром в половине седьмого мы снова были в лавре, стояли в Троицком соборе. Ранняя служба в этом древнем храме, где покоятся мощи преподобного, несравнима ни с чем. Монашеский хор торжественно возносит твою душу до небес, где она невидимо плывет, замороженная красотой знаменного пения. Я нигде и никогда ничего подобного не ощущал. Тела как будто не было, а душа пребывала в океане разлитой вокруг благодати. Только здесь я по-настоящему постиг силу и красоту Божественной литургии, именно здесь было насквозь пробито огрубевшее от мирской жизни сердце, здесь рухнула последняя плотина, которая уже давно шаталась под напором живительных струй.

Около двух часов мы уже стояли в коридорчике у служебного входа келии, где отец Кирилл принимал посетителей. Проходящие с жалостью поглядывали на нас, как на ненормальных. Ведь всем было известно, что батюшка болен и не принимает. Но вот произошло какое-то движение вокруг, как будто легкий ветерок прошелся. Открылась стеклянная дверь, и в проеме возник худощавый старец в монашеской мантии. Чуть выше среднего роста, держится прямо, на черном фоне выделяется длинная седая борода, взгляд пронзительный, глаза лучистые и добрые. Пока сопровождающий келейник открывал дверь, батюшка нас благословил. Я впервые прикоснулся к сухой пергаментной руке старца и как будто встал у двери, которую отец Кирилл, беря на себя наши грехи, чуть приоткрывает в другой, неведомый нам мир.

Подошли еще архимандрит Сергей и иеродиакон Никон, известный своим мощным кряжистым басом далеко за пределами лавры. Батюшка раздал всем иерусалимские свечи и начал панихиду. В кадильнице курился настоящий ладан, тоже привезенный со Святой Земли. Неземной аромат вместе с проникновенными молитвами захватывал, уносил наши души вверх.

После службы исповедь. Первого направили меня. Я выложил батюшке последние свои грехи, скорби, сомнения и попросил благословения на работу. Он спросил, готов ли просящий потянуть такой воз. Я дерзнул надеяться. Отец Кирилл помолчал, потом как будто засветился и радостно благословил. Эта минута вспышкой молнии, сверкнувшей рядом, четким оттиском осталась в памяти навсегда.

На поминальную трапезу, приготовленную в комнате ожиданий, батюшка не остался. Он благословил и, сославшись на недомогание, удалился. Старец ушел, но как бы остался, продолжал незримо присутствовать. Такой был душевный подъем и ощущение необыкновенной радости. Это состояние испытывал не только я.

Неторопливый рокот иеродиакона колокольным звоном висел над столом. Отец Никон вспоминал, как они с отцом Сергием в далекие пятидесятые имели послушание на кухне и вместе с иноком Иоанном тянули братскую и рабочую трапезу. К 12 ночи прямо падали от усталости, а в 4 утра брат поднимал их на молитву. Сколько сам спал, они и сказать не могут. Несмотря на предельную нагрузку, никуда бежать не хотелось. Легкость внутри была и радость. Когда они расстались с иноком, заведенный ритм нарушился. Физическая тяжесть ушла, но и радости стало меньше.

Кто же такой инок Иоанн, если ему уделяет особое внимание старец? Чем же он вошел в сердце батюшки, который видел на своем веку многие тысячи людей? Какие неведомые сокровища после себя он оставил?

Пока можно было только утешиться рассуждением, что великое и настоящее никогда не лежит на поверхности. Все, что блестит под ногами, сверкает с экрана телевизора и умильно журчит по радио, — это диавольская мишура тленного мира. Настоящие сокровища сокрыты, до них надо добираться, разгребая завалы души, и только дойдя до лучистых кристаллов, можешь сравнить и понять их настоящую цену.

Следующая моя встреча с отцом Кириллом опять была связана с иноком Иоанном. Меня предупредили заранее, что батюшка собирается навестить могилу друга, и мне надлежало быть готовым к выезду в глубинку средней полосы. Наконец я получил известие и 25 июня 1996 года был на месте. Батюшка должен был приехать к вечеру, но мы, встречающие, вчетвером

в ожидании уселись на крылечке деревенского дома заранее. Солнце уже умерило свою дневную щедрость и потихоньку клонилось к закату. Ветра совсем не было. Стояла удивительная тишина. Мы пребывали в мире торжественного спокойствия, умиротворения и красоты. Главной темой нашего неторопливого разговора были отец Кирилл да инок Иоанн, которого матушки ласково называли «дедуля». Для меня это были интересные отрывки – общая картина никак не складывалась. Вытягивать же недостающую информацию в тот момент я посчитал неуместным.

Матушка Людмила вспоминала, как в прошлый приезд она пожаловалась батюшке на колорадского жука, который просто косит картошку. «Ты мне покажи жука-то, каков он из себя?» Принесли. Старец разглядывал матерого и укорял: «Что же ты, дружок, пришел сюда?» Велел отпустить насекомое. После отъезда отца Кирилла жуки разом пропали.

...Хоть и следили за дорогой, а гости подъехали незаметно. После теплой встречи и обычных приветствий мы на двух машинах тронулись к кладбищу. Там батюшка неторопливо облачился: надел епитрахиль, поручи. Сопровождавший священник возжег кадило, и отец Кирилл начал панихиду.

Удивительная служба. Солнце уже не пробивалось сквозь кроны вековых гигантов, и в вечернем полумраке отчетливые пласты ладанного дыма медленно восходили вверх. «Покой, Господи, душу усопшего раба Твоего...» Молитва тоже поднималась в вечность.

После службы отец Кирилл традиционно раздает иконы. Из его благодатных рук мне достались лики Спасителя и Серафима Саровского. Другие – удивительно, но это так – получили то, что они тайно хотели.

У могилы инока Иоанна. Слева направо: А. И. Золотова, Л. В. Пьянкова, Монахиня Варвара (Золотова), монахиня Людмила (Золотова), архимандрит Кирилл, Г. И. Катышев. 21 июля 1998 года

Ужин в деревенском доме незабываем. Старец держится просто, но чувствуется в нем великая сила. Матушки наперебой угощают, а он наперед оделит всех, а потом и сам отведает. Удивился чернике, что она уже поспела. Хозяйки объяснили, что сегодня в лесу напали на ягодный островочек. Больше нигде ягоды не было. А здесь смогли набрать мисочку.

Я никогда в жизни не бывал в такой атмосфере. Нас обнимала теплота, простота, спокойствие и внутренняя умиротворенность. Наверное, это и есть первоначально данное человеку Богом состояние, которое он по своему неразумию не оценил.

Перед отъездом отец Кирилл каждому сказал что-то теплое и благословил. Мне же дал радость знать, что мы еще увидимся.

С тех пор меня не оставлял вопрос – кто же такой инок Иоанн, почему мы о нем ничего не ведаем, почему оказывают ему по смерти великую честь? Матушка Людмила знала много, но, видимо, не все могла сказать, да и благоприятных обстоятельств для разговора не было. Удалось только узнать, что инок Иоанн был дружен с отцом Кириллом во время пребывания своего в лавре и что матушка ухаживала за иноком, когда тот находился в старческой немощи. Наконец случай представился.

В домике инокa Иоанна. Слева направо: А. И. Золотова, архимандрит Кирилл (Павлов), Г. И. Катышев, монахиня Людмила (Золотова). На переднем плане монахиня Варвара (Золотова). 21 июля 1998 года

С матушкой Людмилой мы оказались рядом в автобусе, который возвращался из Владимира с панихиды, отслуженной на могиле епископа Афанасия (Сахарова), великого литургиста и подвижника XX века. Много лет провел он в лагерях и ссылках, но остался несломленным. Последние годы его жизни пришлось на Петушки родной Владимирской губернии, где владыка в самое мрачное время хрущевских гонений оставался светочем для всех, кто был ему близок. Матушка Людмила и сестра ее монахиня Варвара не только лично его знали, но и выполняли особые, опасные для себя поручения епископа – отвозили письма, в частности в Тбилиси, известному теперь по многим публикациям и книгам митрополиту Зиновию (в схиме Серафиму). Владыка Афанасий оставил после себя большое богословское наследие. Например, он принимал самое деятельное участие в составлении службы Всем святым, в земле Российской просиявшим; его службы русским святым включены в Минею.

Настоятель Успенской церкви в Петушках протоиерей Андрей совершил накануне вечернее богослужение и утром 15 мая, в день тезоименитства владыки, литургию. А после все, кто

пожелал, отправились специально заказанным автобусом во Владимир. Там, на кладбище, за печально знаменитой тюрьмой, отец Андрей и отслужил полную панихиду.

В автобусе мне удалось разговорить матушку и наконец заполнить белые для меня пятна в мозаике жизни инока Иоанна. Постепенно все встало на свои места.

Иван Михайлович Соложенцев родился в 1905 году в деревне Кличино Тульской губернии в семье крепкого крестьянина. В то время многодетные семьи были не редкость, а у Михаила Павловича и Ирины Дементьевны Иван стал семнадцатым. Старшие братья уже имели свои семьи, и Иван рос со своими племянниками. Хоть и был Ванюшка самым младшим в семье, никаких поблажек не имел. С четырех лет уже вовсю помогал по дому. Когда исполнилось семь, случилось событие, которое стало как бы началом нравственного взросления. Как-то Михаилу Павловичу знакомый конюх предложил жеребенка, уверяя, что получил его за работу. Служил знакомый у какого-то крупного ценителя лошадей. Имение то ли продавалось, то ли закладывалось, в общем, было нестроение. Конюх смог, как потом выяснилось, «закосить» только что родившегося жеребенка самых что ни есть чистых кровей. Хоть и похож был жеребенок на осленка, чувствовалась в нем особая стать. Глаз нельзя оторвать. Весь черный, только на лбу белая звездочка и на ногах белые носочки. Загляденье. Конюх запросил за рысака немного – лошадь, корову, шесть овец да еще деньгами. Михаил Павлович согласился. Уж больно красив был малыш. Вручили жеребенка Ванюшке и дали ему имя Раскат. Спали малые вместе, бегали вместе, играли вместе. Не разлей вода. Краюха хлеба пополам. Если Ванюшу кто обидит, жеребенок утешает друга, дергает губами за рукав и не ест.

Подрос жеребенок, стали его к упряжке приучать. Если в коляске Ванюшка, проблем нет. Конь играючи выполнял все приказания, не надо никаких плеток и даже вожжей, понимал друга со слов. Если кто другой в пролетке – не тронется, хоть убей. Ванюшка сядет – с места рванется. Бег чистый, ровный, сильный. В округе не было более быстрого рысака. Вот объявляют конкурс – бега. Кажется, они проходили в Ефремове. Участвовали крупные конезаводы, частные фирмы. Были лошади из Петербурга, Москвы, центральных губерний. Конюх, который продал жеребенка, накануне соревнований оказался проездом в Кличино. Он как раз направлялся на бега, где ему надлежало обслуживать свою команду. Как истый лошадиник, конюх не преминул провести Раската. Знал ведь, что встретит красавца, и все же, когда увидел, обомлел. Он попросил Михаила Павловича показать рысака в работе. На мерной базе Раскат выдал прекрасный результат. Приезжий велел готовить коня на соревнования, остальное он, мол, все устроит, вплоть до сбури.

Нужно было прибыть за три дня, чтобы конь до забега отдохнул. Михаил Павлович и Ванюшка отправились в неблизкую дорогу. Прибыли вовремя. Конюх слово сдержал и все устроил. Велел за сутки коня не поить. Раскат заглядывает Ванюшке в глаза, тербит его губами, не понимает, почему друг не дает ему воды. Ванюшка страдал, но крепился и из солидарности тоже не пил.

Раската записали в последний заезд. Наездники свысока поглядывали на мальчонку, который не отходил от своего друга, и отпускали едкие шуточки.

Вот старт. Неопытного парнишку сразу оттеснили на последнюю линию, которая длиннее. Ванюшка не стал спешить. Он попридержал коня и пошел сзади. Как только лошади вытянулись в линию по своим силам, крикнул: «Ну, Раскат, давай!» Конь так рванул, что тележка с легким наездником на повороте летела по воздуху. Что было на трибунах, не описать. Восторженный рев, рукоплескание, крики «ура».

На финиш прибежало все начальство, ветеринары. Осматривают Раската, обмеряют. Такой он произвел фурор. Золотой медали, однако, не присудили (конь-то был без документов), но денег за победный заезд дали столько, что отцу никогда и не снилось. На них купили разную сельхозтехнику, построили новую конюшню и поставили большой дом. Ванюшку,

как виновника привалившего счастья, заставили положить золотой в правый угол под первое бревно. Дом и сейчас стоит.

Жили все одной семьей. Было несколько коров, лошадей, шестьдесят овец. Никого не нанимали, управлялись своими силами. Даже сами уходили в наем. С новой купленной косилкой заканчивали сенокос быстро, а потом косили другим.

В школе младший учился урывками, все было недосуг, все дела от зари до зари. Никто из его сверстников так не работал. Уже подростком Иван имел огромную силу, но никогда в ребячьих разборках в ход ее не пускал. Характер у него был мягкий, добрый и отзывчивый. Как-то пахал он. Вдруг слышит, где-то рядом за лесочком женщина заходится в плаче. Оказывается, муж у нее умер. Пахала сама, и вдруг пала лошадь. Заголосила, сил нет. Как теперь жить, как детей кормить? Иван говорит, не плачь, я тебе, мол, все вспашу, только помалкивай. Так он и пахал. Свой клин и бедной вдовы.

Однажды было ему видение наяву. Наверное, подсказка сверху, какой у него будет путь. На краю поля метрах в ста увидел он путника и замер. Высокий, стройный, в белых одеждах и препоясан широкой белой лентой крест накрест. Волосы мягкие, кольцами спускаются на плечи. Путник не то чтобы шел, а как бы плыл по земле. Иван удивился, куда же он идет. Дороги там нет, одни овраги. Бросился вслед, а никого нет, только упоительный аромат, какое-то удивительно нежное благоухание. Потом он понял, что Господь сподобил его видеть Ангела. За что? Наверное, уже было за что. За то, что человек должен носить в себе не только не расстрачивая, а постоянно приобретая. Отрок сердцем был чист, миролюбив и доброжелателен, всегда готов прийти на помощь, поделиться последним куском хлеба, в ребячьих забавах никогда ни с кем не ругался, не дрался. Правда, один раз не сдержался, ударил сверстника, да так, что у того пошла кровь из носа и ушей. Гнал Иван в ночное связку коней. Сам верхом без седла, в руках несколько поводков. Тот парнишка решил подшутить. Возле оврагов бросил из кустов под копыта лошадей вывернутую шубу. Те как взбесились и рванулись прямо к обрыву. Несмотря на свою большую силу, не смог подросток остановить обезумевших животных. Уже был виден край, откуда полетел бы вниз кровавый клубок. И тут Иван взмолился: «Господи, Владыко, спаси!» Кони у обрыва встали как вкопанные. Потом и был этот суд с кулаком. Первый и последний в жизни.

Парнишка работал не только от зари до зари, временами и ночь прихватывал. И в церковь потому не удавалось часто ходить, особенно в летнюю страду. А туда тянуло. Иван сам придумывал молитвы и на простом языке все о себе поведывал Богу. Не разумом, а сердцем чувствовал, что пребывает в Нем. Вспоминал свои ребяческие грехи, даже уже прощенные, и искренне в них каялся. Свой первый грех он помнил особо.

Рос семнадцатый ребенок в среде своих племянников, а те хоть и родные были, но разные. Кто-то высмотрел однажды, что бабушка оставила деньги в платье и повесила его в шкаф. Подговорили старшие Ванюшку взять, мол, мать тебя не тронет, не трусь. Ванюшка стал героем. На деньги купили халвы и тайно пировали под кроватью. Мать быстро догадалась, в чем дело, и отходила всех полотенцем. Как воробы, рассыпались все по избе и потом собрались на печке. Тут заходит отец. Что случилось? Мать все и рассказала. Сидят птенчики на печке, съезжились. Михаил Павлович и говорит, слезайте мол, бить не буду, ругать не буду. Выстроил дед команду ребятни и велит рассказывать все, как было, кто подглядел, кто деньги вытаскивал, кто халву покупал. Бог, мол, все видит, от Него ничего не утаишь. Кинулся младший сын отцу в ноги: «Батюшка, прости. Никогда больше не буду воровать». — «Что ж, хорошо, что признался. Иди к маме, проси у нее прощения». Ванюшка и к матери в ноги.

Остальным отец велел пойти к родителям, все рассказать и попросить прощения, а потом вернуться к нему. Вскоре опять собрались ребяташки, и Михаил Павлович спокойно, веско говорил с ними о Боге, о грехе и в заключение наказал всем положить по три поклона, попро-

силь у Бога прощения и обещать, что такое никогда не повториться. Урок, преподанный отцом, запомнился на всю жизнь.

Был и еще грех. Уже в подростках сверстники многие курили и подтрунивали над теми, кто не имел этой вредной привычки. Обзавелся Иван табаком, бумагой, спичками и собрался в компанию ребят. А тут отец. «Что это у тебя в карманах?» – «Да ничего особенного». – «Ну-ко, выверни». Упал Ванюшка в ноги: «Батюшка, прости». А тот: «Наказывать не буду, но дай мне слово, что никогда не будешь курить». Слово это будущий инок сдержал.

Вот в таких мальчишеских грехах и каялся Иван перед Богом. Тяжелая работа не грубила его сердце, не одевала панцирем черствости, а даже наоборот, позволяла острее чувствовать свою слитную причастность к природе, созданной Великим Творцом.

Его непоказную доброту особенно чувствовали животные. Они прямо льнули к Ивану. Когда тот был еще совсем мал, конь Васек даже голову нагибал, чтобы мальчонка смог на него забраться. Однажды, уже подростком, косил он на Васке в паре с братом Пашуткой. У того нерадение было ко всему, не имел он любви ни к какому делу. При смене лошадей оставил брат свою косилку зубьями кверху, и в траве Васек напоролся на ножи. Заржал конь и жалобно посмотрел на Ивана. Тот сразу все понял. Рванул с себя рубаху и под ноги. Кровь хлестала струей. Мальчишка туго перевязал раны, распряг и медленно повел хромающего Ваську домой. Дороги почти не видел, невольные слезы застилали глаза. В конюшне состоялось объяснение. Иван только просил покаяться брата в этом вольном или невольном грехе, но Пашутка был груб, и в бранных словах злость переливала через край. Тут и случилось невероятное. Сзади к обидчику подошел Раскат, схватил зубами Пашутку за шиворот и мощным движением шеи выкинул его в широкие ворота. Не будь кучи сена, убили бы злодей.

После этого случая отец отделил Павла. Для его немалой семьи был построен дом, выделена скотина и инвентарь. Не хотелось Пашутке уходить из отчего дома, где так привольно жилось, где можно было незаметно, как ему казалось, проехаться на других, но пришлось. Такова была воля батюшки.

Слово главы большой семьи – для всех непреложный закон. Был у Михаила Павловича брат в соседней деревне. Детей у него девять человек мал мала меньше да теща старая. Всего двенадцать. Выбивался он из сил, хирело хозяйство. На помощь был послан на три месяца Иван. Работал опять от зари до зари, валял валенки. Работа прибыльная для хозяина, но тяжелая. За день можно было сделать только один валенок. Кормили дарового батрака плохо. Хлеба и то вдоволь не ел. Хозяйка иногда украдкой принесет под кофтой краюшку, вот и весь добавок. Исхудал Иван, но молча тянул свою лямку, не жаловался, не роптал и все стерпел. Очень помог дяде, выправил тот хозяйство. Когда вернулся работник домой, мать с причитаниями отпаивала да откармливала своего кроткого сыночка.

При всем своем смирении и кротости не пасовал молодец и перед смертельной опасностью. Дело было зимой. Поехал он в гости к своей племяннице, которая только на год была моложе его. Все детство провели вместе и очень дружили. Надежда вот уже несколько месяцев как была выдана замуж в другую деревню, и Иван очень скучал по ней. Путь недалекий, всего двадцать километров, но опасный. На дорогах баловали банды. Грабили, ездовых убивали, а если хорошая лошадь, беда. Иван знал об этом, но надеялся, что все обойдется. Верил, что Господь не оставит его, самому только надо быть настороже. Запряг он Раската в сани и поехал. Был в гостях только ночь и утром засобирался домой. Тут один дружок прибежал. Смотри, мол, наши лихие будут тебя ждать на дороге. Поехал. Вскоре впереди показались сани. Укатанная дорога, путь один, не разъехаться, кругом снег. В санях трое крепких мужиков скалятся, предвкушая легкую добычу. Умница конь все понимал. Иван только крикнул: «Раскат, давай!» Конь рванул в сторону, снег по брюхо, еще рывок вперед. Тут один из бандитов прыгнул с ножом на Ивана, но не тут то было. Он так крутанул налетчика, что у того опорки слетели с ног, а Раскат уже на дороге. Разбойники не стали ждать своего поделщика, который барахтался в

снегу, и в погоню. Конь был у них хорош, да охаживали его еще кнутом. Раскату же кнут был не нужен. Он дело свое знал. Оторвался Иван от погони, но пожалел Раската, притормозил. Тут подоспели бандиты, и опять вперед. Раскат весь в мыле, а на лошадь налетчиков и смотреть страшно. Несутся сани, пыль снежная клубится, сзади ругань и угрозы. Вот и родная деревня, отчий дом, ворота открыты. И надо же, будто гонца ждали. Стоит отец, любимый брат Сеня и несколько селян. На их немые вопросы Иван крикнул: «Разбойники гонятся!» и пролетел в ворота. Тут подоспели преследователи и угодили в руки крепких мужиков.

За Раскатом прямо охотились. На Пасху все были в храме. В полночь крестный ход, потом такой желанный первый радостный возглас священника: «Христос воскрес!» «Воистину воскрес!» – отвечал нестройный, но искренний хор прихожан. Кругом счастливые лица, а у Ивана камень на душе, места себе не находит. Побежал к дому, он совсем рядом. В кресле сидит немощная бабушка. «Ванюшка, – говорит, – что-то неладно. Соседская собака заходит в лае у нашей конюшни». Иван рванулся к двери, а та: «Куда? Стой! Не ровён час, разбойники. Возьми отцов ливольверт». Внук быстро достал наган, купленный Михаилом Павловичем по случаю у одного фронтовика, и к конюшне. Не думал, кто там, как ему придется встретиться с теми, кого и людьми-то назвать нельзя, если пошли на поганое дело в такую светлую для души ночь. Ворота открыты, внутри темно. Только хотел войти, появилась голова Раската, которого кто-то вел под уздцы. Мелькнула мысль: «Почему Раскат такой покорный?», а рука сама вскинула наган. Выстрел в воздух. Вор бросил поводья, под брюхо коню и через плетень. Иван за ним. Догнал, повалил, руки за спину. «Сколько с тобой, ну?» – только кости хрустнули. «Трое», – прохрипел поганец. Что-то знакомое показалось в голосе. Повернул скрученного лицом кверху и обомлел – сосед. Вместе росли, вместе ласкали Раската. Взмолился парень, мол, делай что хочешь, только папаше не говори. Но куда там. На выстрел уже прибежали. Вор валялся в ногах у Михаила Павловича. Старик был вне себя, но простил. Сказал только, если что еще будет, случай сей приложится.

Это шли уже послевоенные годы. Революция и Гражданская война как-то обошли село стороной, только отголоски больших событий, вроде баловства на дорогах и бандитских вылазок, временами потряхивали глубинку.

Вскоре призвали Ивана в армию. Там он честно исполнял свой долг и попутно без особого труда закончил курс начальной школы. Память ведь у него была превосходная. Трудолюбивого, исполнительного солдата начальство отметило своеобразно – премировало двухлемешным плугом. За ним приезжал на телеге отец. Вся деревня потом приходила смотреть на это по тому времени чудо.

Вернулся Иван со службы – и опять за работу в крепком хозяйстве отца. Здесь нужны были его золотые руки. В конце 20-х началась коллективизация. Комитет бедноты, где ошивалась бездельничья рвань, объявил хозяйство Михаила Павловича кулацким. Наверное, потому, горько шутил потом Иван Михайлович, что он часто спал в поле в телеге и вместо подушки под голову подкладывал кулак.

Вскоре в селе появился чернявый уполномоченный с красноармейцами. Отец не имел иллюзий, чем все это кончится, и немедленно отослал своего младшего к дальним родственникам за двадцать километров. С тех пор будущий инок родителей своих не видел. Без денег, без документов он, как обложенный со всех сторон зверь, менял места обитания. Более всех задержался у одного лесника – работал у него за хлеб три года. Лесник был мужик не промах. Выправил на работника документы и оформил дарового батрака своим помощником. Деньги, разумеется, получал за него сам.

Хоть тяжелая работа не пугала Ивана, затосковал он. Душно было тут, душа звала прочь. Решил батрак написать своему дяде по матери в Ленинград. Адрес он знал на память. Ответ пришел быстро. В телеграмме было только одно слово: «Приезжай».

Лесник не стал удерживать помощника. Может быть, еще и потому, что жена его стала частенько поглядывать на молодого и сильного душой и телом мужика.

Дядя находился в священном сане и был близок к митрополиту Алексию (Симанскому). Отец Доримедонт принял племянника и помог найти работу. Вначале Иван пилил и колол дрова для столовой, топил печи. Как всегда, относился к делу ответственно. Оценили его как работника, поставили помощником повара. Отметили и здесь, направили на курсы поваров. Их Иван, несмотря на малограмотность, окончил с отличием.

Со временем Иван Соложенцев стал известным питерским поваром. Готовил изумительно, воровать не давал, своим примером заставлял других работать по-настоящему. Потому и приглашали его в «приличные заведения».

С началом войны номенклатурную столовую, где шеф-поваром работал Иван Михайлович, перевели на казарменное положение. А когда сжалось кольцо блокады, при столовой образовался профилакторий, где «ответработники» восстанавливали свои подорванные в кратковременном пребывании в голодных рядах защитников города силы. Шеф-повар видел «ценность» этих людей и по-своему вершил справедливость. Здесь он кормился сам, а паек через отца Доримедонта отдавал митрополиту Алексию, которому грозила дистрофия. Даже в это тяжелое время не закрывалось недремлющее око над церковными иерархами, и вскоре отца Доримедонта пригласили на Литейный. Иван Михайлович узнал об этом и на всякий случай приготовился к аресту, но архимандрит не выдал своего племянника.

Вскоре случилось чудо. Шел однажды будущий инок по улице и вдруг перед ним из подъезда выскочила женщина, голосит, бежит в Неву топить. Схватил он ее, резко встряхнул и спрашивает: «Ты что?» – «Детей нечем кормить, не могу видеть их мучения». Достал Иван Михайлович из кармана свой последний ломтик хлеба и отдал страдальце. «Какая у тебя квартира?» Та машинально назвала номер. «Возвращайся домой, вечером приду». В своей камере собрал еду, предназначенную для передачи отцу Доримедонту, и пошел, как обещал. Женщина пыталась целовать ему руки и ноги, она была, казалось, не в себе от такого подарка. С тех пор Иван Михайлович старался как мог помогать несчастной. И вот подошел он однажды к дому, у подъезда – черная «эмка». Поднялся в квартиру, а там – военный и в больших чинах. Оробел шеф-повар, стоит со своим узелком у двери, переминается с ноги на ногу. «Вот он, наш спаситель!» – И женщина бросилась к попечителю, обняла. У военного тоже были слезы на глазах. «Что я могу сделать для тебя, говори?» Пришедший, не задумываясь, тут же выпалил: «Помогите отцу Доримедонту». Когда военный уяснил ситуацию, то быстренько собрался и сказал: «Жди здесь». Не было его часа два. Вернулся с исхудавшим отцом Доримедонтом. Только когда батюшка увидел племянника, понял – это спасение, и заплакал. Иван Михайлович осмелился спросить, будут ли их еще преследовать. Военный улыбнулся: «Не бойтесь, все в порядке. Этим здоровым мужикам нечего здесь воевать со стариками. Пусть повоюют на передовой» – и предложил отвезти их на машине, куда они пожелают.

Когда в 1945 году митрополит Алексей стал патриархом, он с собой в Москву взял отца Доримедонта, а тот пригласил и своего племянника, который в труднейших условиях блокады так раскрыл себя. Иван Михайлович переехал в Загорск уже после войны. Все, что было стоящего – часы, костюм, пальто, – продал и купил небольшой домик. В лавре его постригли в иноки. Послушание определили на кухне, и потянул брат тяжелый воз монаха. Кто его знал, говорят, не щадил он себя. Спал три-четыре часа в сутки. Остальное время на молитве и послушании. А послушание нелегкое. Нужно было обеспечить две трапезные – братскую и рабочую. Кто с ним работал, подтверждают: тяжести они не чувствовали. Все вокруг инок Иоанна вершилось легко и быстро. Витала здесь простота, доброта и чистота сердечная. Вот тогда-то, в конце 40-х – начале 50-х годов, отец Кирилл и приметил отца Иоанна. Как-то незаметно они подружились, и не помешала разница в годах и положении. Тут ценились качества, не лежащие на поверхности, те, которые составляют суть человека. Я попытался суммировать эти качества,

выделить основные, превалирующие в иноке, и не смог. Да, он был смирен и кроток, да, он всю жизнь по крупичкам, как нищий, незаметно стяжал Духа Святого, да, он был чист и добр сердцем. И все-таки законченной картины не получалось. И вот как-то на воскресной литургии я вдруг понял, что ничего искать не нужно, все как на ладони. Брат Иоанн полностью вписывается в оклад человека блаженного, определенный Христом в Нагорной проповеди (Мф. 5, 3–12):

Блажени нищии духом, яко тех есть Царствие Небесное.

Блажени плачуущи, яко тии утешатся.

Блажени кротцыи, яко тии наследят землю.

Блажени алчуущи и жаждаущи правды, яко тии насытятся.

Блажени милостивии, яко тии помиловани будут.

Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят.

Блажени миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся.

Блажени изгнани правды ради, яко тех есть Царствие Небесное.

Блажени есте, егда поносят вам, и издедут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради.

Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех.

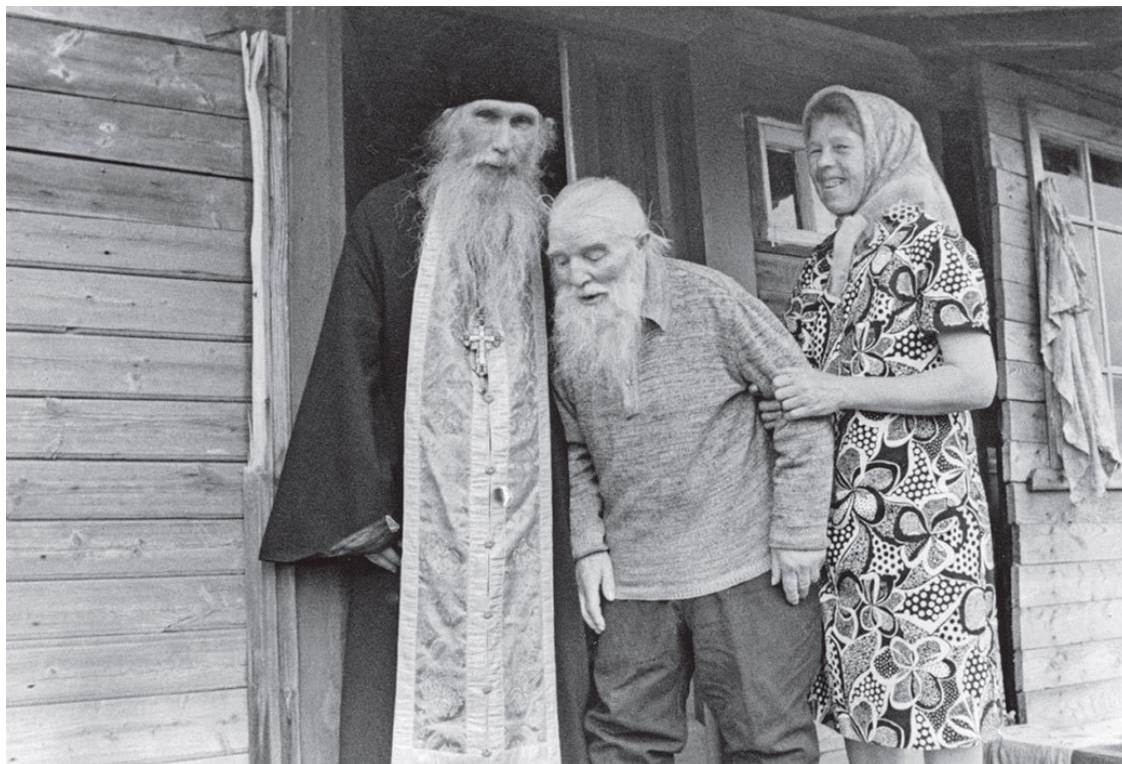

Инок Иоанн у своего домика. Начало 1980-х годов

Как говорили святые люди, чем деятельнее и совершеннее облекается человек в духовные свойства и добродетели по заповедям и примеру Христа, тем скорее отверзаются ему двери

благодатных таинств. Это-то, наверное, и видел в иноке старец. Это-то и крепило их тягу друг к другу.

Войдя в преклонные годы и немощь, отец Иоанн по благословению наместника удалился в свой домик. Вернее, в комнатеночку. Оставшуюся часть дома он в свое время простодушно и бескорыстно отдал сладкоречивым людям по их якобы великой нужде. Теперь наследники сильно притесняли старика. Он кротко сносил обиды и только говорил теснителям: «Не буду я с вами судиться. Все решит Небесный суд». Матушка Людмила ухаживала за иноком, а потом, ввиду невозможности проживания, увезла его в деревню. Там навещал его отец Кирилл. Ослепшего и немощного, сам выводил в палисадник. Это фиксирует фотография. На ней два таких непохожих и близких друг другу старца.

Архимандрит Кирилл в гостях у инока Иоанна и будущая схимонахиня Лидия (Золотова). 7 июля 1983 года

Брат Иоанн почил 6 октября 1984 года. С тех пор отец Кирилл каждый год приезжает на могилку и служит панихиду. Господи, упокой душу раба Твоего инока Иоанна и дай нам способность зреть, ценить и беречь настоящих людей, которые наводят мосты между двумя мирами, между тленным земным и вечным небесным и своим духовным примером торят дорогу в горний мир!

Май – август 1997 года

На рассвете души

Есть в русском языке выражение «бродить в потемках», очень точно определяющее состояние человека. Многие, знаю, очень многие ходят как слепые, натыкаются на препятствия, падают, снова ищут выход. Есть и такие, которые нашли себе во тьме теплый уголок и сладко там похрупывают припасенной снедью. Большинство, однако, противится липкой гнусности сегодняшнего дня, ищет выход, знает, что должна же наконец появиться светлая полоска на горизонте, и очень надеется на рассвет. При этом можно ждать его, а можно идти навстречу. Подъем же тем более ускорит рассвет. Увидеть его, почувствовать, наполнить светом душу может каждый. Для этого сейчас есть все возможности получить необходимые знания и сделать первый шаг.

На первой седмице

Поезд Петушки – Владимир понуро тащился по облезлым полям. Их пытались скрыть от тяжелого взгляда уставшего пассажира сиротливые рощицы. Хмурое небо завершало унылую картину ранней весны, которая пока еще робко пыталась потеснить свою яркую соперницу-зиму. Грусть этих видов, однако, не смущала глаз. На душе было какое-то особое предвосхищение радости. Путь мой лежал в Небылое, что под Юрьевом-Польским, в Свято-Успенский Космин-Яхромский монастырь, где наместником служит Богу мой старый знакомый, отец Афанасий. Хотелось поговорить вместе с братией на строгой первой седмице, исповедаться и причаститься. Благое дело, однако, не бывает без искушений. По прибытии во Владимир выяснилось, что автобус на Небылое не идет, как объяснили, из-за отсутствия топлива. Скорее всего, причина таилась в другом. Стариков-ветеранов бывает иногда две трети автобуса, и «акционерное общество» не желает возить «за так» обобранных до нитки пенсионеров, которым власти милостиво разрешили бесплатный проезд. Как бы то ни было, а надо успевать на вечернюю службу. Я и так пропустил первую литургию Преждеосвященных Даров.

Больше часа пришлось простоять на пронизывающем ветру на выезде из Владимира. Редкие попутные не брали пассажиров, или шоферы заламывали такие цены, что у просителей

приподнимались шапки на голове. Наконец, мне повезло. Лихой «камазник» притормозил и, не торгуясь, забрал меня в кабину. Сорок километров мы просто летели над дорогой, и только грохот труб в кузове напоминал, что иногда колеса касаются земли. Настигнутые нашим чудовищем машины в страхе прижимались к обочине. Деревни и села с милыми названиями, как Старый Двор, просто не успевали нас разглядеть и подивиться грому и молнии. Наконец поворот на Небылое. Аппарат «завис». Я спустился на земную твердь, и камаз, рванувшись, тут же растаял у горизонта.

От остановки до монастыря два километра. Суший пустык. Идти легко и радостно, хотя северный ветер неистово гнул вершины придорожных тополей. Здесь поля еще в снегу, но цвет их уже не зимний. Весенний наст на ярком солнце отливал едва заметной бирюзой. Вот и обитель. У монастырской избушки улья на снегу будто жмурятся от радости обновления, ошалелые пчелы уже пробуют силы перед страдой.

Послушник Володя доложил о посетителе наместнику, и через минуту лицо мое утонуло в пахнущей ладаном бороде отца Афанасия. Слава Богу, я у своих. До трапезы еще оставалось время, и мы неторопливо поведали друг другу свои полугодовые новости. Огромное здание только несколько месяцев назад полностью отошло к монастырю. Музыкальная школа и библиотека переехали в более подходящие для них места. В обители три церкви – Свято-Успенская, Никольская и Нерукотворного Спаса. Приведенная насельниками в более или менее приличное состояние, действует только последняя. Остальные разорены. Восстановление их требует огромных денег и времени. Те небольшие средства, которые игумен получает от друзей, благотворителей и попечителей, полностью уходят на отопление. На зиму нужно более ста тонн угля. При нынешних ценах «дико криминального капитализма» это сплошной разор. На приход надеяться нечего. Немногочисленные пенсионеры сами едва сводят концы с концами и помогают в основном только продуктами со своего хозяйства. Народ чудесный – добрый, отзывчивый и терпеливый, думающий о спасении души. Но это уходящее поколение. На смену поднимается новое. Намедни село праздновало масленицу. Администрация устроила «шоу» вполне в духе времени – грохот рока, визг, похабные частушки да ползание за водкой на столб. И это рядом со святым местом, где чудесным образом явилась икона Божией Матери и потом был основан монастырь!

Наконец тихие шаги по коридору и робкий стук в дверь. Приглашение на трапезу. Внизу уже все в сборе. Семь насельников смиренно ожидают наместника. Молитва. Благословение. Садимся за стол. Обед – скромнее трудно придумать. Тем не менее, кто бывал на трапезе в монастырях, тот обязательно подтвердит, что какая бы скромная пища ни была подана, она неизменно оказывается и вкусной, и сытной. Причина этого феномена неизменна – в благодати, которая здесь незримо присутствует. Вот почему в монастырях всем пришедшим из мира так легко думается и дышится.

Вечерняя служба начинается в четыре. До нее у каждого личное время, если нет отдельного послушания от игумена. В это время не стучат молотки, не поют пилы. В обители тишина. Мне отвели сухую и теплую келию с видом на прекрасное озеро-запруды маленькой речки Яхрома. За ним до горизонта лес. В этой тишине и красоте мысли не скачут, а спокойно ложатся друг за дружкой, как шпалы. Первая седмица Великого поста всегда посвящалась безмолвию, подвигам духовным, внутреннему созерцанию. Только надо найти свою точку отсчета. В изумительном Покаянном каноне преподобного Андрея Критского глаголется: «Откуда начну плакати окаянного моего жития деяний? Кое ли положу начало, Христе, нынешнему рыданию? Но яко благодутробен, даждь ми прегрешений оставление».

К четверем часам все уже в храме. Возжжены лампадки и свечи. Иеромонах Арсений с иеродиаконном Даниилом молча кадят престол. Иеродиаконны Митрофан и Феофил с послушником Володей наготове на клиросе. С ними отец Афанасий. Ему завтра служить литургию Преждеосвященных Даров, а сейчас могучий бас игумена будет украшать хор. С таким голосом

батюшку давно уже манят в «золотые соборы», но отца Афанасия не прельщает эта безбедная и гладкая жизнь. Он предпочитает нищую самостоятельность периферии.

Вечерние службы первой седмицы поста недлинные, но со многими земными поклонами. Стоящие со мной старушки наравне со всеми усердно их кладут. Отец Афанасий специально поставил в храме ряд стульев и благословил немощных отдыхать. Однако старушки держались молодцом.

После службы – более чем скромный ужин, если его можно так назвать. Потом мы с игуменом уходим на прогулку вокруг монастыря. Нас плотно обнимает звездное небо и тишина. Неторопливо льется беседа. Отец Афанасий, несмотря на свою относительную молодость, очень начитан и свободно поддерживает любую тему. Сегодня мы говорим о судьбах мира и его грехах, о сползании человечества в бездну, о святости и скверне. Церковь, заботясь о мире, вынуждена касаться его, причем в основном темных сторон. Отсюда и проникают микробы тьмы. Случается, и на иереев. Грехи, грехи. У кого их нет. Вот только стенания души о них у всех разные.

Четверг прошел в молитвенном труде, а в пятницу, которую я ждал с нетерпением, отец Афанасий служил литургию Преждеосвященных Даров. Эта служба особая. Она совершается после великопостных часов и состоит только из вечерни и литургии верных без важнейшей части – освящения Даров. Ее можно увидеть, услышать, ощутить только Великим постом. Этой литургии отводят в первые шесть седмиц самые скорбные дни – среду и пятницу, и история ее создания уходит в глубокую древность. Могучее торжество обычной литургии, когда совершается таинство Евхаристии, не может гармонировать с покаянным настроением прихожан. И в то же время христиан нельзя оставлять без причастия. Поэтому и родилась такая служба, когда верующие причащаются Преждеосвященными Дарами, то есть освященными прежде, на блистательной литургии свт. Василия Великого или свт. Иоанна Златоуста.

Совершаются великопостные часы – третий, шестой и девятый. В конце каждого часа с коленопреклонением читается замечательная молитва Ефрема Сирина: «Господи и Владыко живота моего! Дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему. Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь».

Вы можете себе представить, как в маленькой церкви редкой красоты могучий голос возносит к небу эту молитву, которая без исключения касается каждого из нас, и в первую очередь властей предержащих, ныне люто притесняющих обездоленных и сирых. Только в таких церквях, вдали от суетной мишуры и тленной позолоты мира, может родиться подобное ощущение собственной ничтожности перед бесконечным величием вечности и неизбежностью воздаяния за грехи.

В чем же смысл покаяния, где его убедительная суть для человека, только торящего свою дорогу к храму? Великий очистительный смысл заключается в получении человеком возможности стяжания Святого Духа, в обретении небесной защиты и постоянной помощи в благих делах. Но этот смысл не может вместить в себя тот, кто привык барахтаться в грязном болоте и никогда не видел прозрачной воды из чудного родника. Здесь нужна вера. А если ее нет или есть сомнения? Для таких людей лучше всего обратиться к истории. Она с абсолютной достоверностью показывает, как рушатся государства и исчезают с лица земли целые народы, когда духовный потенциал, падая, пересекает критическую черту. Можно привести десятки примеров, но давайте остановимся на самом близком – примере нашей Родины, нашего многострадального Отечества, причем не будем вспоминать татаро-монгольское нашествие, Великую смуту после кончины Иоанна Грозного, результаты реформ Петра Первого, а возьмем только нынешний век, который у нас перед глазами.

В годы царствования Николая II произошел мощный рывок России вперед. Темпы подъема не имели аналогов в мировой практике. Подъем коснулся всех сторон жизни России: политики и экономики, промышленности и сельского хозяйства, транспорта и культуры, образования и благосостояния народа. За период 1894–1913 годов русская промышленность увеличила свою производительность в четыре раза. В 1896 году был введен конвертируемый рубль. Он не знал девальвации даже в годы Русско-японской войны. Рубль стал одной из самых устойчивых валют в мире. К 20-й годовщине правления Николая II был создан золотой запас в 1604 млн рублей (в 1894 г. – 648 млн). Значительно повысился жизненный уровень людей. За 20 лет до Первой мировой войны население России за счет естественного прироста увеличилось на 60 млн человек, то есть почти на 50 %, и достигло 182 млн. Налоги, прямые и косвенные, были самыми низкими в мире, в несколько раз меньше, чем в любой европейской стране. Вклады населения в сберегательные кассы увеличились в шесть раз. Сельское хозяйство процветало. За два десятилетия до войны сбор урожая хлебов удвоился. В 1913 году в России урожай главных злаков был на треть выше таковых же в самых «хлебных» странах – США, Канаде и Аргентине вместе взятых. В царствование Николая II Россия была главной кормилицей Западной Европы. Ассигнования на народное образование за годы правления этого царя увеличилось более чем в шесть раз. Начальное образование было бесплатным по закону, а с 1908 года стало обязательным. Число учащихся в средних учебных заведениях увеличилось в 2,27 раза, число студентов в вузах – в 1,8 раза. Плата за обучение в вузах России была в 10–15 раз меньше, чем в США и Англии, а для неимущих вообще бесплатно. Все эти цифры говорят о впечатляющем взлете страны³.

А был ли подъем в духовной сфере? Ведь духовное возрастание, как условие стабильного развития общества, непременно должно опережать материальное, тем более в России, роль которой в истории окрашена особым предназначением. Положительного ответа на этот вопрос нет. Развитие в данном направлении, несомненно, шло. Ни одна христианская страна в мире не могла сравниться с высотой подвига старцев, с подвигом русского монашества, однако основная масса народа оказалась в критической зоне. Разрыв упомянутых сфер был и раньше, но он увеличивался медленно. Теперь же произошел практически скачок. Улучшение материальных условий жизни без нравственного при этом очищения самих людей стало для них западней. Наверное, Промысл Божий о России особый. Не стало «во человецех благоволения». Люди сами лишили себя Божественной защиты. Целый народ поддался чудовищному обману большевиков и скатился в кровавую бездну. Здесь самое время вспомнить «Новогоднее слово» в 1918 году святого патриарха Тихона, который пытался достучаться до сердец людей, донести слово Божие.

«Желая сделать нас богатыми и ни в чем не имеющими нужды, они (большевики. – *Прим. авт.*) на самом деле превращают нас в несчастных, жалких, нищих и нагих (см.: Откр. 3, 17). Вместо так еще недавно великой, могучей, страшной врагам и сильной России они сделали из нее одно жалкое имя, пустое место, разбив ее на части, пожирающие в междоусобной войне одна другую...

...И вся эта разруха и недостатки оттого, что без Бога строится ныне Русское государство. Разве слышали из уст наших правителей святое имя Господне в наших многочисленных советах, парламентах, предпарламентах? Нет, они полагаются только на свои силы, желают сделать имя себе, а не так, как наши благочестивые предки, которые не себе, а имени Господню воздавали славу. Оттого Вышний посмеется планам нашим и разрушит советы наши. Подлинно праведен Ты, Господи, ибо мы были непокорны слову Его (см.: Плач 1, 18).

³ Бразоль Б. Л. Царствование императора Николая II. 1894–1917 в цифрах и фактах. Нью-Йорк, 1968; Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 498.

Забыли мы Господа, бросились за новым счастьем, стали бегать за обманчивыми тенями, прильнули к земле, к деньгам, упились вином свободы – и так, чтобы всего этого достать как можно больше, взять именно себе, чтобы другим не оставалось. Заботимся о том, что преходит, – прилежати же о душе, вещи бессмертной, совсем забываем. Оттого и наши заботы о создании “храмин и житниц” постигает неудача. Церковь предупреждает, что успеха у нас не будет никакого до тех пор, пока не вспомним о Боге, без Которого ничего доброго не может быть сделано (см.: Ин 15, 5), пока не обратимся к Нему всем сердцем и всем помышлением своим (см.: Мф. 22, 37)».

И еще слова святого. Это очень важно.

Смиренный Тихон, Божией милостию Патриарх Московский и всея России, всем верным чадам Православной Российской Церкви

Возлюбленные и о Господе братие и чада!

Долг архипастырской любви, объемлющей болезни и скорби всего православного народа русского, повелевает Нам снова обратиться к вам Наше отеческое слово.

Вместе с вами Мы страждем сердцем при виде непрекращающихся бедствий в нашем Отечестве; вместе с вами молим Господа о том, чтобы Он укротил Свой гнев, донныне поядующий землю нашу.

Еще продолжается на Руси эта страшная и томительная ночь, и не видно в ней радостного рассвета. Изнемогает наша Родина в тяжких муках, и нет врача, исцеляющего ее.

Где же причина этой длительной болезни, повергающей одних в уныние, других в отчаяние?

Вопросите нашу православную совесть, и в ней найдете ответ на этот мучительный вопрос.

Грех, тяготеющий над нами, – скажет она вам, – вот сокровенный корень нашей болезни, вот источник всех наших бед и злоключений.

Грех растлил нашу землю, расслабил духовную и телесную мощь русских людей. Грех сделал то, что Господь, по слову пророка, отнял у нас посох и трость, и всякое подкрепление хлебом, и храброго вождя и воина, судью и пророка, и прозорливца, и старца (см.: Ис. 3, 1–2).

Грех помрачил наш народный разум, и вот мы ошупью ходим во тьме, без света, и шатаемся, как пьяные (см.: Иов 12, 25).

Грех разжег повсюду пламень страстей, вражду и злобу, и брат восстал на брата, тюрьмы наполнились узниками, земля упивается невинною кровью, проливаемой братскою рукою, оскверняется насилием, грабежами, блудом и всякою нечистотою.

Из того же ядовитого источника греха вышел великий соблазн чувственных земных благ, которыми и прельстился наш народ, забыв об едином на потребу.

Патриарх Тихон. Начало 1920-х годов

Мы не отвергли этого искушения, как отверг его Христос Спаситель в пустыне. Мы захотели создать рай на земле, но без Бога и Его святых заветов. Бог же поругаем не бывает. И вот мы алчем, жаждем и наготуем в земле, благословенной обильными дарами природы, и печать проклятия легла на самый народный труд и на все начинания рук наших.

Грех, тяжкий, нераскаянный грех вызвал сатану из бездны, изрыгающего ныне хулу на Господа и Христа Его и воздвигающего открытое гонение на Церковь.

О, кто даст очам нашим источники слез, чтобы оплакать все бедствия, порожденные нашими всенародными грехами и беззакониями – помрачение славы и красоты нашего Отечества, обнищание земли, оскудение духа, разорение градов и весей, поругание храмов и святынь и все это потрясающее самоистребление великого народа, которое сделало его ужасом и позором для всего мира.

Где же ты, некогда могучий и державный русский православный народ? Неужели ты совсем изжил свою силу? Как исполин, ты, великодушный и радостный, совершал свой великий указанный тебе свыше путь, благовествуя всем мир, любовь и правду.

И вот, ныне ты лежишь, поверженный в прах, попираемый твоими врагами, стгорая в пламени греха, страстей и братоубийственной злобы.

Неужели ты не возродишься духовно и не восстанешь снова в силе и славе своей?

Неужели Господь навсегда закрыл для тебя источники жизни, погасил твои творческие силы, чтобы посечь тебя, как бесплодную смоковницу?

О, да не будет сего. Одна мысль об этом повергает Нас в трепет.

Плачьте же, дорогие братие и чада, оставшиеся верными Церкви и Родине, плачьте о велиих грехах нашего Отечества, пока оно не погибло до конца. Плачьте о себе самих и о тех, кто по ожесточению сердца не имеет благодати слез. Богатые и бедные, ученые и простецы, старцы и юноши, девы и младенцы, соединитесь все вместе, облекитесь, подобно ниневитянам, во вретисце и умоляйте милосердие Божие о помиловании и спасении России.

Наступающие дни святого Успенского поста особенно благоприятны для этого. Посему Мы и назначаем их, особенно дни 12, 13 и 14 августа, для нарочитого всенародного молитвенно-покаянного подвига.

Когда услышите печальный звон церковных колоколов, знайте, что настало время покаяния. Отложите тогда житейские заботы и попечения, спешите в Божии храмы, чтобы восплакать пред Господом о грехах своих, чтобы восскорбеть печалию вашею пред лицом нашей Заступницы Усердной и всем сонмом великих угодников Божиих.

Пусть каждый из вас попытается очистить свою совесть пред духовным отцом и укрепиться приобщением Животворящего Тела и Крови Христовых. Да омоется вся Русская земля, как живительной росой, слезами покаяния и да процветает снова плодами духа.

Господи Человеколюбче! Приими очистительную жертву кающихся перед Тобою людей, отыми от нас дух малодушия и уныния и духом владычним, духом силы и крепости утверди нас.

Воссияй в сердцах наших свет Твоего разума, и посети виноград Свой, и соверши и, егоже насади десница Твоя. Аминь.

† *Тихон, Патриарх Московский и всея России*

26 июля 1918 года, Москва»

Не достучался святой патриарх до большинства сердец. Не хватило у русского народа силы покаяния, не снял он с себя смертный грех.

Ты прав, читатель, что подумал об этом, когда пред твоими очами скользили пропитанные болью строки. Действительно, как будто все о нашем дне: те же беды, те же скорби, несча-

ства. Пройдя почти целый век, мы вернулись на круги своя. Тот же самый развал страны, нищета, убожество, только все стало острее, наша пропасть души стала глубже, и просвета впереди не видно. Патриарх со своим словом оказался прав. Мы не смогли построить «светлое будущее», которое оказалось диавольским призраком. Все эти десятилетия мы только и делали, что искупали невольно свои грехи страданиями, лишениями, жизнями миллионов людей. Только поэтому народ наш милостию Божией пока еще окончательно не ушел в небытие. Главного же не смогли совершить – принести всенародное сердечное покаяние за грехи отцов, дедов и свои собственные и тем самым получить прощение. Зло снова глумится над народом. Нас снова зовут, растлевая молодежь и опуская все ниже нравственный уровень народа, теперь уже в другое «светлое» будущее. Россия опять несет свой крест к новому месту распятия, все ниже и ниже пригибаясь к земле. Наверное, стоит об этом задуматься. Может быть, пришло время ввести в церковном календаре специальный день покаяния для России, скажем, в последнюю поминальную субботу Великого поста, чтобы мы могли после покаяния призвать на помощь тех, кто, как сказал наместник Сретенского монастыря в Москве отец Тихон, «более всего может своим духовным примером и подвигом жизни во Христе подать помощь нашей земной воинствующей Церкви от Церкви небесной, торжествующей». Вспомним предупреждение-призыв святого патриарха Тихона в такие еще недавние смутные времена: «...когда услышите печальный звон церковных колоколов, знайте, что настало время покаяния».

Это не то покаяние, к которому зовут нас владельцы СМИ. Опять они сбивают народ с верного пути. Не за лихоимных вождей нужно приносить покаяние, не за политические системы и тем более не за исторический путь России, рождающий комплекс национальной неполноценности. Нам нужно осознать свои собственные грехи, грехи своих предков. Искреннее покаяние, принятое Господом, и откроет нам путь спасения России, а значит и всех нас.

«Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков...» Началась вечерня. Торжественный возглас в прославление Творца и Создателя мира. От него звенят все внутренние струны! Служба Православной Церкви по сути проста и очень гармонична. Если стоящий в храме безотрывно следует ей, она раскачает, разбередит внимающую душу – радостный свет заполнит весь внутренний храм человека, все его закоулки. Заканчивается вечерня. Потом главная часть Преждеосвященной литургии. После ектений – великий вход, только в этой службе он торжественно-молчаливый. И заамвонная молитва по окончании литургии Преждеосвященных Даров другая. Священник от имени верующих благодарит Бога за многое, в том числе и за помощь в совершении подвига поста, в победе над грехом. Именно в этом и заключается великий смысл этой строгой литургии – чтобы каждый мог потом с полным правом поклониться Воскресению Христову.

В последние годы отчетливо стало видно расслоение людей, и с каждым днем оно растет. Материально богатые становятся богаче, бедные еще беднее. Богатые духовно приобретают небесные дары, бедные – нищают с каждым днем. Идет явная поляризация. В ней есть высший смысл – человеку легче определить для себя ориентиры в жизни и сделать окончательный выбор, понять, что он в ответе за себя перед Богом. Радостно видеть, что люди начинают это осознавать, понемногу ширятся ручейки прихожан в Божии храмы. Вот и в субботу первой седмицы еще до литургии в монастырь на трех машинах приехали паломники. Привезли подарки, дары небольшие, но от всего сердца и очень нужные монастырю. Приехали принести покаяние и причаститься. Они успели как раз к службе.

«Благослови, владыко!» – протяжно вещает диакон с амвона. Иеромонах Арсений из алтаря возглашает: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков». Началась литургия. Отец Афанасий тем временем исповедует. Интересно видеть, как человек внутренне собирается, подходит к аналою, с трепетом ведаёт о грехах, а потом, когда священник снимает с него тяжесть, прямо на глазах расправляется, как цветок, получив-

ший живительную силу. В это время особым образом воспринимается прошение: «*Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию*». Великая ектения подходит к концу. Потом красивейшие псалмы «Благослови, душе моя, Господа...» и «Хвали, душе моя, Господа...» Трепетный баритон точно ведет мелодию. Стройный хор обнимает его.

Заканчивается литургия оглашенных. «Елицы оглашении, изыдите...» Оглашенных приглашают выйти из храма. Конечно, в настоящее время никто никого не выгоняет, но для «верных», оставшихся в храме, это знак к размышлению. Насколько же мы являемся верными Богу, тяжелы ли наши грехи?

«Елицы вернии, паки и паки миром Господу помолимся». Начинается литургия верных, главной частью которой является причащение. Торжественно переносятся с жертвенника на престол приготовленные к освящению хлеб и вино – осуществляется великий вход в царские врата, знаменующий шествие Иисуса Христа на вольные страдания и крестную смерть. Следует приготовление верующих к достойному присутствию при освящении приготовленных Даров, которое завершается пением Символа веры, так просто и точно объемлющего все догматы Православия. С этой торжественной минуты предосудительно выходить из храма, стоять должно с особенным благоговением, ибо наступает момент приносить «святое возношение», или жертву, совершать святое Таинство Евхаристии и просить Господа принять ее. «И сподоби нас, Владыко, со дерзновением неосужденно смети призывати Тебе Небесного Бога Отца и глаголати...»

Весь храм как единая душа поет *Отче наш*... Отец Арсений молит Господа освятить верующих и сподобить их неосужденно причаститься Святых Таин.

Открываются царские врата. «*Со страхом Божиим и верою приступите*». Каждый склоняется в земном поклоне и затем повторяет про себя за священником: «Верую, Господи, и исповедую...» Причащающиеся благоговейно подходят к чаше. Тихо льется с клироса: «Тело Христово приимите, Источника бессмертного вкусите...» Здесь происходит таинственное общение с Ним. Вокруг растекается благодать. На просветленных лицах причастившихся тихая радость, внутренняя легкость взгляда и кротость умиротворения.

Служба закончилась. Отец Афанасий приглашает паломников на трапезу. Некоторые стесняются и просят благословения на отъезд, но большинство старается не упустить редкую возможность отобедать в монастыре, что несет в себе отдельную благодать.

Расставание просто и трогательно. Воины Христовы отправляют нас в мир, как раненых после госпиталя на фронт. Теперь у подлеченных и вид бодрее, и нового оружия в достатке, и умелость при них. Только фронт этот особый. Он проходит через душу каждого из нас. Провожающие тоже не в тылу остаются, а на самой что ни на есть передовой, где придется не на шутку прилагать свои силы, а если понадобится, то и голову сложить. Любой враг земли Русской в первую очередь пытался уничтожить монастыри с их великим подвигом духовной брани. Настоящие монахи не похожи на героев, но, как говорили в старину, «молитвами иноков стоит мир». Они ослабляют, а часто и уничтожают корни зла, именно они первыми закрывают нас от происков тьмы, грудью ложатся на амбразуры противника, они всегда на фронте. Фронт у нас един, и мы едины. В этом наша сила.

У паломников для меня нашлось место в машине. Они довезут до Петушков, где я смогу в тиши деревенского дома у играющей огнем печки еще раз прокрутить в голове события этих трех дней, еще раз прочувствовать удивительное ощущение причастности к огромной, только чуть приоткрытой для нас великой тайне и воздать Творцу благодарение за всё.

«Услыши ны, Боже, услыши ны, Владыко, услыши ны, Святый! Исцели ны, Боже, исцели ны, Владыко, исцели ны, Святый!»

Март 1997 года

Праздник по вере

Вот и кончились святки. О настоящей радости этих дней говорит нам прошлое. Помните «Лето Господне» большого русского писателя И. С. Шмелева? Какое же чудное, редкое по чистоте своей первозданной силы впечатление получил ребенок, если пронес он его через всю свою жизнь, не растеряв удивительных мелочей, и на склоне ее смог убедительно объемно воспроизвести трепетную красоту праздника! Отчего же так люди душевно отдыхали? Наверное, оттого, что перед этим долго работали душой.

Нынешняя картина иная. Если сравнивать ее с тем, уж не таким далеким временем, налицо, как говорят математики, перерыв постепенности. Разорвана преемственности нить, и совсем не убедительны теперь очажки ярмарок, ряженные, редкая гармонь и нарочито ядреные частушки. Совсем как в архитектуре псевдорусский стиль. В первую очередь праздник создается в душе человека, и если сумма радостных настроев превысит некую критическую норму, только тогда и возникнет ощущение пролитой на всех благодати.

Теперь многолюдье в церкви для верующих не совсем праздник. Скорее испытание веры, поскольку в этот день в храме нашествие людей, бывающих здесь раз или два в год. Они ищут исцеления, только не души, а тела, и поскорей. Легко убедиться в этом можно в праздник Богоявления.

Как говорят нам святые отцы, все начинается с духа, с духовности. И пока человек не очистит душу, не будет исцеления тела. В мире все накрепко связано, и любые изменения тонких структур вызывают изменения и нашего бренного тела, часто с большим сдвигом во времени. Еще совсем недавно марксисты любили повторять – «в здоровом теле здоровый дух». Нет, совсем наоборот. Писание нам говорит: *дух бодр, плоть же немощна* (Мф. 26, 41). Мы с удивлением открываем для себя эту истину, которая известна людям уже тысячи лет. У нас за многие годы атеизма сложилось впечатление, что здоровье – это бицепсы, желваки и стеклянный взгляд. Вспоминаю, как-то в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов, когда, точно не помню, однажды перед началом сеанса в кинотеатре показывали «Новости дня». Был такой киножурнал. И вот на фоне каких-то особо теплых встреч строителей новой жизни из братских партий показали на несколько секунд панно в одном из дворцов Улан-Батора. Идет по Москве Сухэ-Батор. За ним огромная свита из членов правительства Советской России.

Взгляд восточного полубога устремлен вдаль, могучее тело упруго пружинит, под золотым шитьем бугрится бычья шея. Откуда-то из-под мышки выглядывает застенчивый Ленин и что-то спрашивает у вожака монгольских кочевников. Очевидно, куда идти интернационалу. Но Сухэ-Батор не отвлекается на мелкие вопросы. Он чеканит шаг и сам прокладывает путь миллионам.

Я думаю, этот пример весьма характерен. Фигуры вождей надуваются, как баллон, по общепринятой на тот момент форме, которая обязательно соответствует сути господствующей идеи. Теперь старую идею усердно навязывают российские средства массовой информации со своими «общечеловеческими ценностями» Запада. Эта идея по-настоящему гибельна для народа, поскольку несет внутри себя нравственное разложение – культ тела.

Образ самодовлеющего тела после тленных удовольствий заставляет людей искать средства от болезней – какую-то травку, таблетку, шепоток старушек, а то и модного экстрасенса. А уж если наступил праздник Богоявления, то никак его нельзя упустить. Число прихожан умножается многократно. Исправно ходящие в храм тонут в море жаждущих чуда исцеления.

Известно, что суточный церковный круг начинается с вечерней службы. Именно в это время приходят в храм чада Церкви. Именно на всенощном бдении происходит духовная подготовка христианина, позволяющая благоговейно приступить на следующий день к Божественной литургии, принять ее благодать. Возникает особый настрой, который трудно выразить словами. И вот этот настрой трудно удержать, он как-то незаметно уходит, когда стоишь в толпе людей, пришедших за «пользительной водичкой».

В храме многолюдно, но можно стоять не мешая друг другу. Уверенный баритон настоятеля плывет над верующими в тишине – и тут же шаркающие шаги и звяканье бидона. Это женщина, продираясь сквозь прихожан, ищет место, куда поставить посуду с водой для освящения. Она не видит благоговейно замирающие фигуры прихожан на чтении Евангелия, на «Иже Херувимы...», на Символе веры. У нее цель – получить святую воду и потом исцелиться.

Мы знаем, что Господь желает всем спасения. Вспомним, избранный народ под водительством Моисея до самой границы обетованной земли ежедневно получал манну небесную и сим спасался от голода в пустыне. А ведь там были люди и неверующие, пытавшиеся запастись манной впрок. И тем не менее вновь люди получали свежую манну и вновь видели чудо.

В Евангелии приводится много случаев исцеления совершенно неизлечимых больных. Все эти примеры объединяет одно – горячая и искренняя вера страждущих в Бога, в Его всемогущество.

Явление чуда всегда имеет какую-то цель – приведение к вере или ее укрепление. Те, кто приходят в храм только за святой водой, тоже имеют веру, только, наверное, усеченную, недостаточную.

В Писании повторяется мысль: *по вере вашей да будет вам* (Мф. 9, 29) и *вера без дел мертва* (Иак. 2, 20, 26), то есть: не будет дел – не будет веры, не будет веры – не будет исцеления. Эту простую истину нетрудно понять, но она большинством не усваивается. А ведь путь-то всегда открыт. В любую минуту можно сделать над собой усилие и переступить порог. Помните, что вас всегда готовы принять, выслушать и помочь. *Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28).

Есть заповеди «не убий», «не укради». Многие гордятся, что соблюдают их. Однако мало соблюдать заповеди Ветхого Завета. Надо исполнять волю Отца Небесного. Ветхий Завет дает возможность подняться до уровня человека, дистанцироваться от животного. Новый Завет раскрывает глаза на то, как стать богочеловеком. Вот вам и перечень дел, без которых вера мертва. Кто еще не на пути, начните, и у вас спадет слепота, вам откроется свет, вы сможете видеть, ощущать маленькие чудеса вокруг вас каждый день и связывать их со своими делами. Те же, кто приходят в церковь только за водой, сами закрывают себя броней от идущей на них благодати. Дай Бог, чтобы все они смогли оценить чудо исцеления слепых (см.: Мф. 9, 27–29),

ощутить настоящий праздник души, который раскрывается в полноте своей только по искренней вере.

20 января 1998 – июнь 2006 года

Сосуд благодати

У недавно воцерковленного человека может возникнуть вопрос: а как же оценить внешнее проявление благодати – касается ли она чудным своим крылом православного, наполняет ли она его душу? Оказывается есть такие признаки, если внимательно присмотреться к себе и окружающим в храме.

Святые отцы сравнивали действие благодати с огневидным облаком, защищающим человека от действия темных сил. Мы знаем, безгрешных людей нет, но все отличаются друг от друга мерой греха и, самое главное, желанием от него избавиться, мерою покаяния. Показное благочестие здесь не в счет, Господь все видит и все знает. И разбойника Он может простить за желание очистить свое сердце и встать на стезю Божиих заповедей. Но в обычной жизни доподлинно известно, что, чем больше на душе грехов, тем меньше благодати, а часто она и вовсе отступает, и душа остается беззащитной. С давних времен люди замечали, что грехи родных отражаются на детях, падают на их чистые и неокрепшие души, заслоняют от благодати Божией. Недаром же Господь Сам сказал: *Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное* (Мф. 19, 14). А если существуют препятствия? Этим безжалостно пользуются темные силы. Неадекватность поведения детей особенно заметна в храме.

Чтобы подчеркнуть особую степень страха, в народе говорят: «Бойтся как черт ладана». Это подмечено не зря. Мне пришлось быть свидетелем такой боязни. Однажды стоял я летом на всенощной под воскресенье в нашей Успенской церкви. Место мое было у входа, весь храм на виду. Народу совсем немного, все наши прихожане. Вдруг заходят две пары и встают недалеко от входа впереди меня. У мужчин малые дети на руках. Женщины с непокрытой головой держат себя свободно. Ясно, люди невоцерковленные, по виду благополучные дачники, зашли из любопытства. Стоят они, озираются, рассматривают роспись. Один из детей, мальчик лет двух, сидел на руках у отца спиной к алтарю и также любопытствовал, только в другую сторону. Вышел на солею священник с кадилом. Мальчик его не видел, но вздрогнул и весь подобрался.

Пройдя по солее, ступил иерей на амвон и, как положено, стал кадить прихожан. Когда он сделал взмах в нашу сторону, мальчик вдруг резко изогнулся, как будто ему в спину вонзилась стрела, и громко закричал, переходя на визг. Обе пары поспешно ретировались.

Малыш принял на себя удар темных сил, изгоняемых при каждом. Удар был направлен в самое безгрешное и тем не менее самое уязвимое место семьи. Попущением Божиим был дан сигнал о ее духовном неблагополучии.

Есть у нас многодетные семьи, которые всем составом посещают храм. Родители, глубоко верующие люди, вроде бы не прилагают особых усилий в управлении детьми. Достаточно взгляда, жеста руки. Дети разных возрастов чинно стоят, никаких лишних движений. Другие же родители, скажем певчие на клиросе, сделают замечание своему ребенку, если, конечно, сделают, а он тут же пошел бегать по солее, гримасничать, ползать по ограждению, кататься на воротцах. Потом дитя может подбежать к аналою и попытаться его поджечь выдернутой свечой. Конечно, весь причт, как и священство, находится под пристальным вниманием врага человеческого, и он использует малейшую возможность для своих активных действий. Это надо всегда помнить и заранее делать поправки, строже относиться к себе. Если мамаша этого ребенка на общей воскресной трапезе еще до молитвы наливает себе рюмочку, да потом, причмокивая, похрустит огурчиком, значит, она не обременяет себя ограничениями и может позволить себе многое.

Есть благочестивые мамыши из прихожан, которые не могут управиться с детьми в храме. Они вроде и стараются, а ничего не получается. Ребенка как будто подменили. Вне храма он один, а в храме иной. Значит, следует искать причину. Семья – это общий сосуд, который надо стараться сообща наполнять благодатью. А если он треснут или в нем огромные дыры, сосуд наполнить невозможно, как невозможно и защитить ребенка от врага. Он не сможет внимать замечаниям и добрым советам.

Мне могут возразить, мол, ребенок есть ребенок и нельзя ограничивать его свободу. Вот, мол, посмотрите как ведут себя православные арабы при схождении Благодатного огня в Великую Субботу. Они, как дети, пляшут, скачут, ездят друг на друге. Отвечу. У нас разные уклады, разное восприятие жизни, и сравнивать поведение людей, в том числе и детей, можно только в рамках одного уклада. Если кто-то в Успенском соборе Кремля сядет на своего друга и станет погонять его хворостинкой, думаю, тут же вызовут «Скорую помощь». И мамашу, принявшую рюмочку до общей молитвы, я не осуждаю. Я говорю о препятствиях, воздвигаемых на пути детей к Богу, об ответственности родителей и родных, которые держат в своих руках драгоценный и хрупкий сосуд благодати. Ведь храм, это не детская площадка и солея не сцена, где можно гримасничать. Почему одни дети стоят возле родителей и внимают службе, а другие это делать не могут? Видимо, делается разный вклад в их души не только словами, но и делами и помыслами.

Как можно объяснить, почему трехлетний ребенок в детском саду постоянно крадет вещи у своих соседей, школьница из весьма благополучной семьи прячет под кофту приглянувшиеся ей предметы в супермаркете, хотя рядом находится мать, или шестилетняя девочка, самым тщательным образом оберегаемая от дурного влияния, в людном месте вдруг начинает изощренно ругаться матом? Объяснение одно. Дети находятся под воздействием темных сил, и у них нет действенной защиты.

С врагом во все времена идет настоящая война. И чтобы добыть победу или, по крайней мере, не стать побежденным, надо каждому вносить свой посильный вклад в эту борьбу. Поведение ребенка в храме – это индикатор состояния духовного покоя семьи или беспокойства, барометр, указывающий на звенящее чистое небо или на хмурые тучи над головой.

Нынешнего года соборование на Крестопоклонной в храме святителя Афанасия еще раз подтвердило мои наблюдения. Соборование само по себе – это вычищение забытых, неведомых грехов из уторов души, полное ее очищение. Если на соборование храм полон, для врага это

невыносимое мучение, и он посылает туда человека невоцерковленного, случайного, с ребенком. Это чадо в течение всего Таинства и мешало верующим, сновало по рядам, выговаривало, покрикивало. Опытные прихожане принимали сие спокойно: «Доброе дело не бывает без искушения». Но искус искусу рознь. Не все могут объяснить его и терпеть, ибо *претерпевший же до конца спасется* (Мф. 10, 22). А как бедная мать ребенка, поймет ли она, как и те две пары на всенощной, что им подан знак, увидят ли они его? Ведь Всеведущий Бог одному Ему известными путями направляет всех нас ко спасению, ожидая только одного – желания, подобно чистым и открытым душам детей, принимать от Него неоскудевающий поток благодати.

«Возсияй в сердцах наших, Человеколюбче Господи, Твоего Боговедения нетленный свет, и мысленная наша отверзи очи, во евангельских Твоих проповеданий разумение, вложи в нас и блаженных Твоих заповедей страх, да плотския похоти вся поправше, духовное жителство пройдем, вся, яже ко благоугождению Твоему и мудрствующе и деюще. Ты бо еси просвещение душ и телес наших, Христе Боже, и Тебе славу возсылаем со Безначальным Твоим Отцом и Всесвятым и Благим и Животворящим Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков, аминь» (Псалтирь, молитва по 11-й кафизме).

Май 2006 года

Воздаяние

Летит время... Избитая фраза. Часто повторяет ее каждый из нас. Большинство не задерживается на глубинном смысле ее в силу многих причин – молодости, склада ума, обстоятельств. Только подходя к последнему порогу на своем пути, человек начинает осознавать цену времени, своих деяний и неизбежность воздаяния за них. С юных лет мы знали известную фразу, что жизнь прожить надо так, «чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы». Эта идея принадлежит не большевикам, а идет из глубины древности и затрагивает самую суть и смысл существования человека на земле. Задайте себе вопрос: «Зачем мы все живем?» Неужели только сытно поесть, крепко попить да сладко поспать, а потом со страхом уйти в небытие? Любое здравое рассуждение приведет к выводу, что здесь что-то не так. Должно быть в человеке нечто более высокое, нежели только тело, возвышенная сущность – душа, дух. Ну возьмите хотя бы совесть. Бессовестными люди не рождаются, ими становятся. Даже отпетые негодяи не могут отрицать наличия особого гласа, идущего изнутри человека. А

глас этот взывает к правде, истине, справедливости, к тем высшим ценностям, которые отрывают человека от животного мира и возносят к небу.

Дорога жизни. Путь длиною в жизнь. Почему так говорят? Ведь не всегда человек идет ровной дорогой, вдыхает полной грудью аромат полей и лесов. Чаще же этот путь и дорогой назвать нельзя – сплошной бурелом житейской чащи, а то и болотное хлюпанье. Однако все, ну почти все, начинают с ровного места на прямой дороге, а тем не менее большинство оказывается на обочине. Если человек к концу жизни вольно, то есть после определенных усилий, или вроде бы случайно оказывается опять путником, он обязательно оценит разницу и задумается. Жаль, что в наш сложный век надобится иногда целая жизнь, чтобы понять неотвратимость воздаяния за временное или окончательное покидание светлого коридора Божиих заповедей. Сколько же впустую, а чаще во вред себе тратится сил, времени, здоровья, чтобы понять эту простую истину!

Беда надвигалась постепенно. Сначала на фоне недолеченного гриппа развилась мощная простуда, потом настигло воспаление легких с плевритом, которое в сельских больницах купировать не удалось. Смерть уже стояла рядом. Я отдал последние распоряжения, где и как похоронить, попрощался с близкими и приготовился к неизбежному концу. Однако стараниями жены и друзей меня смогли перевезти в Москву. Там лечение пошло эффективно, и через полтора месяца я был на ногах. Правда, еще стоял вопрос об операции, поскольку не поддающийся лечению «уголок» давал о себе знать. Теперь нельзя было париться в бане, вообще перегреваться, простужаться, все время нужно было быть начеку, контролировать себя и беречься. И как только ослабевало бдение, тут же поступал предупредительный звонок.

Ежедневная суeta, как топкое болото, засасывает человека, не дает ему оглянуться назад, оценить пройденный путь, не дает и посмотреть вперед, различить ориентиры в тумане. Больничная койка – хорошее место для размышлений, особенно если ты постоял на краю пропасти и успел заглянуть в нее. Можно невозбранно плыть по прожитому, собирая, сортируя свои деяния, раскладывая их по полочкам, составляя прейскурант. Потом, если выбрать наиболее заметные события, плохие и хорошие, получится панно, вполне равновесная картина, и в ней ничто не отягощает взгляд. Не знаю, как у других, но я получал за свои дела быстро, почти без задержки, и это позволяло связывать свои деяния и последующие события тонкой, но прочной ниточкой. И только на больничной койке набор этих цветных ниточек позволил соткать красочное полотно жизни.

Древние говорили: «Когда созреет ученик, придет учитель». Не обязательно это случится буквально. Человек может наткнуться на нужную книгу, встретить интересного человека, услышать обрывок фразы, которая ляжет недостающим звеном в цепи размышлений. Несомненно одно – это станет ступенькой на выбранном или предложенном пути.

Видно, я никак не мог «закусить», чтобы гайка уверенно пошла по резьбе, и Господь послал мне человека. Решил я после значительного ремонта деревенского дома освятить его. Обратился по этому случаю к настоятелю петушинского храма отцу Андрею, и тот, выяснив местоположение, отправил меня к иеромонаху Афанасию, который проживал недалеко от меня.

После чина освящения, слово за слово, разговорились, и батюшка остался. Он никуда не торопился, треб в тот день не было. Мы проговорили несколько часов. Была какая-то взаимная тяга к общению, и тридцатилетняя разница в возрасте не стала помехой. Отец Афанасий оказался весьма начитанным и, несмотря на отсутствие специального образования, хорошо ориентировался в богословии. Мы поднимали различные темы, подходили к ним с неожиданных ракурсов. Потом наши встречи продолжились. Если погода позволяла, много бродили в тихие вечерние часы по пустынным улицам, проселкам, полям. Не все вопросы можно было разрешить в таких беседах, но они постепенно таяли в прочитанных книгах, которыми в избытке снабжал меня отец Афанасий. Читал я с огромным интересом, читал и впитывал. Все откры-

вочные знания, когда-то полученные по жизни, постепенно стали связываться воедино, начали проступать контуры того великого, ради чего и живет человек, весь смысл его земной жизни.

Известно, что Бог дал человеку разум, свободную волю и бессмертную душу, и ему уже с момента рождения ставятся посильные задачи, которые со временем усложняются. При решении каждой задачи вокруг человека находятся люди, адекватные данной ситуации, поскольку каждый из них по-своему может влиять на решение. От того, как человек оценит и обработает поступающую к нему информацию, и зависит движение человека – вверх, вниз или топтание на месте. Посмотрите вокруг себя, кто они – ваши близкие, что для них дороже – благоухание души или смрад телевизионных передач, звезды на небе или «звезды» ядовито-голубого экрана, сделайте необходимые поправки, учтите девиацию компаса.

На Руси испокон века по субботам парились в бане, омывали тело, счищали недельную грязь. В воскресенье на литургии отмывали душу, совершали великий труд покаяния, счищали с себя грехи. Покаяние есть основа всего движения вперед и вверх, без него оно невозможно. Невоцерковленный человек как бы постоянно падает, и у него совсем немного времени, чтобы спастись. Сначала он должен осознать свое падение, а потом грамотно остановить его, не погибнуть. Здесь полная аналогия с парашютистом, когда он идет на задержку раскрытия в свободном падении, и не важно, 10, 20 или 30 секунд. Поскольку времени немного, нужно четко знать, как вести себя в этой опасной ситуации. Парашютист должен твердо усвоить три кратких правила, которые основаны на печальном опыте других. Первый раз я услышал их от Инны Захаровой – летчицы и парашютистки. Мы с ней примерно в одно время, в 1965 году, получили звания мастеров спорта: она по парашютному, я – по самолетному, и относились друг к другу с большой симпатией. Я использовал любую возможность «сходить» на задержку раскрытия, проверить себя в экстремальной ситуации, оценить свои чувства и мыслительные способности. Мне повезло тем, что я мог получить консультацию у опытного человека. Инна сама была ученицей известного парашютиста Ивана Ивановича Савкина, который первым в мире выполнил 5 тысяч прыжков, а тогда он готовил команду парашютистов ВВС. К тому времени я имел некоторый опыт «парашютиста», и мне уже доверяли ручное раскрытие парашюта. Слово «парашютист» я взял в кавычки потому, что парашютистом можно назвать только такого спортсмена, который в свободном падении владеет своим телом, мыслями и чувствами. При оставлении самолета над человеком довлеют инстинкты и рефлексy. Например, рефлекс упереться рукой в струю воздуха за бортом. А это чревато большой опасностью. Если правая рука лежит на запасном парашюте, а левая вытянута, сразу после прыжка (с левого борта самолета) человека начинает крутить, а при ручном раскрытии и кувыркать. Это может привести к большим неприятностям и даже трагедии при самом раскрытии парашюта. Но даже если парашютист отделился правильно, но не прогнулся в падении, его все равно может закрутить, поскольку положение фигуры неустойчиво – центр тяжести выше центра давления. Одновременно важна и симметрия положения рук и ног. В общем, тут целая наука, а Инна сказала только несколько слов: «Как высунешься, режь поток плечом. После отделения делай крест (то есть рука – продолжение ноги). В падении думай, что у тебя мал прогиб». Смотрите, как все просто, четко, лаконично. Это позволило мне сэкономить уйму времени в постижении данной науки, и при отделении от самолета я сразу уверенно вставал на поток. Так и в постижении науки о покаянии нужно всегда помнить о кресте и что у тебя «в падении мал прогиб», что ты несовершенен и тебе еще надо много работать над собой. Это позволит не совершить ошибки, не закрутиться и не погибнуть, когда есть прекрасная возможность спастись через крест.

Все мы плывем по бурному морю жизни вроде бы и вместе, а по сути, в одиночку. Каждому дано в жизни решать свои задачи, каждому самому принимать решения и держать за них ответ. Последние годы я продирался через буреломы своей души. За плечами был обрыв пропасти, когда в тяжелой болезни я совершенно явственно за спиной почувствовал ледяное дыхание смерти, потом медленное выздоровление и наконец ощущение выхода в какой-то новый

для себя мир иных душевных измерений, новых выводов и установок. Все болезни человека происходят от неотданных духовных долгов, нерешенных задач на этом уровне, невычищенных уголков души, куда он, часто того не ведая, не пускает недремлющее око совести. Однако нет худа без добра – со скорбями всегда обретается и новая высота, ощущение радости продвижения вперед, хотя для этого каждый раз надо проходить маленький, но строгий экзамен.

Поехать в Дивеево, где почивают святые мощи великого старца Серафима Саровского, долго было неосуществимой мечтой. Наверное, для посещения этого святого места с пользой для души человеку отводится нужное время, когда он для этого созрел. В августе 1997 года собрались туда ехать мои знакомые монахини и пригласили меня.

Трудно передать красоту этих мест былинной Руси. Речь идет не только о внешних признаках, в значительной степени ныне утраченных. Красота Муромского края Владимирской земли не только в ландшафтах, она висит в воздухе. Чтобы увидеть ее и почувствовать, нужно только чуть приоткрыть душу. То же и вокруг Дивеева. Красота осталась. Ее сохранили соборы.

Я не буду говорить о всех маленьких чудесах, которые сопровождали нас в пути и по прибытии в Дивеево, они достойны отдельного рассказа. Остановлюсь на главном, на кульминации нашего пребывания в этих святых местах.

Вечером мы отстояли всенощную, в половине шестого утра были на полунощнице у раки преподобного, потом часы, исповедь, литургия, причащение. Пять часов пролетели как одно мгновение. Такая была благодать.

У иконы «Умиление» несла послушание сухонькая старушка с очень живыми глазами. Смотрю, мои монахини с улыбкой раскланиваются с ней. О чем-то быстро пошептались и разошлись. Оказывается, это их знакомая по лавре. Теперь живет в Дивееве. Обещала показать нам дорогу на источник Серафима Саровского, совсем недавно еще находившийся в закрытой зоне.

После скромного обеда, который предоставляет каждому паломнику монастырь, мы тронулись к источнику. В машине шестеро. Учитывая практическую невесомость монахинь, надеюсь, что рессоры выдержат. На штурманском сиденье Александра Федоровна. Она показывает нам путь. Милицейские посты миновали благополучно – сзади лишнего пассажира удачно прятали.

Наконец мы у границы Мордовского заповедника. У источника народу сравнительно немного, хотя на площадке стояло несколько автобусов. Одна очередь за родниковой водой, бьющей из обрыва, другая – для омовения в озерке. Температура воды 4–5 градусов, для «моржей», но люди идут в воду и с молитвой погружаются в нее с головой. Александра Федоровна предлагает всем нам не упустить такую редкую возможность исцеления от недугов. Я объясняю, что после тяжелой болезни мне никак нельзя, это равносильно смерти. Старушка смотрит на меня как на неразумного ребенка и молча направляется к воде. Я слышу: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь». Александра Федоровна как-то медленно, с достоинством погружается в воду. И так три раза по три. Она не спешит выходить из ледяной воды, приглашает колеблющихся.

Я задумался, говорю себе: «Какая же цена твоей веры, если ты боишься с молитвой переступить через этот смертельный страх? Знаешь ведь, что вера без дела мертва. Докажи, что веришь по-настоящему, и Господь не допустит рецидива болезни, не даст умереть». Внутри заклокотала битва. Тело бурно протестовало, а душа тянула в водоем. Рядом со мной стояла Ольга, староста нашего храма. У нее, видимо, тоже был не меньший накал борьбы. Последнее время она ходила с давлением 240/120, мир временами качался и плыл перед глазами. Когда Ольга засобиравалась в Дивеево, а это день пути на машине, дочь ее, медсестра, ложилась на дверь, как на амбразуру, не пускала. Когда же поняла неколебимость матери, насобиравала целый мешок таблеток, пилюль, ампул, шприцев.

Пока мы с Ольгой воевали каждый сам с собой, мои монахини уже устремились к лесенке. Первая Варвара, за ней Людмила. Я ведь знаю, не блещут они здоровьем, хвори постоянно

одолевают, то одно, то другое, а тут такая спокойная решимость. При виде их у меня наступил перелом, появилась какая-то легкость, уверенность. Но то была не та уверенность у обреза двери, когда отделяешься от самолета, встаешь на поток, падая, выполняешь комплекс фигур и потом раскрываешь парашют. Там присутствует расчет. Уверен, что правильно уложил парашют, что умеешь владеть телом в падении, когда воздух струится меж пальцев, как вода, знаешь, как соблюдать правила безопасности, если вдруг закрутит. У источника это чувство шло только от веры, от глубокого осознания своей защищенности Тем, Кому принадлежит мир.

Когда спускался по лесенке и щупал ногой дно, тело стянуло, сдавило ледяным панцирем. Последним усилием произнес: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь» – и окунулся. Сил хватило только на три раза. Многие паломники после омовения говорили о последующем комфорте, тело, мол, горит огнем. Я этого не почувствовал, но ощутил какое-то сладостное обновление.

Последней решилась Ольга. Она героически выдержала испытание, и сердце не лопнуло.

Александра Федоровна, которая деликатно не присутствовала при нашем испытании, увидев мою мокрую голову, вся засветилась, молча вынула свой синодик и предложила мне вписать туда всех, кого пожелаю. Ежедневное поминание о здравии на литургии у мощей преподобного – это, конечно, была высшая награда.

По возвращении я замер. Прошло три дня, контрольный срок при простуде. Никаких признаков. Минуло еще несколько дней. Самочувствие нормальное. Я понемногу стал смелеть, позволяя себе расширять границы дозволенного врачом. Примерно через месяц я наконец понял – по великой милости свершилось чудо.

У Ольги то же самое. Давление нормализовалось. Она полностью отказалась от лекарств и почувствовала себя вполне здоровой.

Где же границы чудес? А их, наверное, и нет. Вся наша жизнь – сплошное чудо, только надо научиться его видеть, пропускать через себя и благодарить Создателя. Это изначально дано без исключения каждому. Но если в душу напущен туман и ты падаешь в пропасть, надо осознать это, остановить падение, раскрыть парашют и ощутить необыкновенное счастье.

Сейчас Россия находится в глубокой черной яме, куда она попала если не по своей воле, то по своим делам. Честный, трудолюбивый, доверчивый народ поддался злему искушению бездуховности, своими руками лишил себя высшей поддержки, и сейчас нужно полностью откинуть чуть приоткрытый люк у этой ямы, чтобы туда хлынул живительный воздух Православия. Без этого Россию не спасти. А без спасенной России многих и многих ждет гибель. Православие без русских тоже ослабеет. Спасение только в единении. Русским надо проникнуться Православием. Наша сила в этом особом сплаве, который должно содержать в полноте, чистоте и непрестанно лелеять. Все в наших руках и вполне по силам. Православие – наше спасение, единственная надежда, которая всех объединит, Духом всех пропитает, насытит, поможет подняться и даст необходимые силы. Пока каждый из нас не осознает, что именно он в ответе за все, пока не встанет в полный рост, пусть даже зная, что уже взят на мушку, дело с места не сдвинется.

Многие спросят: с чего начать? Пойдите в ближайший православный храм, выберите себе священника по душе, доверьтесь ему, и он вам все расскажет. Надо всем нам очистить себя покаянием, просветленные ручейки помыслов и дел направить в одну сторону, чтобы получилась полноводная река, которая со временем станет могучей. А помощь, верьте, обязательно придет.

Август 1997 – июнь 1998 года

Книга вторая. Петушки обетованные

Молитва всех вас спасет.
Святитель Афанасий (Сахаров)

*Епископ Афанасий (Сахаров)
1925 год*

Введение

«Петушки обетованные». У взявшего в руки книгу сразу вопрос: «Что значит – обетованные? Разве это Святая Земля, куда стремился богоизбранный народ, или что-то похожее?» Вполне возможно, он сразу себе и ответит: «Да нет, автор, конечно, ошибается. Это же обыкновенная, ничем не примечательная глубинка средней полосы, райцентр Владимирской губернии. До революции его вообще на карте не было. Стояли тут железнодорожная станция Петушки, в 120 верстах от Первопрестольной по дороге на Владимир да большое село Старые Петушки на самом Владимирском тракте. А между ними огромное поле с лесами и перелесками, которое тянулось от Молодилова до Крутца. И богатств тут особых нет. Ну, земля, конечно, родит, так и потом ее нужно поливать. Правда, леса кругом щедрые: и грибы, и ягоды. Клязьма рыбой кормит. Но все это добавок к среднему достатку. Да и, деды сказывали, разбойный люд тут промышлял, трясли богатых проезжих. Промеж собой скликались петухами. Отсюда и название. Ну где тут обетованность?» Не спеши, дорогой читатель, оглянись окрест. Не хлебом единым жив человек. Существуют богатства особого рода, которые неизмеримо более привлекательны. Они не сравнимы с земными и не подвержены тлену. Они принадлежат вечности. Петушки славны духовными кладами. Здесь волею Господа проживали великие люди, имевшие особые сокровища. Они не прятали богатства, однако открывали свои ларцы только тем, кто стремился к ним прикоснуться и омыть свою душу. Среди обладателей этих кладов подвижники XX века – епископ Афанасий (Сахаров), ныне всероссийский святой, архимандрит Исидор (Скачков), игумен Платон (Климов), а также многие монахини и даже миряне. Светлой памяти этих людей, в большинстве совсем безвестных, скромных и в то же время высочайших молитвенников, спасавших в своем подвиге мир, и посвящается эта книга.

Всех, оказавших помощь в сборе материала, перечислить невозможно, огромное им спасибо. Отдельно хочу отметить настоятеля Свято-Успенского храма протоиерея Андрея Тетерина. Он предоставил в мое распоряжение достаточно обширные материалы о владыке Афанасии и некоторые документы о церкви. Глубокая благодарность петушинцам: сестрам Золотовым – Анне Ивановне, Лидии Ивановне и Валентине Ивановне († 5.09.2001), столетней старейшине Петушков Анне Петровне Богомоловой, Марии Сергеевне Виноградовой 94 лет, Евгении Сергеевне Ильчук, Людмиле Михайловне Мальчуговой, Анне Матвеевне Шатиловой († 20.10.2000), Ольге Алексеевне Быковой († 9.05.2002), Павлу Алексеевичу Грузину, Антонине Михайловне Гришиной, Екатерине Ивановне Липатовой, Александру Ивановичу Семёнову, Маргарите Модестовне Домбровской. Особая благодарность – настоятелю Свято-Афанасьевского подворья в Петушках Богородице-Рождественского монастыря игумену Афанасию (Селичеву).

2004 год

Храм

В жизни каждого православного человека особое место занимает храм. Ничто не может его заменить. Только здесь, под освященными сводами, предстоя в молитве у святых икон, человек быстро наполняется особой радостью. Уходят скорби, тревоги, печали, материнским покровом обнимает благодать. Здесь верующий получает утешение, поддержку в благих начинаниях и делах, защиту от вражеских происков, которые в бренном мире мы так часто встречаем. Храм Божий – это великая опора человека в жизни земной, потому люди в прежние времена так радели за церкви, строили их, оберегали от разрушения, осквернения, поругания.

Я хочу рассказать о храме, который был явлен в подвиге постройки по воле одного человека, потом в мужественной защите его прихожанами и бережном хранении. Этот храм стал центром притяжения в недавние лихие времена для многих светильников, которые на духовном небосводе теперь по воле Божией все ярче высвечиваются для нас.

Если вы едете на машине из Москвы во Владимир, то непременно проезжаете Петушки. Прямо у дороги, чуть в сторонке, слева на холме стоит с виду неприметная церковь из красного кирпича. Взгляд проезжего может скользнуть и не задержаться. Не до того. Машины несутся по городу с космической скоростью, нужно глядеть в оба, не мигнет ли встречный, предупреждая о засаде гаишников, чтобы успеть вовремя притормозить. Но если человек отринет муравьиную суету, остановится, выйдет из машины и перекрестится, его непременно потянет в храм.

В церкви человек замирает. Ему покажется, мир раздвинул свои границы, такой он увидит простор. Трудно себе представить во внешне неброском, архитектурно скромном сооружении огромный внутренний объем. Храм как бы подчеркивает – взыскупте не внешнюю, внутреннюю красоту, ищите в самом себе Царствие Божие, и мир для вас станет другим.

Притягивают к себе серо-голубые тона. В декоративном оформлении явно проступают черты, характерные для памятников древнерусской архитектуры, и в то же время общий стиль склоняется к позднему модерну. Специалисты говорят, что эта церковь является редким для Владимирской области памятником, а по интерьеру уникальным.

На парусах центрального свода располагаются мозаичные изображения Ангелов в полный рост, держащих на вытянутых руках символы евангелистов. Раскинутыми в стороны крыльями Ангелы опоясывают свод в нижней части. В зените незыблемо стоит стилизованный крест с вихрящимися лентами и крыльями. Мозаика выполнена из кусочков стекла светлых тонов, между которыми проложены полосы из сусального золота. Это вызывает дополнительный эффект. Композиция и техника ее исполнения создает впечатление струящегося сверху света, а сам свод становится большим тугим парусом, увлекающим вашу душу вверх.

Привлекает внимание иконостас. Он резной, дубовый. Какой прекрасный мастер оставил о себе память! Существует даже предание, что иконостас обошелся заказчику в умопомрачительную по тем временам сумму – 40 тысяч рублей, и что на выставке 1909 года в Париже он получил золотую медаль. Так это или нет – проверить сейчас трудно, однако в нем, несомненно, большая художественная, а теперь и историческая ценность. Взгляд привлекает литое бронзовое ограждение солеи прекрасной работы, в том же стиле паникадила, массивные подсвечники и особые киоты.

Кто же явил нам эту невероятную для небольшого села красоту – огромную церковь, которая могла бы стать украшением столицы, не говоря уж о центре губернии? Ведь ко времени открытия храма здесь, на Владимирском тракте, стояли только село Петушки да в километре от него железнодорожная станция-тезка.

Церковь как бы парит на высоком берегу речки Березки, и место это издавна называлось Поповка. Раньше здесь находился деревянный храм. По преданию, его сожгли татары, когда отряды Батыя терзали Владимирскую землю. При строительстве нынешнего храма во время раскопок действительно нашли обгоревшие головни, основание деревянного сруба и много человеческих костей. Очевидно, рядом находилось и кладбище.

Со временем церковь восстановили. Она простояла до смутного времени, когда снова была разрушена. Новый храм не воздвигали, хотя это святое место осеял кем-то любовно поставленный большой деревянный крест, который затем время от времени по ветхости заменялся другим.

С Поповкой связаны красивые легенды. По одной, будто перед нашествием татар тут был зарыт перевернутый колокол, полный золота и серебра. По другой – это случилось в Смутное время, когда литовцы и поляки споро бежали из сих мест к себе домой окольными путями, минуя Москву, уже занятую ополчением Минина и Пожарского, и не могли унести на себе все награбленные сокровища. В 80-е годы XIX века здесь даже побывали какие-то шибко ученые люди, которые нашли якобы записи в архивах Польши о кладе и примчались в Петушки. Правда, ничего не нашли.

Без храма деревня лишилась своей приходской самостоятельности и стала относиться к Крутцу (ныне Леоново), а с 1678 года Петушки вместе с Кибиревом уже переходят во владение Свято-Троицкого монастыря, что в Сергиевом Посаде. Еще в 1574 году братья Ловчиковы, судя по фамилии, видимо, люди удачливые, пожаловали в дар монастырю село Крутец с землями в округе и поселениями. При расширении своих владений монастырь приобрел себе и упомянутые деревни. По записям 1705 года в Петушках числилось 76 дворов, и деревня считалась самой большой в Крутецком приходе, почти в два раза больше любой другой. Для сравнения: в Кибиреве было 25 дворов. К началу XX века в Петушках вместе с Кибиревом насчитывалось 1100 душ.

Места здесь были совершенно особые. Кругом богатые леса, реки и речки, поля. Медовый воздух. Тишина. Неудивительно, что Петушки облюбовало семейство промышленника и предпринимателя Ивана Павловича Кузнецова. Семья проживала в основном в Москве на Воробьевых горах, но на лето и зимой на праздники обязательно приезжала в Петушки. Здесь у них была усадьба. Она располагалась на берегу Березки, у моста через нее на Владимирском тракте. Слева от него, если ехать из Москвы, наверху, стоял дом с большой террасой. Пониже, к

речке, – домик смотрителя усадьбы. Тут же огород с большими теплицами, повыше его – цветочные клумбы. За ними развесистые кедры, а в глубине усадьбы – чудесный парк с дорожками и цветниками. Теперь от огромного комплекса остались только давно не видевший ремонта перестроенный безликий дом, в котором ныне размещается станция «Скорой помощи», да остатки парка за теперешним зданием больницы.

Дед Ивана Павловича Данила Лукич Кузнецов пришел в эти места в 40-е годы XIX века из деревни Новая Покровского уезда. Он ничего не имел, кроме своих золотых рук и огромного трудолюбия. По профессии Данила был ткач по обработке на ручных станках бумажных тканей – казинета, нанки и др. Этому делу он научил местных жителей, и ремесло широко распространилось в округе. Зимой крестьяне брали материал заказчика в работу. Сын ткача, Павел Данилович, расширил дело, а Иван Павлович уже имел крупное фабричное производство в Переславле-Залесском.

Весь род Кузнецовых отличался особой преданностью Церкви, любовью к храму Божию. В церковной летописи села Крутец Павел Данилович в 70-х годах XIX века отмечался как жертвователю крупных сумм. Эту традицию продолжил и его сын. Заметим, только облачений в храме было около ста. А ведь большинство риз отличалось золотым и серебряным шитьем. Богослужебные предметы тоже были из драгоценных металлов. Сам Павел Данилович беспрерывно состоял старостой крутецкого Богоявленского храма, а потом по преемственности – и Иван Павлович. Сроки службы отца и сына в этой должности составили вместе почти полвека.

К 1904 году Ивану Павловичу удалось вплотную приблизиться к реализации своей давней мечты – постройке в Петушках большой церкви. Собралась необходимая начальная сумма, и Иван Павлович наконец решился. Помолится горячо и начал действовать. Правящий архиерей дал благословение на строительство храма Успения Пресвятой Богородицы с двумя приделами – северным, во имя святителя Николая Чудотворца, и южным, во имя евангелиста Иоанна Богослова. Ведь, по некоторым данным, древняя церковь была поставлена во имя апостола.

Место Иван Павлович облюбовал давно – прямо напротив усадьбы, там, где когда-то стоял древний храм. Туда вела дорожка по построенному через Березку мостику. 5 сентября⁴ 1904 года отслужили молебен на начало постройки, и пошли земляные работы. 15 мая 1905 года уже произведена закладка храма. Кирпич для строительства выпускал собственный завод. Были найдены неподалеку залежи прекрасной глины. Песок тоже нашелся рядом. Если вы по дороге в Кибирево пройдете Поповку, то вправо будет уходить старая, уже заросшая дорога на Евдокимцево. Вот тут-то неподалеку, у изгиба Березки, и стоял завод. Кирпич по особой технологии хорошо обжигался, подвозился к церкви и аккуратно складывался. Насчет аккуратности при постройке ходят легенды. Иван Павлович лично проверял кирпичную кладку и, если находил изъян, заставлял переделывать. А каково было тут каменщикам? Ведь раствор-то готовился на яичном белке и схватывал намертво. Зная требовательность заказчика, строители не только делали, ходили по ниточке. Все мастера, и строители, и художники, в основном были местные, владимирские. Видимо, поэтому и работало большинство из них не за страх, а за совесть. Войдите утром первыми в храм, и вы увидите – глазу не за что зацепиться. Плитка на полу, например, выложена так, что смотрится как зеркало озера в тихую погоду.

Общее руководство строительством вел управляющий Иван Архипович Кузьмин. Он приходился Ивану Павловичу зятем, был женат на его сестре Дарье. Жили они тут же, на другом углу перекрестка Поповки с трактом. Этот дом стоит донныне на самом повороте по дороге на станцию.

В инженерном отношении храм имел несколько уникальных, простых и в то же время гениальных решений. Поскольку служба предполагалась и зимой, было предусмотрено ориги-

⁴ Во избежание возможных неточностей все даты до 1918 года приводятся по старому стилю.

нальное отопление – весь пол нагревался установленной в подвальном помещении единственной «духовой печью». По системе воздуховодов дым выводился в трубу, которую обнимала другая труба, тоже с кирпичными стенками. Через нее осуществлялась вентиляция помещений. Дым от трубы нагревал ее стенки, а они, в свою очередь, нагревали воздух, который по системе воздуховодов поступал через решетки в стенах храма. Нагретый воздух устремлялся вверх, и таким образом происходила естественная вентиляция. Даже в большие праздники, когда храм был полон, в нем всегда легко дышалось.

Внутренние размеры храма впечатляли: в длину 47 метров (22 сажени), в ширину 21 метр (10 сажений) и в высоту 8,5 метра (4 сажени). Впечатляла и колокольня с колоколами. Их было девять. Самый большой весил 307 пудов, то есть почти пять тонн. Полиелейный поменьше, в 120, и сторожевой – 42 пуда. Остальные от 18 пудов до одного. Колокола были подняты и подвешены 24 июня 1910 года. Их малиновый звон слышала вся округа.

В убранстве храма принимали участие известные в России фирмы. Среди них – братьев Оловянишниковых, Рындина, Бурлюкова. Иван Павлович делал заказы только тем, кто мог выполнить работу на высокопрофессиональном уровне. Это чувствуется и поныне, хотя последующие ремонты и подновления уже в советское время снижают впечатление.

К середине июля 1910 года церковь была готова к освящению. Закончили роспись художники. Кроме чудесного орнамента, выделялись великолепно выполненные копии картин известных русских художников Васнецова, Поленова, Семирадского и других. Впечатляла в алтаре запрестольная во весь рост фигура Божией Матери с Младенцем – копия работы Васнецова во Владимирском соборе в Киеве. В алтарной части южного придела – «Моление о чаше» и фигура Иоанна Златоуста, северного – «Тайная вечеря» и Василий Великий. На западной стене храма в северной части – «Христос в доме Марфы и Марии», в южной – «Христос и грешница». На западной стене над входом традиционно «Страшный Суд».

Очарованный странник, попавший в новую церковь, замороженно продолжает оглядывать храм. По линии север – юг на стенах храма и двух столбах в полный рост подвижники благочестия, святые преподобный Сергей Радонежский, преподобный Серафим Саровский, равноапостольная великая княгиня Ольга, равноапостольный великий князь Владимир, пророк Иоанн Предтеча и великомученик и целитель Пантелеимон, а на углах арки трапезной части – преподобные Нестор и Максим Грек.

Глаз нельзя оторвать от резного иконостаса – первоклассного произведения русского декоративно-прикладного искусства. Чудесная резьба по мореному дубу, украшенная позолотой, органично вливается в интерьер. На общем темном фоне сверкают золотом писанные в академической манере иконы. Над царскими вратами венчает иконостас пламенеющая корона – изображение сил бесплотных, а над ними возносятся вместе три золоченые главки с крестами. По бокам чуть пониже такие же главки осеняют северные и южные врата. В приделах иконостасы скромнее, но все они вместе с главным создают впечатление какого-то мощного охвата и устремления вверх.

На западной стороне восточных столбов огромные иконы в прекрасных резных киотах. На южном – «Успение Пресвятой Богородицы», на северном – «Святитель Николай Чудотворец». Киоты выполнены в полной гармонии с иконостасом и составляют как бы единое целое. Кстати, все предметы декоративно-прикладного искусства, находящиеся в церкви, отличаются общей стилиевой направленностью и высочайшим профессионализмом исполнения. В первую очередь выделяются ограждение солеи и паникадила, стилизованные под древнерусские светильники – «хоры», которые встречаются в древних соборах домонгольской Руси. По стилю им соответствуют прекрасной работы богослужебные предметы в алтаре – потир, дискос, дарохранительница, напрестольное Евангелие. На большинстве имеются надписи – «О спасении Иоанна и Наталии со чадами» и даты вклада этих предметов в ризницу.

Семья у Ивана Павловича была большая. Жена – Наталия Никитична, дети – Александр, Николай, Владимир, Сергей, Наталия. Их небесным покровителям посвящена большая икона в резном киоте на западной стороне столба у свечного ящика. На переднем плане святитель Иоанн Златоуст, рядом мученица Наталия, благоверный великий князь Александр Невский, сзади них на втором плане святитель Николай Чудотворец, преподобный Сергей Радонежский и равноапостольный великий князь Владимир.

Отдельно следует отметить два литых бронзовых киота, которые были предназначены для специально заказанных икон, путь которых в храм оказался неблизок. Слева от алтаря у солеи – «Серафим Саровский», а справа – «Богоматерь Иверская». На задних стенках киотов старой вязью художественная гравировка. Судя по содержанию ее надписей, оба появились здесь позднее, хотя, видимо, заказ был сделан одному и тому же мастеру, скорее всего фирме, в одно и то же время вместе с остальным убранством храма, поскольку художественное оформление киотов полностью гармонирует с ограждением солеи. На левом надпись: «Сия икона преподобного Серафима освящена на святых его мощах в Саровской пустыни», на правом – «Икона сия написана и освящена на Святой Горе Афонской в русском святого великомученика целителя Пантелеимона монастыре, от коего и послана в храм Успения Божией Матери в село Петушки в благословение христоробивым жителям в благодатную помощь, покров и заступление всем с верою и любовью прибегающим ко Всеблагой Владычице мира и умильно молящимся к Ней пречистым Ея образом 1912 май 26 д.». Провидением появилась здесь афонская икона. Только заступничеством Пречистой можно объяснить, что Свято-Успенский храм в Петушках большевики так и не смогли закрыть, хотя попытки сделать это были.

Все иконы в иконостасе и деревянных киотах выполнены на металле и отличаются идеально ровной поверхностью, которая специально ребрится в местах, где выложена «золоченая соломка». Среди этих икон, которые сохранились с момента постройки и освящения храма, следует отметить одну, которая по стилю совершенно не выделяется из общего ряда. Она, несомненно, написана в одно время с остальными, но была предназначена не для храма. Эта икона висела в цехе ткацкой фабрики братьев Крашенинниковых, Ефима Поликарповича и Михаила Поликарповича. Эта фабрика нам известна как «Трудколлектив». Дома Крашенинниковых из красного кирпича и сейчас заметно выделяются у железнодорожного переезда возле фабрики, неся нам из прошлого какую-то особую основательность построек того времени.

Мастеровые благоговейно относились к иконе. Священномученик Ермоген, святитель Николай Чудотворец и преподобный Серафим Саровский оберегали верующих в их труде. Когда при широкой поддержке власти атеисты в 30-е годы пошли в наступление и потребовали убрать икону из цеха, эти же верующие спасли святыню от поругания и передали ее в храм. Теперь она висит справа от входа.

Однако вернемся в 1910 год. Освящение храма происходило в особой праздничной обстановке. Торжественность момента подчеркивалась присутствием высоких лиц. Приехал высокопреосвященный Николай, архиепископ Владимирский и Суздальский, с полным хором архиерейских певчих. С ним прибыли в Петушки первые протоиереи Владимира – кафедрального собора О. П. Евгенов и Дмитриевского собора В. В. Касаткин. Кроме них присутствовал игумен Никитского монастыря Переславля отец Владимир и протоиерей города Покрова П. О. Обтемперанский. Украшением хора стал редкий, как говорили тогда – бархатный, бас протодиакона Успенского собора Московского Кремля Константина Розова. Были тут светские власти и другие сиятельные лица.

В субботу 17 июля отслужили всенощное бдение, а на следующий день, в воскресенье 18 июля, перед Божественной литургией архиепископ Николай освятил главный престол храма в честь Успения Пресвятой Богородицы. По окончании освящения хор грянул многолетие храмоздателю, и тут же началась первая Божественная литургия, а после нее молебен Пресвятой Богородице.

По окончании службы высокопреосвященный Николай сказал свое архипастырское слово. Он поздравил всех «со светлорадостным торжеством освящения храма», отметил особенное значение успения Пресвятой, поскольку оно является лестницей, ведущей на небо, и призвал прихожан под благодатным кровом этой изумительной церкви созидать внутри себя благолепие души. Особую благодарность архиепископ выразил храмоздателю. Прихожане также от всего сердца благодарили Ивана Павловича за бесценный подарок и преподнесли ему икону. Многие говорили, что не устанут благодарить строителя церкви и молиться за него.

Свято-Успенский храм вскоре после постройки

Иван Павлович не только построил храм и украсил его иконами, но и полностью обеспечил его всей богослужебной утварью и облачениями. Он построил сторожку, церковные дома для священника, диакона и псаломщика. Они по сей день стоят через дорогу напротив церкви, правда, живут в них уже далеко не церковные люди. Кроме этого, фабрикант положил на счет церкви в банке приличную сумму. Храмоздатель поставил не только церковь. Он выстроил великолепную школу из того же красного кирпича. Она и сейчас стоит недалеко от перекрестка по дороге на станцию. Когда разразилась Первая мировая война, Иван Павлович устроил богадельню и лазарет, в котором лечились потом раненые солдаты.

Настоятеля Иван Павлович привез из Переславля. Священнику Петру Григорьевичу Покровскому только минуло 33 года. Был он высок, красив и голосист. Летом при открытых окнах церкви службу слышали на мосту. Иерей был то добрым и ласковым, то строгим и серьезным. Всех называл по имени-отчеству. Говорил внушительно и веско. Нельзя было не внимать. Хотя были церковные дома, отец Петр решил жить в своем. Батюшка купил в Крутове дом, который перевезли на Поповку. Ставил его Иван Кузьмич Мушкин. Дом этот по Кибиревскому проезду, номер 6 стоит и поныне.

Из псаломщиков первым был Владимир Петрович Добронадеждин. Из диаконов – отец Андрей Левитов. Служил он недолго. Господь принял его душу прямо в храме. Умер на клиросе во время службы. Похоронен напротив алтаря.

Первым старостой храма стал Иван Архипович Кузьмин. Он наблюдал за строительством, он и возглавил церковную общину. Вскоре его сменил главный инженер, а по наследству и владелец ткацкого предприятия Александр Ефимович Крашенинников.

При церкви был организован, если можно так сказать, класс пения. Руководил им Павел Васильевич Блинецов. Набирали в хор петушинского храма только мальчиков. Кстати, тут можно заметить, что тогда женщины не допускались на клирос. Послабление было сделано только в 1918 году на Поместном Соборе.

Кузнецовы были общительны. Устраивали праздники с фейерверками на Рождество и Пасху. Был даже театр. Он располагался в небольшом кирпичном доме перед парком. Пьесы ставились в основном библейского содержания и на темы русских народных сказок.

Для местных жителей праздники были чудом. Молодежь тут же собиралась на мосту через Березку, пела песни, плясала под гармонь. В овраге за церковью была площадка. Там тоже веселились по-своему. Были «гигантские шаги», другие развлечения для детей.

В церкви особенность праздника чувствовалась во всем. Энтузиасты старались выделить этот день так, чтобы он запомнился прихожанам. Паникадила, например, удивляли по-особому. Свечи были связаны ниточками, и каждая зажигала свою соседку. Так огонек и бежал по кругу.

Это счастливое время длилось недолго. Вскоре началась Первая мировая война, потом большевистский переворот и Гражданская. В двадцатых годах Россия уже лежала в руинах. НЭП дал только видимость оживления общества. Оно задышалось, и в первую очередь от духовного голода. Именно в это время церковная община, вернее ее самая активная часть, с учетом всех условий и обстоятельств того времени, сделала сильный и смелый ход, который позволил сохранить на долгое время храм действующим. У этих людей уже не было привычной защиты. Ушел в мир иной храмоздатель Иван Павлович Кузнецов. Он умер в Гражданскую войну, и подвижника благочестия еще успели с почестями похоронить в церковной ограде. Сгинул на буйных ветрах того времени Александр Ефимович Крашенинников. Теперь сама община должна была думать и стоять за себя перед лицом разбойничьей власти, которая уже к тому времени вполне проявила свое отношение к Православию.

С момента освящения храма и организации общины помогал первому старосте, а потом и второму кузнец Петр Васильевич Баканов. Жил он напротив церкви, через тракт. Добывал свой хлеб в поте лица, имел 13 детей и жизнью своей семьи явил пример судьбы простого русского человека, который попал под революционные жернова. После большевистского переворота, в самое беспокойное время его избрали старостой. Кузнец не словами, делом защищал веру своих предков. Он в числе самых смелых ставил свои подписи на документах в советские инстанции. Он же потом в числе первых и поплатился своей жизнью. Сменил его на посту старосты Иван Кузьмич Мушкин, который позднее тоже пострадал за веру. При нем община и отстояла себя.

Пользуясь декларативными заявлениями большевиков о свободе совести, 50 человек прихожан направили по инстанции, то есть в Орехово-Зуевский уездный отдел управления Московской губернии, от имени верующих граждан прихода Успенской церкви села Петушки Аннинской волости оформленное по всем правилам официальное заявление. При сем представили протокол собрания «верующих граждан православно-христианского исповедания» от 6 октября 1925 года, форменный устав Успенского религиозного общества при храме села Петушки, анкетные списки членов общества, анкетные списки приходского совета, анкеты служителей культа при общине, изменения описи имущества и подробную опись имущества. Документы посылались в трех экземплярах. Все 50 человек подписались под протоколом собрания и заявлением. Для пущей важности сослались на одну московскую газету от 1 августа 1923 года, где были напечатаны условия регистрации религиозных общин.

Отметим одну маленькую хитрость, на которую пошли прихожане. Учитывая громкие заявления коммунистов о том, что власть в стране принадлежит рабочим, крестьянам и мелким служащим, председательствовать на собрании поручили не какому-нибудь крестьянину-собственнику или ремесленнику-собственнику, а рабочему шпульной фабрики Федору Тимофеевичу Морозову. Секретарем был избран Иван Тимофеевич Бочкин, который, как указывалось в анкете, «живет на жалование по должности конторщика службы движения», то бишь железной дороги. Таким образом, собранием правили пролетарии.

Через девять месяцев был получен официальный ответ. Вот он, с сохранением орфографии: *«Состоялось утверждение Группы верующих на право пользования зданием и имуществом культа. Июня 2 1926 г. Пом. Нач. Уездмилиции по Администр. – Строевой части»*. Подпись неразборчива.

После официального признания община предусмотрительно избрала старостой храма простую крестьянку 28 лет Евфросинию Харитоновну Овсянникову. Она на этом посту с маленьким перерывом прослужила более 50 лет. Делала все быстро, хватко, бегом. Знала всех, и ее все знали. Тетя Фрося, как ее звали потом, стала символом преданности Церкви.

В 20-е и 30-е годы в храме кроме настоятеля служил диакон Федор Алексеевич Благоволин. Он одновременно преподавал и в школе второй ступени, то есть семилетки. Диакон в то суровое время не побоялся принять священнический сан и в годы гонений, как и многие, сгинул.

Здесь же в 30-е годы, в перерывах между арестами, служил диаконом великий и верный друг нашего святителя Афанасия (Сахарова) отец Иосиф Потапов. Кстати, их в одно время и арестовали в Петушках.

И служащие, и прихожане были особые. Обо всех рассказать невозможно. Приведем только примеры самые характерные.

Старейшие жительницы Петушков, прихожанки Анна Петровна Богомолова и Мария Сергеевна Виноградова. День Святой Троицы, 18 июня 2000 года

Среди прихожан одного из первых в ноябре 1936 года арестовали Петра Васильевича Баканова. Было тогда ему 68 лет. Вскоре кузнец погиб в тюрьме. Его дочь, Анна Петровна Богомолова, дожила до нашего времени. В 2004 году ей исполнилось 100 лет. Почти вплоть до юбилея она еще самостоятельно ходила в церковь, выстаивала полные службы и строго соблюдала посты. Долгожительница сохранила прекрасную память. Это она мне поведала много бесценных подробностей того дореволюционного времени, той удивительно чистой жизни верующих людей.

Анна Петровна вышла замуж по любви за человека сложной судьбы, который, однако, обладал одним бесценным качеством – был светел душой. Сергей Александрович Богомолов родился в Москве в семье богатых домовладельцев. Старожилы, должно быть, помнят богомоловские доходные дома у площади трех вокзалов. Родители умерли в 1914 году в один день и один час. Мальчику только минуло 11 лет. Опекуны, получив солидное наследство, тем не менее определили мальчика в приют при храме Христа Спасителя. Здесь готовили мальчиков для церковных хоров. У Сергея оказался прекрасный голос. В Гражданскую войну приют перевели во Введенский монастырь под Покровом. Архимандрит Павел взял мальчика под свою опеку. Сергей потом его самого опекал до смерти. По закрытии в двадцатых монастыря переехали старый и младый в Петушки. Здесь кое-как перебивались совершением треб, Сергей пел на клиросе, а жили где придется. У молодого человека был завораживающий своей красотой тенор. В начале тридцатых певчего по доносу арестовали «за контрреволюционную деятельность». Год работал на Беломорканале. На это время архимандрита приютил у себя в Молодилове известный нам по книге «На рассвете души» Михаил Павлович Гришин. По возвращении Сергей опять взял заботу о старце на себя. Последнее время жили с ним в старой баньке Дмитрия Федоровича Ляпакина, что стояла по-над речкой Березкой у моста напротив церкви через тракт. Вскоре архимандрит Павел умер и стал первым священником, похороненным в ограде петушинской церкви. Он открыл список славных имен.

Столетний юбилей. Анна Петровна Богомолова с дочерью Евгенией и племянником Владимиром Ивановичем Бакановым. Всем вместе 250 лет

Однажды кто-то из именитых проезжих, простояв службу и восхитившись чудесным голосом певчего, настоятельно порекомендовал Сергею съездить в Московскую консерваторию. Решать один он, однако, не мог. К этому времени Сергей Александрович уже обвенчался с Анной Петровной. Жена поддержала мужа. В Москве абитуриента прослушали 14 профессоров. Все они рекомендовали администрации принять молодого человека в Консерваторию. Но учиться можно было только на вечернем отделении. У четы появилась уже маленькая Евгения. Семью надо было кормить. Два года ездил студент по выходным в Москву и занимался по классу профессора Адена. Тот не скрывал своей радости от успехов подопечного. Все, однако, неожиданно оборвалось. 26 октября 1937 года Сергея Александровича арестовали, а через три дня расстреляли. Потеряв за один год отца и мужа, оставшись с малым ребенком на руках, Анна Петровна не упала духом, не растерялась... Вера ее спасла. Церкви она отдавала что могла, хотя могла немного. Работала бухгалтером, получала гроши, однако церкви помогала. С 1942 года по 1977 год тайно вела ее бухгалтерию. Почему тайно? Да потому, чтобы не думали некоторые, что она зарабатывает, ну и чтобы на работе не знали. Меньше проблем.

Про другого прихожанина, а потом пономаря мы уже знаем по рассказу «Аленький цветочек» из предыдущей книги «На рассвете души». Михаил Павлович Гришин – это тоже легенда храма. Он был свидетелем всех событий, связанных с храмом, и радостных и грустных. Об одном всегда вспоминал со слезами. В начале тридцатых это случилось, «аккурат была родительская, под масленицу», приехали уполномоченные, сломали запоры и ринулись на колокольню. Помешать им было невозможно. Начали сбрасывать колокола. Некоторые от удара раскалывались. Народ плакал. Потом на колокольню со временем удалось вернуть только маленькие.

Е. Х. Овсянникова, мать Маргарита и отец Иосиф Потапов у гроба почившего настоятеля Свято-Успенского храма отца Петра

Добром поминают тетю Фросю, Евфросинию Харитоновну Овсянникову (8.07.1898–13.06.1983). Исключительным человеком она была. Полностью свою жизнь отдала храму. Все хозяйственные вопросы лежали на ней. А по тому времени это было очень непростым делом. В трудные тридцатые и сороковые годы, когда практически ничего нельзя было достать, все, что нужно для храма, церковь имела. Тетя Фрося настолько поднаторела в хозяйственных делах, что по запаху и на ощупь определяла качество, скажем, олифы, лампадного масла, красок. Ее нельзя было обмануть заезжему коробейнику. Свои петушинцы старосте помогали, хотя такая помощь многим потом выходила боком. Даже внешним видом она невольно подчеркивала свое служение. Все время ходила в черном платке, но перед причастием надевала апостольник. Кто она была, инокиня или мантийная монахиня, никто не знает.

Перед Святым причастием 25 февраля 2001 года

Причащает отец Андрей

В 1940 году наложили огромный налог на церковь. Собрали все, что могли. Заплатили. Месяца через два опять налог, еще больше. Отец Петр отказался служить. Церковь стояла под угрозой закрытия. За ее спасение взялся отец Платон, один из последних монахов Зосимовой пустыни. Деньги игумену были не нужны. Он удовлетворялся плодами огорода да подаяниями на канун. Прихожане воспряли. Тетя Фрося опять пошла по кругу, опять собрали необходимую сумму. Власти, однако, не унимались. Последний налог оказался непосильным. И взять неоткуда. Стали все усердно молиться Пресвятой Богородице. И буквально в день получения

извещения на уплату налога вечером стук в дверь сторожки, где жила староста. Открывает – незнакомая женщина. «Что тебе, милая?» А та тихо, почти шепотом, говорит: «Знаю, очень вам деньги нужны. А храм нужен и вам, и мне. Вот здесь столько, сколько нужно». Передала сверток и тут же вышла. Чудо. Потом, через какое-то время, тетя Фрося случайно узнала эту женщину. Проживала она в Ундоле. Вполне возможно, прослышала та о скорбях петушинцев от инокини Агриппины, которая буквально незадолго до этого приехала в Петушки с этой станции, где к тому времени уже закрыли храм. А наш храм так и остался стоять. Власти уже больше не дерзали подступиться к нему таким традиционным и часто эффективным путем. Растерялись. Знали бы они, что дело-то это бесполезное. Храм и Петушки находятся под покровом Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, и пробить его невозможно. В Петушках жили великие подвижники благочестия, новомученики и исповедники. Среди них владыка Афанасий (Сахаров), ныне прославленный в лике всероссийских святых, архимандрит Исидор, игумен Платон, многие монахини и схимонахини. Прежде всего по их молитвам Пресвятая простирает Свой омофор над нашим храмом, над всеми нами, притекающими к святым Ее иконам.

Список священников – настоятелей храма – невелик. После о. Петра, который умер в 1953 году, некоторое время служил о. Платон, потом его сменил о. Геннадий Сизов. С 1959 года в храме о. Игорь. В 1972 году приехал о. Михаил, после него – о. Роман. Первая его служба была 16 апреля 1986 года. Протоиерей Андрей Тетерин служил с 4 декабря 1987 года по 22 мая 2004 года. Теперь о. Андрей служит в Князь-Владимирском храме во Владимире.

За свечным ящиком – староста храма Ольга Алексеевна Быкова

Я слушал проповеди многих священников, включая именитых московских, но в числе трех лучших я бы отметил нашего отца Андрея. Искусство проповеди – это талант. Он дается от Бога. Даже священники, которые в семинарии и академии прошли обязательный курс гомилетики, не все владеют этим искусством. Главное ведь в проповеди – пробиться в души людей, укрепить их в вере, привести к покаянию и любви к ближним. Отец Андрей любой сюжет Писания всегда связывает с нашей повседневной жизнью и простыми аналогиями при-

водит к вечным истинам. Я видел лица прихожан, стоящих у амвона. Они светлеют. Значит, проповедь волнует сердце, бережит душу, заставляет задуматься.

Другая сторона таланта батюшки – рачительная и хозяйственная забота о храме. Сколько раз меняли кровлю, пока не получили надежную, переустанавливали водостоки! Зато теперь стены сухие. А сколько было проведено реставраций, ремонтов, поновлений! В 1999 году покрыли купола под золото. Тут попечители помогли. Большие деньги пожертвовали при условии, что не будет огласки их имен. Не только местные предприниматели учинились, из Первопрестольной подсобили.

15 июня 2004 года был назначен новый настоятель – о. Сергей Березкин. Несколько лет назад он служил в нашем храме вторым священником. Потом его назначили настоятелем церкви Покрова Пресвятой Богородицы, что в городе Покров. Там он проявил себя с самой лучшей стороны, стал благочинным Петушинского благочиния и вот теперь вернулся под своды дорогого всем нам храма.

Да стоит до века храм Успения Пресвятой Богородицы во граде Петушки, чтобы можно было здесь всегда внимать: *«Благословен Бог наш»*, постоянно воспринимать: *«Близ Господь всем призывающим Его...»* (Пс. 144, 18) и душою испрашивать: *«Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое»*, зная, что Он *волю боящихся Его сотворит и молитву их услышит* (Пс. 144, 19). Многая лета!

2000–2005 годы

Люди Божии

Если вы войдете во вторые ворота старого петушинского кладбища на Поповке, метров через шестьдесят справа прямо от дорожки начинается длинная ограда, в ней десять могил. Чьи они? Надписи скажут за себя: м. Ермогена, м. Арсения, м. Серафима, м. Анатолия, инокиня Евдокия, м. Маргарита, инокиня Акилина, инокиня Варвара, послушница Анастасия, инокиня Агриппина. Это имена слуг Божиих, которые обретались в Петушках и нашли здесь свое упокоение. Знаменитая церковная староста Евфросиния Харитоновна Овсянникова, добрая, деятельная, бескорыстная тетя Фрося, зная каждую, заранее позаботилась о них. Как только отошла в мир иной первая, монахиня Арсения, заказала ограду на всех. Теперь сестры о Господе всегда рядом. Не только те, кто в общей ограде. Матушка Епифания попросила ее похоронить недалеко от сестер в ограде семьи Золотовых, близких ей по духу людей. Инокиня Екатерина покоится через тропинку. Монахиня Мисаила – рядом с тетей Фросей. Только блаженная Мария и монахиня Евдокия чуть подальше. Да еще дальше покровские монахиня Ангелина и схимонахиня Михаила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.